

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИЛЛЮЗИИ
КАК «ВАЖНЕЙШЕЕ
ИЗ ИСКУССТВ»

ПРОГУЛКИ ПО «МОСФИЛЬМУ» С.88

ФОНД
«РУССКИЙ МИР»
ОБЪЯВЛЯЕТ
ФОТОКОНКУРС

«МОЙ РУССКИЙ МИР»

ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР» ПРОВОДИТСЯ
В РАМКАХ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРИУРОЧЕННЫХ
К ЮБИЛЕЮ ФОНДА «РУССКИЙ МИР».

ЦЕЛЬ ФОТОКОНКУРСА – ФОРМИРОВАНИЕ, УКРЕПЛЕНИЕ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РУССКОГО МИРА И РОССИИ
СРЕДИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ,
А ТАКЖЕ ГРАЖДАН ДРУГИХ СТРАН, ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ
И ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК.

РАБОТЫ НА ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР»
ПРИНИМАЮТСЯ С 1 МАРТА ПО 30 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА.

ПОБЕДИТЕЛИ БУДУТ ОПРЕДЕЛЕНЫ КОНКУРСНОЙ КОМИССИЕЙ ДО 31 ОКТЯБРЯ 2017 ГОДА
И ПРИГЛАШЕНЫ НА XI АССАМБЛЕЮ РУССКОГО МИРА,
КОТОРАЯ СОСТОИТСЯ З НОЯБРЯ 2017 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ.

ФОТОКОНКУРС ПРОВОДИТСЯ В ПЯТИ НОМИНАЦИЯХ:

Лица
Русского мира
(портретные
фотографии
людей, имеющих
отношение
к распространению
русского языка
и культуры
за рубежом);

Памятные места
Русского мира
(пейзажные фотогра-
фии мест, свя-
занных с Россией
и Русским миром,
в стране прожи-
вания участника
фотоконкурса,
в том числе:
старинные здания,
храмы, монастыри,
памятники, природ-
ные заповедники,
парки и т.п.);

События
Русского мира
(репортаж
о событии,
связанном
с Русским
миром);

Артефакты
Русского мира
(фотографии одного
или нескольких
предметов,
принадлежащих
автору фотографии,
имеющих для него
духовную ценность
и символизирующих
его связь
с Русским миром);

Приз
зрительских
симпатий
(номинация,
победитель которой
определяется
путем открытого
голосования
в разделе
«Фотоконкурс»
на портале
www.russkiymir.ru).

Положение о фотоконкурсе «Мой Русский мир» опубликовано на сайте фонда
«Русский мир» (www.russkiymir.ru), а также на страницах фонда
«Русский мир» в социальных сетях.

УРОКИ ФЕВРАЛЯ

В ЭТОМ ГОДУ – 100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ революции. Раньше события 1917 года делили на Февральскую (буржуазную) и Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Но с 2013 года в едином учебнике истории появилось понятие единого процесса, растянувшегося на целый год. При этом сама Февральская революция была отчасти «реабилитирована» – в том смысле, что перестала трактоваться как некое «второстепенное событие», лишь предварившее восстание, организованное большевиками.

С другой стороны, чем рассудительнее мы теперь анализируем само начало того, что некоторые называют новой Смутой, тем весомее видятся аргументы тех, кто не считает, что все случившееся тогда с империей было предопределено железной логикой Истории.

Изучение подробностей Февраля неумолимо наталкивает на мысль о том, что в них было больше предательства правящей элиты, малодушия власти, стечения случайных обстоятельств и, как результат, хаоса, из которого родилось безумное и безответственное желание «разрушить старый мир». Но это не было результатом последовательной планомерной работы адептов «нового мира». То были смутьяны, бунтари, террористы, некоторое число которых «бродит» во всяком динамично развивающемся обществе, каковым на тот момент была и Россия. Но чтобы эти слои, которые подчас называют «политическими маргиналами», сумели взять верх над отлаженной веками государственной машиной, чтобы они сумели очаровать в мгновение исторического ока миллионы масс своей несбыточной утопией – для этого нужны были действительно какие-то уникальные условия. Возможно, Великая русская революция случилась лишь потому, что те, кому было по должности и согласно патриотическому долгу

предписано заботиться о политической стабильности в стране, думали, что страна эта столь сильна, могущественна и неколебима в своем имперском величии, что с ней ничего страшного приключиться не может. И эта самоуверенность правящих элит, отчасти спровоцировав их тогда безответственное поведение, предательское по отношению к интересам страны, возможно, и является главным уроком 1917 года.

И тут, конечно, надо не столько праздновать этот юбилей, сколько изучать уроки величайшей исторической драмы, от последствий которой мы не можем оправиться до сих пор.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ ЯЗЫК

06 Вавилон говорит

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

10 Не пыль
на ветру

СИТУАЦИИ

16 Наша солнечная Тася

ИСТОРИЯ

20 Кому аксельбант,
кому туфелька28 Жизнь одной
усадьбы34 Липовые
древности

НАСЛЕДИЕ

40 Опыт
Ломоносова48 Из тяжести
недоброй

ТРАДИЦИИ

56 На круги своя

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Анна ГАМАЛОВА
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Андрей СЕМАШКО
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (495) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkimir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
ТАСС

МУЗЕИ

62 Хата
на обрыве

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

70 Тайны дома
Карамзиных

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

76 Пылесос
«Ракета»

РЕПОРТАЖ

80 Коляда
в утерянной
деревне

КУЛЬТУРА

88 Создатели
иллюзий

ВАВИЛОН ГОВОРИТ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

РУССКИЙ ЯЗЫК В ГОРОДАХ-МИЛЛИОННИКАХ ПОСТЕПЕННО ПОГРУЖАЕТСЯ В СОСТОЯНИЕ АГНОЗИИ. К ТАКОМУ НАСТОРАЖИВАЮЩЕМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПРИШЛИ УЧЕНЫЕ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН НА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ МЕГАПОЛИСОВ».

—Я ЗЫКОВАЯ АГНОЗИЯ — относительно новое и пока почти не изученное явление, — делится наблюдением доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН Андрей Кибрик. — Она проявляется в том, что люди по инерции считают, что живут в мире понятного им одноязычия, и не видят языкового разнообразия вокруг — современного мирового лингвистического тренда. Самая большая проблема заключается в том, что даже лингвисты не замечают и мало изучают меняющееся языковое

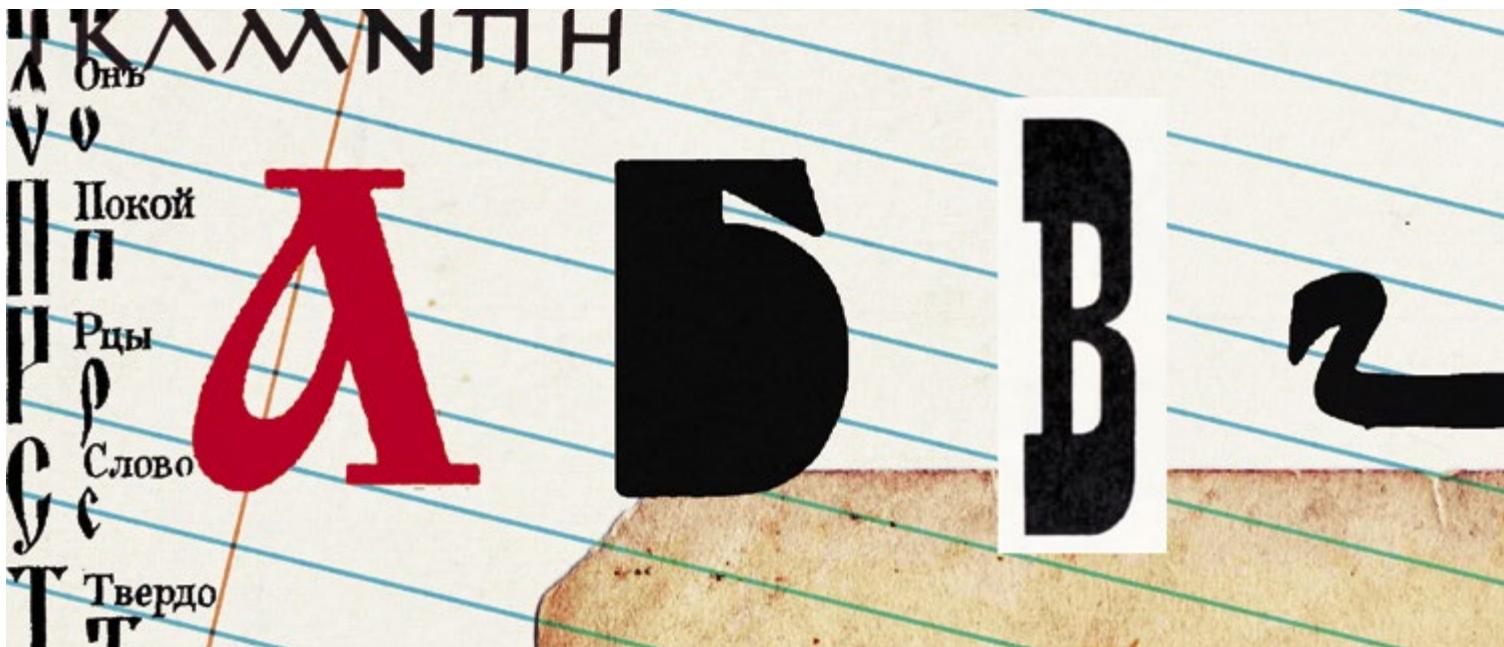
многообразие городской среды. Лингвисты ездят в дальние научные экспедиции, охотятся за редкими языками, а что происходит у них под носом, толком не знают.

Между тем, как считают эксперты Института языкоznания РАН, из-за бурного роста миграционных процессов темпы наступления языкового разнообразия на российские мегаполисы таковы, что впору говорить о появлении «Вавилонской башни» языков. В ее фундаменте — русский язык, но он уже настолько неоднороден, что лингвисты заговорили о подспудном складывании нескольких русских языков!

ТРЕНД НА ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

С причудами нового «Вавилона» XXI века лингвист, преподаватель филологического факультета МГУ Ольга Синёва столкнулась, как это водится, случайно. И сначала не оценила масштаб явления. Таксист, который вез ее из московского пригорода в университет, как она считала, был с Кавказа. Сломалась машина. Ее ремонт на морозе занял полчаса. Когда снова тронулись в путь, водитель сразу уже не русским языком без акцента — в чем она успела убедиться в начале пути, — а украинизмами в речи: «Э-э-х, сейчас горилки бы откушать». — Звук «г» он смягчил и заглушил так, как умеют только те, кто владеет суржиком.

Выяснилось, что таксист — армянин, родился в Грузии, жил на Украине, а в 2014 году бежал из Донбасса, из знаменитого Славянска, в Москву. «На украинском пять-семь фраз выучил, когда документацию перевели на «мову», — рассказал он, — а так, как все, больше суржик знал». Синёва тогда отнеслась к встрече как к языковой причуде. Но потом «экзотичные» случаи начали повторяться. У родителей Синёвой в московском дворе дворники-киргизы по-русски говорят плохо, а здороваются

почти как в российской провинции: «Здра-асте». Или в модных сегодня узбекских пекарнях Москвы и Санкт-Петербурга продаются не только традиционные национальные лепешки, но и редкие «русские» сорта хлеба – белая «буханка» и серый «кирпич». Их не пекут в Узбекистане, их уже почти не пекут в России, но в языковой памяти тех, кто когда-то учил русский язык и говорил на нем, «буханка» и «кирпич» сохраняются, в том числе в речи. Правда, как предостерегают ученые, пришло время не ностальгировать или восхищаться столь бережным отношением к русскому языку, а анализировать причины его «заморозки».

– Речевое поведение мигрантов – явление загадочное и неоднозначное, – признает Ольга Синёва. – Его главная составляющая – в ответах мигрантов, как правило, почти всегда много сознательной неправды. Она продиктована либо стремлением показать знание языка, либо угодить, либо угадать правильный ответ, либо максимально дистанцироваться от чужой культуры речи. Первые три модели речевого поведения ведут к копированию как способу интеграции, последняя – к изоляционизму как интуитивному

отказу от врастания в чужое языковое пространство.

Как считает автор исследования «Речевое поведение мигрантов России» Ольга Синёва – и с ней соглашаются лингвисты Института языкоznания РАН и Института русского языка РАН, – установка на интеграцию в последние годы заметно проигрывает изоляционистским речевым тенденциям. Одна из причин заключается в том, что в языковом разнообразии городской среды, где не обязательно говорить по-русски и можно спрятаться за языком диаспоры, тренд на языковой изоляционизм постепенно берет верх. Что и ведет к медленному складыванию нескольких русских языков с разными выразительными акцентами.

ЧЕМ ЕВРАЗИЕЦ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ АЗИАТА

Недавно НИУ «Высшая школа экономики» провел социологическое исследование среди российских мигрантов. Его суть заключалась в просьбе обозначить свою языковую и социокультурную принадлежность. «Я – европеец» ответили 1 процент, «Я – человек мира» – 1 процент, «Я – азиат» – 41 процент, «Я – евразиец» – 19 процентов, «Я... (далее указание наци-

ональности, предполагающее отказ от всех прежних позиций)» – 34 процента, затруднились с ответом – 4 процента. С точки зрения социологов, самый большой показатель – 41 процент («Я – азиат»), выходящий за рамки моноэтнического самосознания основной части мигрантов из Средней Азии, – говорит о том, что шансы у русского языка как языка межнационального общения по-прежнему велики, но малореализуемы даже внутри России. И хотя с 1 января 2017 года в стране введена госпошлина за получение документа с оценкой знаний русского языка и истории России, подразумевающая, что его будут активно получать мигранты, чтобы трудоустроиться, ученых есть большие сомнения в том, что новация заработает.

– Во-первых, более чем 60 процентам мигрантов как госпошлина, так и сам многоступенчатый экзамен не по карману, – говорит Юрий Коряков из Института языкоznания РАН. – Во-вторых, российский языковой пейзаж Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга – любого большого города, где востребованы мигранты, – таков, что они селятся диаспорально или землячествами,

где часто посреднические языковые функции выполняют земляки-«толмачи», а приезжие новички разговорному русскому языку учатся у более опытных мигрантов.

Как считает Коряков, подобная схема в какой-то мере отражение сложившейся языковой картины самого большого мегаполиса России – Москвы. Так, по данным переписи 2010 года, из 11,5 миллиона москвичей 99 процентов свободно говорят по-русски, а для 71 процента он является единственным языком, на котором его носители умеют говорить. При этом в Москве 11 распространенных языков. Два укорененных – русский и татарский. Девять распространенных – азербайджанский, армянский, украинский, грузинский, белорусский, узбекский, киргизский, молдавский и таджикский.

— Динамика расширения влияния этих языков такова, что картина постепенно меняется, — говорит Юрий Коряков, — многоязычие постепенно набирает обороты не только в семье и в быту, но и в деловых отношениях — в бизнесе, торговле или на семейных предприятиях. И таким образом, монополия русского языка никуда не дева-

ется, но однолингвистическое сдатание позиции, его монополия ужимается. Примерно по такой же модели развивается и речевое поведение мигрантов. Их языковая и социокультурная адаптация к российским реалиям идет через билингвальный опыт. В нем ведущую роль играет уже не русский язык, как в начале 90-х, когда шли первые волны миграции, а родной язык. И лишь позже, когда мигрант принимает решение адаптироваться или нет в России – то есть говорить по-русски, отдавать своих детей в местную школу, самому сдавать экзамен по русскому языку или не продлевать срок пребывания в стране, – начинается врастание в российский социум.

– Рубеж, когда русский язык уходит из оборота или, наоборот, становится нормой общения, – считает Ольга Синёва, – составляет три года пассивного и активного использования языка. Тут этапы просты: сначала чтение вывесок, афиш и объявлений в общественном транспорте, потом умение считать деньги и различать звуковые объявления в общественных местах, затем – фаза говорения, затем период интенсификации – ис-

пользование в речи крылатых выражений.

Однако, по наблюдениям лингвистов МГУ и НИУ-ВШЭ, доля мигрантов, которые продлевают сроки пребывания в России от двух до трех-пяти лет, сокращается. Число же гастарбайтеров, которые предпочитают работать вахтовым методом – по три-пять месяцев или сезонно, а затем месяц или зиму проводить на родине, – возрастает. Вместе с этой тенденцией евразийский вектор ориентации мигрантов, когда они предпочитают сдавать экзамен по русскому языку и российской истории, уступает самосознанию «Я – азиат». В последнем случае приезжий ограничивается возможностью говорить на русском языке, который им «преподают» земляки-«толмачи» или местные «педагоги» – к примеру, строители, работники овощебаз или сантехники.

ЗАЧЕМ ТРЕМ РУССКИМ ЯЗЫКАМ ГОРОДСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Таким образом, современный языковой миграционный пейзаж городской среды по-прежнему держится на запасе знаний русского языка еще из времен СССР. Это нижний

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

и пока самый крепкий «этаж» новой русской «Вавилонской башни». Именно он составляет основу разговорного русского языка мигрантов, умеющих читать, говорить и в меньшей мере писать по-русски, чье представительство в миграционной среде остается базовым, но постепенно снижается. Второе место после разговорного русского языка занимает «азиатский» русский: его носитель, как правило, умеет только говорить по-русски, знаком с азами письма, но уже почти не читает по-русски. Третье место занимает «вахтовый» русский язык. Это когда иностранцу доступны общие бытовые фразы и наиболее распространенные слова, которые «выветриваются» из речевого оборота вместе с окончанием срока пребывания в стране.

Точные пропорции представительства трех русских языков мигрантов в российской языковой среде не изучены и пока не известны. Как считают лингвисты Института языкоznания РАН и Института русского языка РАН, будущее в этом смысле за новым направлением лингвистической мысли – городской лингвистикой, которая осторожно пускает корни в Москве,

Перми, Новосибирске, Томске и Санкт-Петербурге.

– Пока у городской лингвистики чисто прикладной характер – репрезентация русского языка для детей-иностранцев, – говорит генеральный директор АНО «Этносфера», декан факультета международного образования Московского института открытого образования (МИОО) Елена Омельченко. – И мы намеренно заужаем характер репрезентации. Она на данном этапе развития формулируется так: как содействовать интеграции иноязычных мигрантов в российской начальной и средней школе? Мы делаем ставку на будущие поколения. Тут главная проблема – разрывы в знаниях русского языка, на ликвидацию которых уходит от года до полутора лет подготовительных курсов и программ.

По данным центра «Этносфера», в 2016 году в российских школах обучались 1,1 миллиона детей до 17 лет из стран СНГ, чьи родители захотели отдать своих отпрысков обучаться в школах страны пребывания. При этом 25 процентов таких родителей забирают своих детей из российских школ по окончании сроков своей работы. 65 процентов из них не готовы платить за

обучение своих детей, включая оплату неизбежных дополнительных занятий по русскому языку. 20 процентов, наравне с российскими родителями, платят за разные дополнительные занятия.

Установка городской лингвистики, таким образом, делается на вживление модели языковой адаптации именно в школу. Проблема адаптации переносится из иностранной семьи, где, как правило, говорят на «вахтовом» либо «азиатском» русском или уже вообще на нем не говорят, на российские социальные институты – детский сад (пока в меньшей мере), школу и внесемейное социальное окружение.

– Направление городской лингвистики только оформляется, – говорит Андрей Кибрик. – На первом этапе ее прикладной характер закономерен и неизбежен. Затем совместно со Свободным университетом Берлина и Университетом Гамбурга мы намерены провести исследования, которые помогут типологизировать явление разных русских языков и придать их изучению фундаментальный характер, что позволит встроить их в классический русский язык.

НЕ ПЫЛЬ НА ВЕТРУ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ФИЛОЛОГ, КРАЕВЕД, ПРОСВЕТИТЕЛЬ... ВЫ, НАВЕРНОЕ, СРАЗУ ПРЕДСТАВИЛИ СОЛИДНОГО МУЖЧИНУ С БОРОДКОЙ, В ЖИЛЕТКЕ И ОЧКАХ? НЕ УГАДАЛИ! ГЕРОЮ МОЕГО РАССКАЗА ЕЩЕ НЕТ И 30 ЛЕТ, ОН НОСИТ ДЖИНСЫ, ЛЮБИТ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ И ХОДИТЬ ПО МУЗЕЯМ. АЛЕКСАНДР ФИЛЕЙ ИЗВЕСТЕН В ЛАТВИИ КАК ОРГАНИЗАТОР АКЦИИ «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ». ОН – ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ, А ЕЩЕ – АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК ДНЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛАТВИИ, ЭКСКУРСОВОД, ПОПУЛЯРНЫЙ БЛОГЕР И ЛЕКТОР, НА БЕСПЛАТНЫЕ ЛЕКЦИИ КОТОРОГО ПО ИСТОРИИ РИГИ СОБИРАЕТСЯ ПО 150–200 ЧЕЛОВЕК.

АЛЕКСАНДРА Я ЗНАЮ уже несколько лет как защитника образования на русском языке, принимавшего участие во всех акциях протеста против реформы русских школ, а также в акциях в защиту прав русскоязычного населения Латвии. Мы не раз

вместе стояли в антифашистских пикетах, протестуя против позорных маршей латышских легионеров Ваффен-СС по улицам Риги, принимал он участие и в пикетах против действий британских ювенальных властей, отнимающих детей у граждан Латвии... В Дни русской культуры в

Латвии он проводил увлекательные экскурсии по Риге или читал лекции в рамках проекта «Культура есть знание». Среди его тематических лекций – «Рига в стихах и прозе», «Русские места Риги. Прошлое и настоящее», «Рига в период Российской империи», «Литературная Рига в творчестве русских писателей»...

Хотелось бы отметить, что на нынешних историках и краеведах в Латвии, да и не только в ней, лежит особая миссия. В угоду политическому моменту сегодня во многих странах, пораженных вирусом русофобии, если и не придают анафеме все имеющее отношение к русской истории и культуре, не разрушают памятники – хотя случается и такое, – то повсеместно убирают мемориальные доски на русском языке, переименовывают улицы, из экспозиций музеев изымают картины русских художников, замалчивают исторические факты, имеющие отношение к нашему давнему и недавнему общему прошлому. Так что не ангажированным историкам, краеведам, учителям, журналистам, не желающим предавать ни свои корни, ни свое Отечество, приходится быть и просветителями, и хранителями русской истории.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

По русской Риге
с Александром
Филеем

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЗДЕСЬ БЫЛ ПЕТР

С Александром мы договорились встретиться в самом центре латвийской столицы, у памятника Свободы, чтобы рассказать журналу «Русский мир.ru» о заповедных местах русской Риги. Я еще помню, как в советские годы троллейбусы и автобусы останавливались в этом месте, где начиналась главная рижская улица, в царские времена носившая название Александровский бульвар, в период немецкой оккупации – Гитлерштрассе, в советские годы – улица Ленина, а с 1990-х годов ставшая улицей Бривибас (Свободы). Уже более четверти века площадь у памятника Свободы – исключительно пешеходная зона. Рижский филолог-краевед уточняет, что Бульварное кольцо на этом месте было создано сравнительно недавно – в середине XIX столетия, когда Рига перестала быть городом-крепостью:

– Именно здесь проходит водораздел между старым и новым городом. И уж коль мы сегодня говорим о русской Риге, то надо напомнить, что памятник Свободы здесь появился лишь в 1935 году, – говорит Александр. – А в 1910 году на этом самом месте возвышалась конная статуя Петра I. На открытие памятника Петру Великому в Ригу приезжал император Николай II с супругой и детьми...

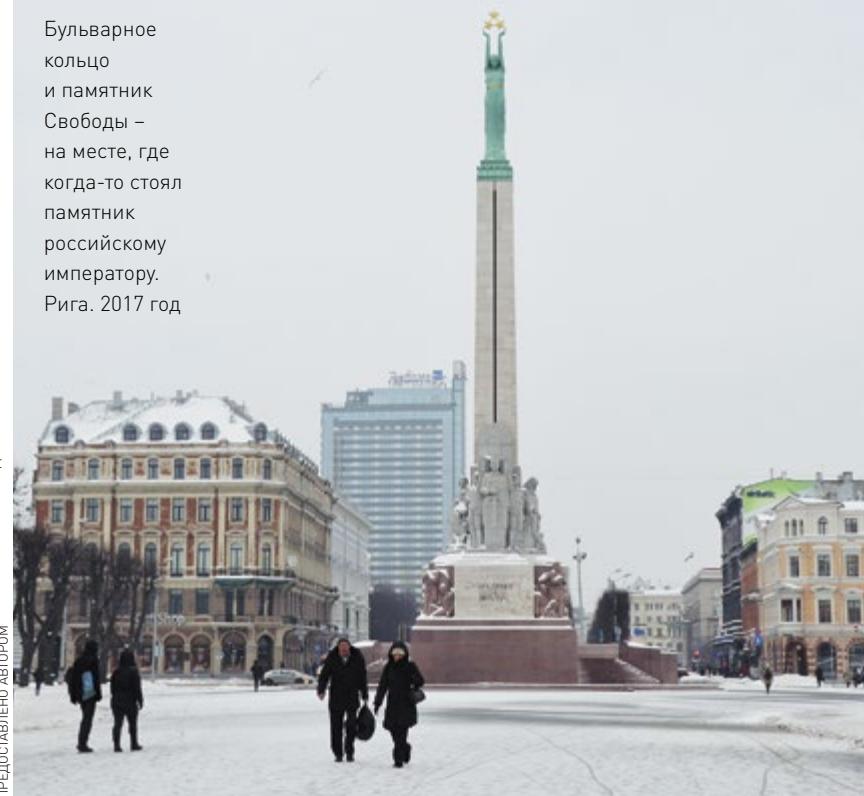
В Риге, да и в других городах Латвии, есть немало мест, так или иначе связанных с

Так выглядела латвийская столица в 1910–1915 годах, когда на Александровском бульваре возвышалась конная статуя Петра I

4 июля 1910 года в Ригу на торжественное открытие монумента Петру Великому прибыл император Николай II с августейшей семьей

Бульварное кольцо и памятник Свободы – на месте, где когда-то стоял памятник российскому императору.

Рига. 2017 год

Петром Великим, но вот этому его памятнику не повезло, пожалуй, более всего. Он простоял в центре Риги всего лишь пять лет. В июле 1915 года, в связи с приближением германских войск к Риге, величественную статую сняли с постамента, погрузили на пароход и отправили в Петер-

бург. В Финском заливе судно было торпедировано и затонуло у берегов Эстонии. В 1934 году ее обнаружили эстонцы и предложили за вознаграждение вернуть находку латышам. Но при подъеме со дна залива статую сильно повредили, в таком виде она и прибыла в Ригу. К тому времени

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ее законное место, увы, уже было занято строящимся здесь монументом Свободы.

Бронзового российского императора в Латвии, ставшей в 1918 году независимым государством, никто восстанавливать не спешил, его перевозили с одного склада на другой. В советские годы энтузиасты предлагали вернуть к жизни конную статую, но русские цари тогда были не в чести у новой власти... В 2001 году монумент был восстановлен на личные средства рижского предпринимателя Евгения Гомберга – как раз к 800-летию основания Риги. Три дня простоял Бронзовый всадник в городском парке Кронвальда, радуя многочисленных рижан и гостей города. А потом, по настоянию латышских националистов, памятник российскому царю снова решили убрать... Статую водрузили на грузовик и отвезли во двор фирмы Евге-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ния Гомберга. Здесь она стоит и по сей день в окружении жилых домов и в ожидании, когда власти латвийской столицы все же найдут единственной конной скульптуре в Риге более достойное место. Надежда на это все еще остается...

Петровская статуя была восстановлена в 2001 году к 800-летию основания Риги на личные средства рижского мецената Евгения Гомберга. И вот уже пятнадцать лет единственный в Латвии конный памятник стоит у него во дворе на автостоянке в ожидании разрешения на въезд российского императора в центр Риги

И «ФЕНИКС» БЫЛ, И «РУССО-БАЛТ»

Александр Филей обращает мое внимание на ансамбль исторических зданий, возникший при строительстве Бульварного кольца – это в первую очередь Национальный театр оперы и балета, соруженный в стиле классицизма по проекту профессора Петербургской академии художеств Л. Бонштедта. Здесь же неподалеку построили Рижский политехникум, ныне – Латвийский университет.

– Вторую половину XIX столетия по праву можно назвать расцветом Риги, превратившейся из городской крепости с устаревшей фортификационной системой в расцветающий торгово-промышленный город, – считает краевед. – Рига стала форпостом Российской империи, которая не жалела средств на ее развитие. Здесь возникли такие крупные промышленные предприятия, как вагоностроительный завод «Феникс», производивший вагоны очень высокого уровня. А легендарный «Руссо-Балт», совместное рижско-петербургское предприятие? Именно здесь, равно как и на рижской фабрике Александра Лейтнера «Россия», были созданы первые в Российской империи автомобили, а также первая боевая гусеничная машина! А Кузнецкая фарфоровая фабрика, снабжавшая половину России своей посудой? На рижском заводе «Мотор» производились первые в России авиационные моторы, на заводе «Унион», будущем ВЭФе, выпускали электродвигатели и электроприборы, на «Проводнике» – автомобильные шины и прочие изделия из резины. Сейчас трудно поверить, но перед Первой мировой войной на этом заводе трудилось более 15 тысяч человек... К концу XIX века в Риге существовало уже более 400 промышленных предприятий. Можно, конечно, посетовать, что сегодня вряд ли во всей Латвии найдется хоть одно предприятие, где трудилось бы 200–300 человек. Увы, это все в прошлом. Получается, русские дважды практически с нуля создавали индустрию для Латвии – в ее довоенный и послевоенный периоды...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ГОРОД С РУССКОЙ ДУШОЙ

Мы с Филем идем дальше – по намеченному маршруту.

К слову, особых трений между местными национальными общинами в XIX столетии практически не было, с одобрения российских властей в Латвии открывалось множество общеобразовательных школ, как с латышским, так и с русским языком обучения, существовали немецкие и еврейские школы. Благодаря щедрым меценатам, которых оказалось немало среди русского купечества – Кузнецовых, Поповых, Камарин, Кузубовых, – в Риге работало несколько русских театров. В нынешнем здании Русского театра им. М. Чехова, что в Старом городе, в 1883 году состоялась первая постановка пьесы на русском языке – «Майорша» И. Шпажинского. Здесь же проходили благотворительные концерты и балы Русского культурного общества «Улей».

Многие русские актеры, писатели, художники, приезжая сюда в 1920-е годы, смотрели на латвийскую столицу как на спокойную провинцию у моря, этакий чудом сохранившийся островок старой, доброй Российской империи. В разные годы здесь работали, жили, лечились или отдыхали Михаил Чехов, Константин Незлобин, Леонид Андреев, Валерий Брюсов, Михаил Булгаков, Иван Бунин, Осип

Мандельштам, Владимир Маяковский, Максим Горький...

Пройдя через Домскую площадь по улице Паласта (Дворцовая), мы подходим к Домику Петра I. Стого говоря, в путеводителях его именуют Дворцом Петра, но, глядя на более чем скромного вида трехэтажную постройку, окрашенную в бледно-розовый цвет, я все же склоняюсь к «домику». «Согласно официальным данным, Петр Великий в Ригу наведывался девять раз, – объясняет Александр. – А рижане сохранили ядро, застрявшее в колоннаде, которое якобы было выпущено самим русским царем во время осады города».

По приказу Петра в Риге была заложена новая гавань, разбит крупный парк – сад Виестура. Местная знать радовалась, связывая с русским царем надежды на освобождение от шведского засилья. Интересно, что в латышском

Дворец Петра в Риге на улице Паласта (Дворцовая), 9. В 2007 году по инициативе жильцов на стене дома была установлена памятная доска

Бывшая гостиница «Санкт-Петербург» сегодня – обычное офисное здание

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

фольклоре сохранилось немало народных преданий и сказок, в которых явно прослеживается трепетное отношение простых людей к Петру I. Например, есть легенда о том, как Петр спас Ригу от взрыва, успев загасить свечу, оставленную шведами на бочке с порохом. Рижане восхищались им, передавая друг другу историю о русском монархе, который мог запросто зайти в гости к простому горожанину, выпить с ним пива и поиграть в бильярд. Домик на Дворцовой улице город подарил российскому императору в 1711 году, после чего царь прикупил еще два дома по соседству и велел перестроить их во дворец. Во время своих приездов в Ригу он всегда здесь останавливался, ходил пешком по этим узким улочкам и дорожкам, по которым спустя три столетия мы сейчас прогуливаемся с местным краеведом-филологом.

Как настоящий патриот своего города, Саша переживает за репутацию Риги, основательно подпорченную в последнее время различными «страшилками», превратившими Латвию в глазах как западных, так и восточных туристов чуть ли не в прифронтовую зону, на которую вот-вот нападет Россия. Не будь этого политического «черного пиара», латвийская столица с ее 815-летней историей еще более могла бы привлекать к себе внимание как россиян, так и европейцев.

– Западный турист, как ни крути, в абсолютном большинстве случаев знает о Латвии только то, что это «бывшая часть России». Это можно было бы отлично обыграть: Рига – один из

крупнейших портов Российской государства начала XX столетия, выдающийся военно-промышленный центр, один из богатейших городов Европы, – говорит Александр. – Западного человека и сейчас интересует русская тема, а русская тема в контексте европространства – это эксклюзив, который мог бы привлечь большое число любознательных туристов. «Европейский город с русской душой» – нормальный туристический лозунг, который при правильной подаче мог бы собрать много поклонников. В свою очередь, ганзейская городская культура, немецкий быт и приграничный фактор интересуют приезжих из России. Но, распугав многих российских туристов санкциями, учениями и эсэсовцами, Латвия так и не смогла привлечь достаточное число западных путешественников – как всегда, на первом месте, по статистике посещения Риги, у нас россияне, и вряд ли эта ситуация в ближайшем будущем изменится...

Мы стоим на Замковой площади, которая, по признанию историков, в XIX веке напоминала петербургскую Дворцовую площадь. В центре когда-то даже возвышалась Колонна победы, посвященная победе русского войска над Наполеоном в войне 1812 года, сделанная по образу знаменитого Александрийского столпа (сегодня обломки рижской колонны валяются под открытым небом возле городского крематория. – Прим. авт.). О столице Российской империи напоминала иозведенная здесь в годы правления Екатерины Великой гостиница «Санкт-Петербург».

– В этом здании, которое называют одним из самых интересных памятников русской культуры в Риге, в разные времена останавливались многие знаменитые русские деятели – Карамзин, Фонвизин, Жуковский, Шаляпин, Собинов. На денек, проезжая через Ригу, в гостинице останавливались и Александр Васильевич Суворов. Она была престижной, потому что находилась напротив главной резиденции российских

Рижский замок на площади Пилс [Замковая], 4 – резиденция российских генерал-губернаторов, ныне – президентский дворец

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

генерал-губернаторов – Рижского замка, русский период которого начался 4 июля 1710 года, – рассказывает Александр. – Первым генерал-губернатором Рижской губернии, похороненным в местной Алексеевской православной церкви, был Аникита Иванович Репнин. Но, увы, сегодня никто не укажет нам место его захоронения... Среди именитых деятелей, связанных с русской историей Рижского замка, могу упомянуть известного баснописца Ивана Андреевича Крылова, служившего здесь губернским секретарем у князя Сергея Федоровича Голицына. Так что, как видите, в нашем городе все дышит русской историей, хотя нынешние власти усиленно стараются передать ее забвению...

ЛАСКОВО И БЕЗ ОБМАНА!

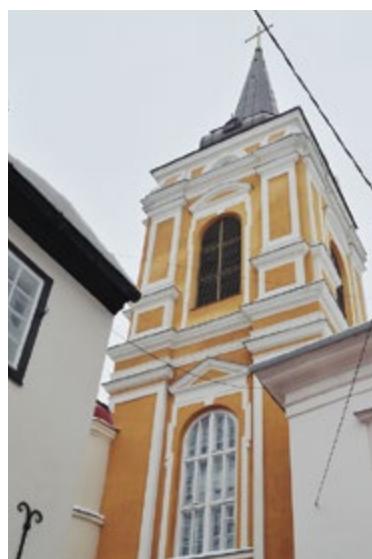
Мы направляемся к старейшему и самому что ни на есть русскому месту в старой Риге – Русскому подворью. Проходим мимо упомянутой Филем Филеецкой церкви, уже давно превращенной в католический собор Марии Магdalены. Между прочим, это был старейший православный храм, основанный Петром I в память о своем отце, Алексее Михайловиче. Закрыт в начале 1920-х годов решением латвийского правительства, примерно в это же время была демонтирована и рижская православная часовня на Привокзальной площади, возведенная здесь в честь спасения русского царя Александра III и его семьи во время железнодорожного крушения в 1888 году...

Старая Рига, «Шведские ворота». Бывшая Русская улица, ныне – Алдару (Пивоваренная), и улица Трокшню (Шумная) – место, с древних времен известное как Русское подворье. Впервые оно упоминается в 1229 году после заключения договора между Ригой и Смоленском об открытии для купцов дороги по Двине.

– Документ этот иногда называют «Грамотой Мстислава», по имени смоленского князя, – уточняет Филем. – А составили документ «лучший поп Еремей и умный муж Пантелеий», то есть люди, обученные грамоте – священник и чиновник. Православная тор-

Собор Марии Магdalены – бывшая православная Алексеевская церковь

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

говля, как мы знаем, всегда осуществлялась по божьему благословению. Принцип русской торговли – от чистого сердца. Как тогда говорили: «Торгуй ласково – без коловорти!» – то есть честно и без обмана, не накручивай цену в зависимости от конъюнктуры. Именно на этих улочках начиная с XII века шла торговля русскими товарами. В основном это были меха – соболя или чернобурки, – которые сюда поставляли по Большому торговому песчаному пути. Нынешние улицы Бривибас и Смилшу (Песочная) во многом повторяют траекторию древнего торгового пути. Местному ганзейскому населению, страдающему от суровых морозов, русские меха пришлись весьма кстати. Вскоре на Русском подворье поселились не только торговцы, но и ремесленники, бочки, кузнецы. Процветала торговля воском и русским медовым напитком, который сюда везли из Полоцка.

ОБЫЧНЫЕ ПОДВИЖНИКИ

Когда-то здесь была русская православная церковь Николая Чудотворца, уничтоженная в годы правления шведского короля Густава-Адольфа, который оккупировал прибалтийские территории и провозгласил здесь шведское государство. В качестве военных трофеев шведы заимствовали старинные иконы из Николаевской церкви, которые и поныне находятся в музее в Упсале. В 1621 году Русское подворье было упразднено. Но название осталось на картах архитектора Вильгельма Неймана, который, кстати, был первым директором Рижского художественного музея. Несмотря на то, что Нейман был консервативно настроенным немцем, он всегда выступал за то, чтобы в музее были представлены полотна русских художников.

– Да уж, не то что в наши времена... – Это мы уже сетуем с Сашей вместе, с горечью поминая,

Улица Алдару, бывшая Русская улица, где в древние века шла бойкая торговля русскими товарами

На старинных картах Риги были обозначены границы Русского подворья

как нынешней весной после реконструкции главного Художественного музея Латвии из него были удалены абсолютно все картины русских живописцев. Все! Местные патриоты и чинуши от искусства не пощадили ни Айвазовского, ни Шишкина, ни Левитана, ни Куинджи, ни Рериха... В запасники сослали и латвийских русских художников (например, Богданова-Бельского, Виноградова), многие из которых были коренными гражданами Латвии. Как видим, процесс стирания следов «русского влияния», начатый в давние шведские времена, обрел в наши дни новое дыхание.

Поэтому и достойна уважения подвижническая деятельность наших соотечественников за рубежом – русских историков и краеведов. Александр Филей – самый молодой из них, он мне не простит, если я не упомяну его старших коллег, много сделавших для сохранения русской истории Латвии. Татьяна Фейгмане, доктор истории, научный руководитель интернет-проекта «Русские Латвии». Глава Рижского славянского исторического общества историк и писатель Олег Пухляк. Историк и изатель культурно-публицистического вестника «Клио» Игорь Гусев. Военный историк Юрий Мелконов. Краевед и соорганизатор Дней русской культуры в Латвии Влад Богов. Историк, публицист, учредитель и руководитель Гуманитарного семинара Сергей Мазур... И поверьте мне на слово, в этом списке хранителей русской истории родного края есть еще много достойных имен. Благодаря этим людям наши дети и внуки, живущие в Латвии, будут помнить, кто они и откуда родом, будут знать, какой вклад внесли русские люди в историю этой страны. Они будут знать, что и они сами, и их далекие русские предки – не пыль на ветру, не оккупанты или приживалы, которым милостиво разрешили здесь остаться, а такой же народ Латвии, как и титульное население Латвийской Республики. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НАША СОЛНЕЧНАЯ ТАСЯ

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА АНДРЕЯ СЕМАШКО

ФОТО

ЭТО ИСТОРИЯ О СИЛЬНЫХ ЛАДОШКАХ, БЕЗДОННОМ МАТЕРИНСКОМ СЕРДЦЕ И БОЛИ, КОТОРАЯ ОБЕРНУЛАСЬ СЧАСТЬЕМ. ИСТОРИЯ ПРО МАЛЕНЬКУЮ ТАСЮ, КОТОРАЯ ПРИШЛА В ЭТЫЙ МИР С ЛИШНЕЙ ХРОМОСОМОЙ, ПРО ЕЕ ДРУЖНУЮ СЕМЬЮ, ПРО ЛЮБОВЬ И ХРАБРОСТЬ.

ПЕРВОЕ, ЧТО Я ВИЖУ, входя в комнату, — спинку малышки в ползунках, которая пытается встать на колени. Тихонько кряхтит от усердия. Она так старается, что этим усердием невозможно не восхититься. Я сажусь на диван и улыбаюсь ей. Она смотрит на меня удивленно и слегка настороженно — так, как все 9-месячные дети смотрят на незнакомых. Но только в этот момент я понимаю, что у нее синдром Дауна. Так я познакомилась с Тасей. Наталия Барсукова, ее мама, пригласив меня домой совсем по другому поводу, не зная, что

я журналист, просто упомянула, что у нее недавно родилась вторая дочь, без акцента на ее особенности. Она только что вернулась с работы — кардиолог быстро теряет квалификацию, если оставляет практику полностью, и Наташа выходит к своим пациентам пару раз в неделю. Сейчас она занята со старшей дочерью, Соней: они в соседней комнате складывают макулатуру для экологической акции в школе. Тася кряхтит на своем развивающем коврике, Наташа ставит чайник. Скоро папа Игорь придет с работы. За окном темнеет. Старшая сестра приносит младшую на кух-

ню, с нежностью дышит ей в затылок и вежливо просит меня отодвинуть чашку, чтобы Тася могла вдоволь поколотить ладошками по столу.

У каждого, кто никогда непосредственно не сталкивался с детьми с особенностями, есть целый ряд стереотипов. Нам, посторонним, они кажутся немногим инопланетянами, вызывая одновременно любопытство и страх. Посмотрим, сколько ложных убеждений удастся разрушить Тасе.

ПЫТКА СТРАХОМ

Чай успевает остывть, пока Наташа рассказывает мне историю Тасиного появления на свет:

— Для нас обоих с Игорем это второй брак, и нам, конечно, хотелось малыша — мы ждали Тасилю около года, она не приходила, и, честно говоря, мы уже стали смиряться, раз Бог не дает, то и не надо. Но вдруг перед отпуском на море Соня заболела ветрянкой — пришло оставить ее с бабушкой и отправиться с мужем вдвоем... По возвращении

я с радостью поняла: беременна! Чувствовала себя хорошо и жила обычной жизнью, еще и работать на трех работах успевала – кардиологом в двух медцентрах и земским врачом в пригороде. УЗИ и скрининги у меня были отличные, только в одиннадцать недель вдруг в один момент накрыл жуткий страх: пришло четкое ощущение того, что у меня родится ребенок с синдромом Дауна. Я плакала, муж списал все на гормоны и страхи беременной, а ведущие врачи города уверяли нас, что риски низкие.

Наташа прожила в неведении тридцать недель. Рядовой вопрос потребовал контрольного УЗИ, и вот тут-то все и началось:

– Я шла к врачу уверенная, что с ребенком все отлично, – вспоминает она, и даже сейчас на ее глазах выступают слезы. – И вдруг мне сообщают, что «есть проблемы»: странная форма черепа. Дальше понеслись диагнозы, один другого страшнее. Мы дошли до профессора Медведева в Москве, где нам открытым текстом сказали, что «вероятнее всего, ребенок не выживет, грудная клетка маленькая, легкие не раскроются – приходите за следующим». Этот месяц скитания по специалистам был самыми черными днями в моей жизни, я надеюсь, хуже уже не будет. Просто пытка страхами и неопределенностью. Есть много мам, которые узнали, что у них ребенок с синдромом, только после родов – сейчас мне кажется, что так лучше. Они спокойно доносили малыша, у них не было дикого стресса, из-за которого, я думаю, мне в итоге пришлось родить раньше срока. Мы много молились, ездили к святым мощам, просили Господа облегчить эту участь, и облегчение пришло. Потому что все боятся синдрома Дауна, но сейчас, когда я уже знаю, какие генетические заболевания нам пророчили, это самое легкое, что может быть. Первое, о чем я спросила, когда очнулась в реанимации, – жив ли ребенок, ведь врачи давали ей всего несколько минут жизни.

Увы, процент отказов от детей с синдромом Дауна в России велик. Но Наташа не может представить свою жизнь без Таси

Тася растет контактной и обаятельной девочкой, в эмоциональном развитии не отставая от сверстников

«ХОТИТЕ, Я ЕЕ СФОТОГРАФИРУЮ?»

Наташа всерьез никогда не думала о том, чтобы прервать эту беременность или отказаться от ребенка. Хотя в России, к сожалению, процент тех, кто так поступает, столкнувшись с диагнозом «синдром Дауна», достаточно велик: по некоторым данным, до 90 процентов, но официальной статистики нет.

– Если на мать, родившую экстренным кесаревым, не отошедшую от наркоза, морально надавить, еще неизвестно, как она себя поведет, может и отказ написать, – признает Наташа и тут же оговаривается, что с ней персонал роддома вел себя очень корректно. – На мой вопрос, жив ли ребенок, доктор ответил: «Да, очень крепенькая девочка, самостоятельно задышала». Но, – и тут он замялся, – есть нюансы, вам педиатр сообщит». Я попросила его не тянуть – в конце концов я сама медик. Вы же видели диагнозы в карте, говорю, так что из

этого? «Из этого – ничего, – был ответ. – Но подозреваем синдром Дауна». А неонатолог пришла с улыбкой и совершенно спокойно сообщила, что девочка крепкая, что да, синдром, но таких детей можно развивать и адаптировать, и у нас в области есть семейный центр, который занимается такими детьми, а в Москве – большая организация «Даунсайд Ап». А потом сделала беспрогрызный ход: «Хотите, я вам ее на телефон сфотографирую?»

Увидев Тасю на фото из реанимации, Наташа уже даже мысли не допускала о том, чтобы не забрать ее домой. Игорь жену полностью поддержал, хотя и ему пришлось нелегко. А потом к Наташе приехала Светлана Скоропостижная – так состоялось знакомство с некоммерческой организацией «Сияние», которая объединяет в Нижнем Новгороде семьи с детьми, родившими с лишней хромосомой.

К сожалению, четкой государственной программы поддержки и адаптации детей и родителей в такой ситуации в России пока не существует. Но активисты центра «Сияние» – сами родители детей с синдромом – быстро поняли, что именно в роддомах их помощь необходима больше всего, чтобы от таких детей просто не отказывались и дали им шанс. У Светланы Скоропостижной – особая миссия в центре, она встречается с недавно родившими, потерянными, еще не пришедшими в себя от шока мамами. Света принесла с собой фото, книги, брошюры – от нее Наташа с удивлением узнала, что детки с синдромом Дауна учатся в школе, пусть и коррекционной, ходят в детский сад, посещают секции и занимаются музыкой. Что у «Сияния» благодаря содействию администрации города недавно появилось свое помещение, где семьи встречаются, делятся опытом, получают помощь специалистов. Детей с синдромом Дауна за их открытость, дружелюбие и добродушие часто называют «солнечными», поэтому и центр назвали «Солнечный дом». Страхи стали потихоньку отступать:

– Во-первых, я переживала, как эту ситуацию воспримут родители и друзья. Во-вторых, был страх, что теперь мне придется оставить кардиологию – я столько времени училась, так люблю свою работу, а теперь превращусь в сиделку? – перечисляет Наташа. – Я боялась, что моя близкая подруга, которую я просила быть крестной, теперь откажется. Но и близкие друзья, и семья меня очень поддержали. И уже в роддом мне принесли кардиограммы для расшифровки – это тоже отвлекало от грустных мыслей. Еще я общалась со своим духовником, который напомнил мне, что испытания даются по силам, и это не беда, а можно сказать, своеобразное счастье, но я только позднее поняла, как он был прав.

МАЛЕНЬКИЙ «ЙОЖИК» В «СОЛНЕЧНОМ ДОМЕ»

Убедившись, что родные и друзья будут Тасю любить, Наташа смогла перевести дух. Но как на счет внешнего мира? Ответ на этот вопрос пришел очень быстро: чтобы восстановиться после родов морально и физически, Наташа пошла на занятия йогой для молодых мам и малышей. Инструктор Надежда Зорина сначала даже не заподозрила в Тасе «особенного» ребенка, а узнав, уверила Наташу: такие дети приходят только к сильным мамам, у которых бездонное сердце и легкая душа. Ее мудрый взгляд Наташу очень вдохновил и обнадежил:

– Надя мне пообещала, что Тася приведет в нашу жизнь много новых, интересных и добрых людей. И это оказалось правдой! А еще она посоветовала присмотреться к йоге для малышей по внимательнее и, возможно, даже выучиться на инструктора, поскольку доказано, что такая форма лечебной физкультуры может быть эффективной формой адаптации особенных детей.

Наташа быстро поняла, что совместные упражнения на коврике действительно полезны и ей, и Тасе. Занятий только в классе йоги было мало. Оценив потен-

Появление
особенного
малыша
сплотило семью
еще больше

циал этого метода коррекции, Наташа решила, что драгоценное время упускать нельзя! Уже через несколько месяцев, отучившись в Москве по системе беби-йоги Birthlight, Наташа пришла в «Солнечный дом» – проводить свои первые занятия не только для Таси, но и для других деток. Во всем мире рождается почти одинаковое число детей с синдромом Дауна: примерно один на 700. У людей разных стран, национальностей и уровня жизни и здоровья риск столкнуться с этой геномной патологией примерно одинаков. Лишь в небольшой степени он зависит от возраста мамы и отца: в «Солнечном доме» видишь немало малышей на руках тех, кому явно нет еще и 30 лет.

– Особенность людей с синдромом Дауна в физическом плане – это прежде всего ослабленный мышечный тонус, – поясняет Наташа. – Представьте, что вы отсидели ногу: сложно стоять, пока ее не разомнешь. У деток с синдромом примерно такие же ощущения. Чтобы их научить ходить, сидеть, надо заниматься. Это и на речи сказывается: арти-

куляционный аппарат немного по-другому устроен, говорить им физически сложно, будто во рту каша. Но даже если они не могут четко говорить, это не значит, что они плохо понимают! Я пришла на занятия беби-йогой в «Солнечный дом» и наблюдаю за Тасей: за ту неделю, что мы не виделись, она освоила новый способ коммуникации – заглядывая кому-то в лицо, делает удивленные мимические движения, а потом, когда собеседник начинает улыбаться, весело смеется мильм беззубым ртом. Среди деток, которые вместе с мамами (и папами!) выполняют упражнения на ковриках, есть и вполне обычные – занятия инклюзивные, а во многих семьях, где родился малыш с синдромом, у него есть братья или сестры.

– Уже с двух месяцев можно активно заниматься, способствуя укреплению связей между мамой и малышом. Да и папы после наших занятий становятся смелее, лучше понимают ребенка и его потребности, – объясняет Наташа. А Игорь, папа Таси, отличное этим словам подтверждение. Он виртуозно кормит своего маленького «йожика», когда занятие окончилось, а председатель «Сияния» Любовь Калинина устраивает мне небольшую экскурсию по «Солнечному дому»:

– «Сияние» началось семь лет назад. Это сейчас мы объединяем более сотни семей, а тогда у нас не было своего помещения, и мы, пять-десять родителей, собирались по субботам в комнатке при храме Преподобного Сергия Радонежского, под крылом отца Игоря Балабанова. Со временем власти все-таки поняли необходимость существования такой организации в городе и выделили нам это помещение, которое мы и назвали «Солнечным домом». Отремонтировали здесь все своими руками и силами: кто обои дал, кто краску, кто окнаставил. В соседнем с нами подъезде – налоговая служба, и раньше это помещение занимали разные сопутствующие фирмы, до сих пор они приходят и просят сдать им

что-то в субаренду, но у нас столько идей, что снимим тесно!

Любовь показывает зал для творческих занятий, игровую и сенсорную комнаты, уютную кухню, где родители с детьми могут и перекусить, и пообщаться.

– Возможность общения родителей между собой – это очень важно. Зачастую именно родителям особенных детей нужна помочь – информационная, консультационная, психологическая. Ведь им теперь растить ребенка, который никогда не будет «как все», – продолжает Любовь. – Но наш менталитет таков, что большинство вряд ли будет делать что-то для себя: проще и привычнее отдать «все лучшее детям». Поэтому пока у нас не было специализированных занятий для малышей, к нам обращались в основном семьи с детьми от 3 лет и старше. Теперь это изменилось – спасибо Тасе и ее маме. С появлением младенцев центр наш расширился, оживился, да и старшим детям нравится присутствие младших.

ПРОСТО «НАШИ»

Прошел почти год с момента моего знакомства с Тасей. За это время мы несколько раз встречались с Наташой, Игорем и их дочками на разных городских фестивалях и мероприятиях: где-то семейство просто отдыхало, а где-то Наталия выступала как инструктор. При поддержке «Сияния» она еще раз съездила на курсы в столицу, поучившись «особой йоге» у британ-

ских коллег с большим опытом адаптации детей, а затем освоила модную аэробику – преподает теперь и упражнения в гамаках. Тася подросла, в социальных сектах, где у нее есть свой собственный хештег #ТаисияИгоревна, можно полюбоваться, как она бойко играет с карточками Домана-Маниченко, показывает кошку и собачку и самостоятельно ест, насаживая макароны на вилку. В феврале ей исполнится два, а под Новый год Тася начала самостоятельно ходить и в эмоциональном плане развивается не хуже сверстников.

Были и плохие новости: за этот год у нее выявили порок сердца, что, к сожалению, является частым сопутствующим заболеванием у людей с синдромом.

– Тася – боец, – гордится дочкой Наташа, – я помню, какой она

Занятия йогой проходят не только на ковриках, но и в гамаках – аэробика очень полезна особенно деткам и их родителям

беспомощной казалась и при этом боролась за жизнь, отважно проходила через разные болезненные обследования и процедуры. Мне было просто стыдно рядом с ней распускать нюни. Сейчас для меня самый главный вопрос – это вопрос самодисциплины. С особенным ребенком недопустимо то начинать, то бросать любые занятия – сразу идет большой откат. Плюс жуткий страх за ее здоровье, особенно после того, как мы пережили кратковременную остановку сердца. Но я научилась концентрироваться и скимать эмоции, находить выход даже в такие моменты. Тася принесла море добрых людей в нашу жизнь и заставила пересмотреть мое отношение к своей жизни. Раньше мне казалось, что я многое контролирую. С Тасей я поняла, что иногда нам дается такое, что мы просто должны уметь принять и идти с этим по жизни, причем с благодарностью. Она сделала меня добрее, подарила мне столько теплоты и безусловной любви. Она радуется каждому дню, делает успехи, и все, что мне нужно, – просто радостно идти вслед за ней и помогать по мере сил.

Помимо первых успехов Наташа уже пришлось встретить и первые удары нашего не до конца толерантного, в чем-то мало просвещенного общества. Мы говорим о том, как лучше называть людей с синдромом Дауна:

– Обиднее всего слышать «даун», особенно от коллег-медиков, – признается Наташа, – ведь в русском языке в нарицательном варианте «даун» обозначает просто глупого человека, это никак с генетикой не связано. «Болезнь Дауна» – тоже не совсем корректно, «синдром Дауна» – так правильно.

– А как вы между собой называете детей с синдромом? Вот просто увидели на улице – вы ведь не говорите о нем «солнечный»?

– Нет, конечно, мы понимаем, что это просто красивый эвфемизм, – улыбается Наташа и задумывается: – Как называем между собой? Мы говорим просто: «наш». ☺

Старшая сестра, Соня, обожает младшую, Тасю

КОМУ АКСЕЛЬБАНТ, КОМУ ТУФЕЛЬКА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В АПРЕЛЕ 2013 ГОДА В РОССИИ ВНОВЬ ПОЯВИЛСЯ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК. ПОЧЕТНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ УКАЗОМ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СТРАНЫ БЫЛО ПРИСВОЕНО 154-МУ ОТДЕЛЬНОМУ КОМЕНДАНТСКОМУ ПОЛКУ «В ЦЕЛЯХ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЛАВНЫХ ВОИНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ, А ТАКЖЕ УЧИТЫВАЯ ЗАСЛУГИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПОЛКА».

ТЕМУ «ЗАСЛУГ ЛИЧНОГО состава» развивать не стоит, так как Комендантский полк был сформирован только в 1979 году и никаких подвигов в силу специфики службы не совершал. В отличие от «старых» преображенцев. А вот что до «славных воинских исторических традиций» – тут есть о чем поговорить. Ибо за двести с лишком лет существования Императорской гвардии в России традиций, не писанных правил, обычаяев накопилось в достатке. Причем

наряду с общеармейскими и общегвардейскими народились и сугубо полковые. Одни – торжественные, если не сказать исполненные пафоса. Другие – милые, близкие к шуткам в семейном кругу. Третья, скажем так, – мужского характера. Вспомнить о них в преддверии Дня защитника Отечества не лишне. Но прежде стоит напомнить о том, что представляла собой Императорская гвардия. Если на заре возникновения это два пехотных полка – Преображенский и Семеновский, соз-

Е.Е. Лансере.
Цесаревна
Елизавета
у Преображен-
ских казарм
25 ноября
1741 года

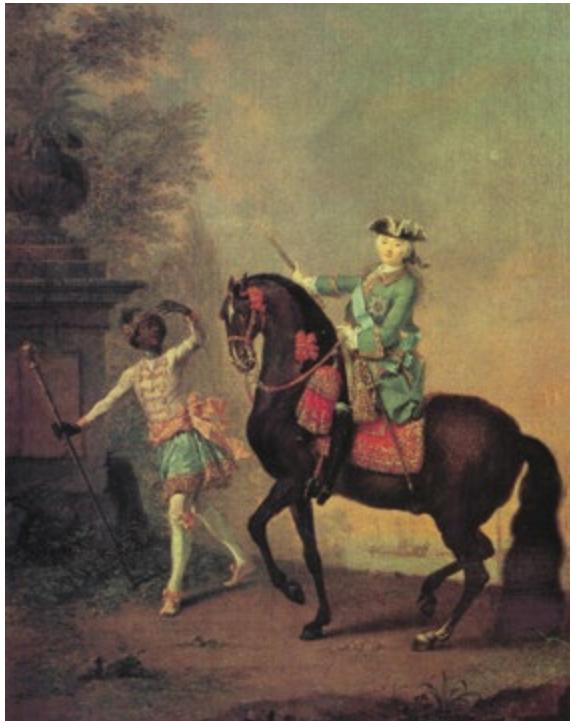
данные Петром I, то к началу Первой мировой войны она являлась мощной военной структурой. Можно сказать, армией в армии. Гвардия насчитывала три пехотные дивизии (12 полков), одну стрелковую (4 полка), две кавалерийские (13 полков), четыре артиллерийские бригады и несколько отдельных артдивизионов, а также Флотский экипаж, Собственный Его Величества конвой, Собственный Его Величества Сводный пехотный полк, полевой жандармский эскадрон, запасный кавалерийский полк, Роту дворцовых гренадер. Разумеется, боевые и мирные истории этих воинских частей отличались друг от друга. Преображенцы и семеновцы появились в конце XVII века, а, например, 1-й Мортирный дивизион родился в 1910-м. Какая уж тут боевая история и какие тут традиции? В Роте дворцовых гренадер каждый солдат был живой историей и традицией, сама Рота боевой единицей не считалась. В ней числились заслуженные ветераны-гвардейцы, которые проживали в Зимнем дворце и несли в нем неутомительные караулы. Так что самое интересное скопилось в запасниках старой гвардии.

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ф. де Ханен. Дворцовый гренадер

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Унтер-офицер Гвардейского
Флотского экипажа. 1900-е годы

О ПОЛКОВЫХ ПРОЗВИЩАХ

Интересно, как бы отнеслись солдаты и офицеры нынешнего Преображенского полка, если бы знали, что за глаза их в столичном гарнизоне называют «Захарами»? А ведь именно такое прозвище носили преображенцы. Причем с внутренним удовлетворением. Носили начиная с середины XVIII века. Причина проста. Дочь Петра I Елизавета взошла на трон благодаря поддержке grenadierской роты Преображенского полка. 300 гвардейцев понадобилось для того, чтобы вымести из дворца Бранденбургское семейство. Рота была переименована в лейб-компанию, все ее чины были облагодетельствованы. В день именин, на Захария и Елизавету, царица традиционно приезжала в роту. В первый визит Елизавета Петровна поинтересовалась, есть ли среди лейб-компанцев Захары, желая одарить рублем каждого соименинника. В ответ гвардейцы грохнули: «Все мы тут, матушка, Захары!» Императрица лишилась 300 рублей, а преображенцы получили кличку на полтора века.

Остальные полки обзавелись прозвищами значительно позже. Кирасиры всех четырех гвар-

Г.-Х. Гроот.
Портрет
императрицы
Елизаветы
Петровны
на коне
с арапчонком.
1743 год

А. Гебенс.
Сцена в лагере
под Красным
Селом. 1849 год

дейских полков тяжелой кавалерии – Кавалергардского, Конного, Его Величества и Ее Величества – звались «самоварниками». Медные солдатские кирабы чем-то напоминали огромные русские самовары. К слову, сами кирасиры по совершенно непонятной причине именовали металлических орлов, которых в торжественных случаях навинчивали вместо шишаков на каски, «голубками». Кавалергардов и конногвардейцев также называли «похоронной командой». Наряду с лейб-гвардии Гусарским полком они были самыми элитными кавалерийскими частями. Но гусарам повезло, они стояли в Царском Селе. А вот 1-я кирасирская бригада – в самом Петербурге. В конце XIX – начале XX

века в столице проживало огромное число отставных генералов и великовозрастных сановников. Чуть ли не ежедневно кто-то из них, что называется, «давал дуба». В почетный караул было принято назначать либо кавалергардов, либо конногвардейцев. Погода в Питере известная: частые дожди, ветра, сырость. Траурные церемонии занимали с учетом дороги до кладбища и назад несколько часов. По утрам господа офицеры названных полков с тревогой открывали газеты на странице, где печатались некрологи. Солдаты Измайловского полка носили прозвище «мукомолы». Оно появилось в начале XIX века, после того как в 1811 году фуражка-бескозырка была введена в Русской армии в качестве повседневного головного убора. Измайловцам достался белый цвет на окольши. Издали возникало впечатление, что голова обсыпана чем-то белым, например мукой. Не знаю, казалось ли на самом деле, но кличка прижилась.

Гвардейский Флотский экипаж более походил на полк морской пехоты, чем на военно-морскую часть. Так, он одним из первых вступил в сражение с французами у моста через речку Колочь

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О ПОЛКОВОЙ ФОРМЕ

О различиях формы не только у разных родов войск, но и у полков в Русской армии хорошо известно. Золото и серебро, конский волос и перья, разноцветье мундиров – все это, кстати, не было чьей-то прихотью. Армия по природе своей очень разумная штука. Случаются, конечно, перегибы, но в основном за всяким внешним проявлением стоит рациональное соображение. Если говорить о тех же гусарах, казалось бы, чего проще – пошить всем 13 полкам, воевавшим в 1812 году, доломаны и ментики одного цвета. Но в сражениях прошлого, когда отсутствовала современная связь и сообщение между частями на поле боя осуществлялось с помощью посыльных, а наблюдение – с помощью малосильной трубы или обыкновенного глаза, ориентировались как раз на цвет и металл. Отсюда и гусарские ментики красного, черного, синего, голубого, серого, коричневого, зеленого цвета в сочетании с разного цвета доломанами, чикчирами (шароварами), воротниками... Ну да бог с ними, гусарами. Речь о том, что некоторые полки сохра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на Бородинском поле. В пешем строю. По этой причине многие офицеры-гвардейцы в море ходили редко. И получили длинную и обидную кличку: «моряки с Невского проспекта». Гвардейских конногренадер, стоявших в Петергофе, прозвали простенько – «мрачные». То ли потому, что их форма и головные уборы выглядели сурово, то ли потому, что главным полковым напитком являлась багровая мадера, отличавшаяся от других вин особенной крепостью. Лейб-гвардии Гусарский полк всегда был предметом зависти и подражания одновременно. В Петербурге, если хотели кого-то похвалить, говорили: «Настоящий гусар!», отругать за склонность к кутежам – «Пьет как гусар!» Зависть, видимо, и стала катализатором кличек, которыми наградили этот полк. «Цар-

скосельские швейцары» – за особое богатство и вычурность гусарской формы – и «извозчики». Это прозвище требует более подробного пояснения. Как-то на летних Красносельских маневрах во время учебного сражения лейб-гусары в конном строю отступили от ощетинившейся штыками пехоты. Что не преминули отметить доброжелатели. Старейший кавалерийский гвардейский полк, Конный, с тяжелой руки императора Николая I именовался среди своих «Старухой Конной гвардией». Самим государем – исключительно в доброжелательном тоне. Он особо, наряду с преображенцами и гвардейскими саперами, отличал этот полк за действия в декабре 1825 года. А еще за то, что в заговоре против его отца, императора Павла Петровича, офицеры-конногвардейцы не участвовали.

Император
Николай II
и король
Саксонии
Фридрих-Август III
обходят
почетный караул
лейб-гвардии
Кирасирского
полка на Царско-
сельском вокзале
7 июня 1914 года

Лейб-гвардии
Кирасирский
Ее Величества
полк перед
парадом в честь
200-летнего
юбилея полка.
Гатчина.
26 июля 1904 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Подпоручик лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка С. Лучанинов в парадной форме вне строя. Офицерский шейный знак [горжет] образца 1913 года повторял образец 1727 года

А. Гебенс.
Группа чинов
лейб-гвардии
Кирасирского
Его Величества
полка. 1863 год

тин после смерти Александра I от престола отказался в пользу младшего брата, Николая. И вернулся наместником в царство Польское, в обожаемую им Варшаву. Надо признать, не самое спокойное место в Российской империи. Поляки мечтали о восстановлении собственного государства и в начале лета 1830 года пришли к мысли, что ни новый русский царь, ни его брат их устремлений никак не разделяют. Грязнуло польское восстание. 29 ноября на Константина Павловича было совершено покушение. Но чудо!.. Пуля ударила в пуговицу на воротнике колета лейб-гвардии Подольского кирасирского полка, в который в тот день был одет наместник, и срикощетила в сторону. Великий князь был шефом подольских кирасир.

Восстание было подавлено. Константин Павлович летом следующего года умер от холеры. А в сентябре 1831 года император подписал весьма путаный указ: «Лейб-Гвардии Кирасирский полк причисляется к Лейб-Гвардии Подольскому Кирасирскому полку. Лейб-Гвардии Подольскому Кирасирскому полку именоваться Лейб-Гвардии Кирасирским Его Величества полком». Короткая, всего 14 лет, история подольских кирасир завершилась. Не раз менялась парадная форма этого вида кавалерии. Но только на воротнике колетов «желтых» кирасир неизменно сохранялась давно отмененная пуговица...

...И ведем мы след кровавый
в битвах за собой;
Пусть немного нас осталось,
мы не дрогнем душой.
«И иначе гренадерам
невозможно быть»
Аксельбанты нас призывают
пасть иль победить...

Это слова из полкового марша гвардейских лейб-grenader. Все, наверное, понятно, кроме «аксельбанта». Этот элемент формы носили обладатели военно-придворных чинов, то есть флигель- и генерал-адъютанты, а также топографы, выпускники Академии Генштаба, полевые жандармы, с конца XIX века адъютанты всех родов

нили уникальные традиции, связанные с формой, вплоть до 1917–1918 годов, когда Русская гвардия была расформирована. Распространено мнение, что горжеты – металлические нагрудные знаки сложноописуемой формы – носили только офицеры Преображенского и Семеновского полков. Мол, в награду за стойкость, проявленную в проигранной юной армией Петра Нарвской битве. На самом деле вплоть до 1858 года горжеты имелись у офицеров всех полков Русской армии. До 1827 года, когда император Николай I ввел звездочки на эполетах, которые позволили определять чин, именно по горжету, точнее, металлу, из которого он сделан, металлу ободка и цвету герба можно было выяснить, кто перед тобой – прапорщик или полковник. Так что наградой преображенцам и семеновцам служил вовсе не горжет, а надпись, сделанная на нем: «1700 NO19». То есть 19 ноября 1700 года. Только в 1884 году император Александр III пришел к мысли, что офицеров Петровской бригады несправедливо лишили одной из коллективных полковых наград. И право ношения горжета им вернули. Соблюли, так сказать, чуть не погибшую традицию. Правда, изменили надпись. Обер-офицерам теперь полагались дата основания полков и дата 200-летнего юбилея, штаб-офицерам – еще и дата боя под Нарвой. Офицерам-преображенцам роты Его Величества (1-я рота) помимо этого – дата возведе-

ния на трон Елизаветы Петровны. Так что в начале XX века, когда юнкера Юрия Макарова, согласно его воспоминаниям, офицеры-семеновцы уговаривали баллотироваться в их полк, а не в Измайловский, куда он изначально собирался, они не кривили душой: «Измайльяне, конечно, отличный народ... Но не забудьте, что нас основал сам Петр, а их какая-то немецкая Анна Ивановна... Мы «Петровская бригада»... И нагрудный знак будете носить... Во всей русской армии есть только два полка, которые его имеют... Преображенцы и мы...»

Интересна история одного, как сказали бы сейчас, «прибамбаса», связанного с лейб-гвардии Кирасирским Его Величества полком, в обиходе известным как «желтые» или «царскосельские» кирасиры. Великий князь Констан-

Э. Липгарт.
Портрет корнета
лейб-гвардии
Гусарского полка
П.М. Раевского.
1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка в парадной форме. 1913 год. Золотой аксельбант с вензелем императрицы Екатерины II

войск. Разумеется, все они – сплошь офицеры. В 1769 году 1-й Гренадерский полк в очередной раз отличился. На сей раз – при взятии города Галац в устье Дуная во время очередной русско-турецкой войны. Командир отряда подполковник Федор Фабрициан был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени. Первым в истории этой главной воинской награды России. Исключая императрицу Екатерину II, этот орден учредившую и возложившую на себя знаки 1-й степени. По окончании войны в ознаменование полковых подвигов часть была переименована в Лейб-Гренадерский полк, государыня стала его шефом и полковником. Следующей наградой полку стало право носить аксельбанты. Причем не только офицерам, но и всем строевым чинам. После 1825 года, когда роты полка под предводительством декабристов вышли на Сенатскую площадь, аксельбанты, понятное дело, отобрали. В 1906 году в честь 150-летия полка драгоценную реликвию указом Николая II на плечи лейб-grenaderам вернули.

Артиллерийское офицерское собрание.

Артиллерийское офицерское собрание. Великий Новгород. Начало XX века

О ПОЛКОВОМ СОБРАНИИ

Полковые собрания появились в гвардейских частях во время царствования Александра II. К этому времени окончательно оформились в Петербурге и окрестностях полковые городки, занимавшие порой целые кварталы, а то и больше. Следовательно, выделение отдельных зданий для офицерского состава диктовалось простой необходимостью – быть поближе к солдатским казармам. Кроме того, требовалось как-то организовать быт господ офицеров. После военной реформы, проведенной военным министром Дмитрием Милутиным, офицерский состав заметно изменился. Даже в гвардии. Конечно, принцип обязательного дворянства и стерильной личной репутации соблюдался в гвардейских полках свято. Учитывался и так называемый «гвардейский балл», который надо было на-

брать на выпускных экзаменах из военного училища или Пажеского корпуса. Юнкер, не сумевший показать необходимый уровень знаний, рассчитывать на выход в гвардейский полк не мог – офицерское собрание полка забаллотировало бы кандидата. Яркий тому пример – Михаил Осоргин, окончивший Павловское военное училище (лучшее из пехотных) с дефицитом баллов. Казалось бы, имея в тетушках супругу начальника Генерального штаба, можно было бы организовать протекцию. Ах нет! Осоргину была предложена вакансия в армейском полку. Об этом вспоминал его «однокорытник» по училищу, «синий» кирасир князь Владимир Трубецкой. Объяснить, что такое гвардейское офицерское собрание тех времен, в формулировках довольно затруднительно. Это не клуб, не дом культуры и уж тем

Зал офицерского собрания в Смоленске. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

более не общежитие. Потому как если кто и оставался ночевать помимо дежурного офицера, так это его молодые коллеги по причине серьезности минувшего празднества. Офицерское собрание – это место, в котором начинал жизнь всякий офицер, поступавший в полк. Здесь происходила его баллотировка, здесь в случае успешности оной он представлялся офицерам полка и главному «полковому зверю» – старшему полковнику. По воспоминаниям семеновца Маркова, в мирное время в полку числились 43 офицера. Большинство – младшие офицеры, или обер-офицеры, как тогда говорилось. Полковников и капитанов – от силы 10–15 человек. Как правило, женатых. А вот «молодняк» был сплошь холостой. Исключения крайне редки. По правилам жениться гвардеец мог, только достигнув определенного возраста и чина. Это было обусловлено тем, что офицер обязан был содержать семью достойно, а вот государство содержать достойно самого обер-офицера вовсе не стремилось. Вряд ли оно не могло себе позволить платить поручику более 100 рублей в месяц. Скорее, скромное денежное довольствие служило еще одним фильтром, препятствующим попаданию в гвардию случайного элемента. Даже титулованный дворянин обедневшего рода, беспринцип-

ный по части добывания денег или попросту слабовольный, довольно быстро изобличал себя и вылетал из полка за неоплаченные долги, махинации, обман, пристрастие к картам. Последнее относится к концу XIX – началу XX века, когда азартные игры для офицеров были запрещены уставом. Так называемые коммерческие – преферанс, бридж – пожалуйста. А еще лучше – шахматы, шашки или бильярд. А вот «двадцать одно» и ему подобные – ни в коем случае.

В офицерском собрании можно было позавтракать после ночного дежурства, отобедать с товарищами, пригласить на ужин под личную ответственность приятеля из штатских, воспользоваться библиотекой, бильярдом. Здесь проводились праздники, торжественные мероприятия, прием гостей, заседания офицерского собрания и суда чести. Здесь хранились по-

Офицеры
лейб-гвардии
1-й артиллерийской
бригады
за игрой
в бильярд.
Санкт-Петербург.
1913 год.
Фото К. Буллы

Члены дома
Романовых
среди офицеров
лейб-гвардии
Кирасирского
полка и их жен.
Красное Село.
1902 год.
Фото К. Буллы

дарки, преподнесенные полку. Как правило, кубки, братины, подносы и прочая серебряная утварь. Содержание полкового собрания офицеры оплачивали в складчину.

Междуд собой эти центры офицерского общения внутренним распорядком и, так сказать, функциональной нагрузкой не отличались. Разнились здания. Одни полки обладали роскошными особняками, построенным, к слову, не за счет казны, а за счет доходов самого полка и спонсорской помощи полковых шефов, бывших командиров или состоятельных офицеров. «Так Лейб-Гусарам, Кирасирам и Стрелкам построил собрания царь Николай II; Уланам – царица Александра Федоровна; Конно-Гренадерам помогли Вел. Князья Михаил Николаевич, шеф, и Дмитрий Константинович, бывший командир. В нашей 1-й дивизии, хорошее Собрание было только у Преображенцев, на Кирочной, на которое главным образом дал средства тоже царь, в качестве и шефа и бывшего офицера-преображенца. У Измайловцев, Егерей и у нас, Собрания были сравнительно очень скромные и были приспособлены для этой цели из казарм, так что с улицы ничем, кроме хороших стекол, от других полковых зданий не отличались», – вспоминал Юрий Макаров.

Тем удивительнее, что невероятно красивую и одновременно с тем полезную полковую традицию создали в скромном Измайловском полковом собрании. К вопросу о роли личности в истории одного полка. С 1884 по 1891 год командиром Государевой (1-й) роты был великий князь Константин Константинович, известный как поэт К.Р. Он-то и организовал в полку ставшие широко известными «Измайловские досуги». Великий князь и ротный командир так объяснял смысл мероприятия: «Доставить участникам возможность знакомить товарищей со своими трудами и произведе-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ниями различных отечественных и иностранных деятелей на поприще науки и искусства, но непременно на русском языке. Поощрить участников к развитию их дарований. Соединить приятное препровождение свободного времени с пользою. Посредством обмена мыслями и мнений способствовать слиянию воедино полковой семьи и, наконец, передать Измайловцам грядущих поколений добрый пример здравого и осмысленного препровождения досужих часов...» Первый «Досуг» собрал 11 человек...

В 1909 году «Исторический вестник» сообщил, что за 25 лет существования «Досугов» состоялось 223 вечера, которые посетили 9348 человек; было исполнено различных произведений в стихотворной, прозаической, драматической, вокальной и в других формах 1325, из которых около 2/3 были творчеством членов «Досуга». Прошли юбилейные вечера, посвященные Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Гончарову, графу Алексею К. Толстому, Тургеневу, Фету, Кони, Котляревскому, Глазунову и другим. А «Досуги» продолжались. Общее их количество неизвестно, зато сохранились воспоминания капитана-измайловца Фомина о том, что последний «Досуг» состоялся совсем не в полковом собрании рядом с Фонтанкой, а в Холмской губернии в деревне Дзито в июле... 1915 года.

О ПОЛКОВЫХ НАПИТКАХ

Про конногренадерскую мадеру уже говорили. Поговорим о полковых традициях умеренного пития. В разных полках к этому процессу относились по-разному. У семеновцев, преображенцев и особенно павловцев злоупотреблять было не принято. Случались, конечно, эксцессы, ну а где их не бывает. В 1905 году из Павловского училища в Преображенский полк вышел среди прочих Николай Граве. Выпивал он, между прочим, редко. Да, видать, метко. В то время служил в полку капитан граф Константин Литке. Молодые офицеры держались от графа подальше, так как он умел себя поставить. И вот как-то граф играл на бильярде. Пока Литке выщеливал шар, Граве присел на корточки, быстро просунул голову между ног капитана и резко поднялся. Так, с графом на плечах, обернулся

Группа офицеров лейб-гвардии Измайловского полка и петербургских артисток в театральных костюмах любительского спектакля «Измайловские досуги». В центре группы – великий князь Константин Константинович. Фото К. Фишера

Офицеры лейб-гвардии Конного полка играют в карты в перерыве между маневрами. Красное Село. 1912 год

вокруг бильярдного стола. Граве был занесен в «черную книгу» и решением офицерского собрания из полка изгнан.

Вообще, гвардейская пехота, равно как и артиллерия, в этой области армейской жизни заметно уступала кавалерии и флоту. Несмотря на то, что пехотная и корабельная чарки были одинакового объема – около 125 граммов водки. Правда, во флоте по усмотрению командира корабля в связи с плохой погодой или в знак поощрения матросам могли выдать порции больше или чаше, чем было положено по уставу. Все сказанное касается нижних чинов, у господ офицеров нормы определялись вовсе не уставом и размером чарки, а собственным представлением о «дobre и зле» и полковыми обычаями. Более других по части кутежей отличались, кто бы сомневался, царскосельские гусары. Даже сугубо штатский Александр Сергеевич отметил эту полковую особенность, распространенную и среди армейских гусар. Вероятно, по этой причине гусары оставили столь яркое поэтическое наследие на эту тему – от Дениса Давыдова до Михаила Лермонтова.

Один ритуал связан как раз с армейскими гусарами, а именно с Ахтырским полком, который в 1814 году во время Заграничного похода командовал генерал-майор Денис Давыдов. Вспомнился он в связи с тем, что я случайно напоролся на текст какого-то блогера, брезгливо размышлявшего о том, какую же гадкую традицию подарили гусары-алкаши современным женихам и невестам. И вот теперь чуть ли не на каждой второй свадьбе жених, вернее, уже муж выпивает шампанское из туфельки новобрачной. А она-то целый день на ногах. У гусар, по его мнению, было еще хлеще. Мылись дамы двести лет назад реже, обувь носили дольше. А гусарам на балах хоть бы хны. Нам же, сетует блогер, этот антисанитарный и негигиеничный обряд показы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

М. Зичи. Гусарская пирушка. 1873 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вают в кинофильмах про гусарскую старину. Дабы пресечь спекуляцию, сообщаю, что ритуал у гусар такой имелся. Только пили они не шампанское из туфельки, а водку из рюмки или фужера, который ставился в эту туфельку. Так что с санитарией все было в порядке. Первыми провели такую дегустацию ахтырцы. Давыдов придумал или кто еще – неизвестно.

Была в армейских гусарских полках, стоявших в маленьких городках на западной границе империи, традиция, именуемая «перегородка». Тут, пожалуй, можно вспомнить Куприна и его повесть «Поединок». Дело было вечером, делать было нечего... Собирались в полковых собраниях, которыми служили самые большие каменные дома в каких-нибудь Сувалках или Августове, произносили первый тост за государя, затем бесе-

довали и выпивали в свободном режиме. Пили водку. Но наступал момент, когда старший полковник давал команду: «Перегородка!» Открывались боковые двери, и вестовые вносили кружки холодного пива. Кружки опорожнялись, и вечер продолжался в прежнем режиме. Проходило положенное время, и вновь звучала команда: «Перегородка!» Надо отдать должное командирам полков. Они старались на подобных вечерах не присутствовать, так как наличие командира за столом обязывало по неписаному правилу оставаться тут же и каждого офицера. Но ведь не каждому офицеру хотелось слышать команду «Перегородка!» до утра. А чем отвечали лейб-гусары? И прочая гвардейская кавалерия? Стихами вроде «Кирасир Его Величества не боится вин количества. А без скидки на чудачества, не боится он и каче-

ства». Что правда, то правда, количества не боялись. Но вот как учил опытный офицер корнета Трубецкого: «Князь, пей в своей жизни только Moit, только sec и только cordon vert – всегда будешь в порядке. Об одном умоляю: никогда не пей никаких demi-sec (полусухое вино)! Верь мне, князь, всякий demi-sec... такое же хамство, как и пристежные манжеты...» Для справки: Moit – один из лучших сортов французского шампанского.

И что интересно. Кадровые потери в мирное время гвардейские полки несли по разным причинам. Чаще всего потому, что служба в Петербурге, да и в Варшаве тоже, где стояла часть гвардейского корпуса, оказывалась не по карману. Реже всего – по причине близких отношений с Бахусом. Офицерский фольклор – штука по обыкновению бездоказательная. А вот письмо поручика лейб-гвардии Гусарского полка Петра Чадаева своему близкому товарищу Александру Пушкину, датированное 1817 годом – документ. И гласит он, что стихи Дениса Давыдова о гусарской службе есть поэтическое преувеличение, полет необузданной фантазии, а сама строевая служба в легкоконном полку – дело рутинное, суровое, требующее определенных знаний, сосредоточенности, умения командовать, но больше – подчиняться. Судя по тем мемуарам гвардейских офицеров, что дошли до нас, это было едва ли не самой главной традицией для большинства: уметь командовать, но больше – подчиняться.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

ЖИЗНЬ ОДНОЙ УСАДЬБЫ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ЕСЛИ ЕХАТЬ ОТ МОСКВЫ К ВОЛОКОЛАМСКУ, ТО В ПАРЕ КИЛОМЕТРОВ ОТ ЗНАМЕНИТОГО НОВОГО ИЕРУСАЛИМА НАХОДИТСЯ ОДНО ИЗ ТЕХ ПОДМОСКОВНЫХ ИМЕНЬИЙ, КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ КОТОРЫХ БОГАТА И УДИВИТЕЛЬНА. ПОКРОВСКОЕ-РУБЦОВО СВЯЗАНО НЕ ТОЛЬКО С СУДЬБАМИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ – ДВОРЯН ГОЛОХВАСТОВЫХ И КУПЧИХ ЗИНАИДЫ МОРОЗОВОЙ, НО И С ИМЕНАМИ ПИСАТЕЛЕЙ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ГЕРЦЕНА И АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА.

СЕЛО РУБЦОВО ИЗВЕСТНО с XVI века. Сначала это были государевы, то есть царские, угодья. В конце XVII века владельцами поместья стали дворяне Нащокины. По заказу одного из них, Николая Михайловича, в 1745–1748 годах здесь была построена в стиле барокко церковь Покрова Богородицы, после чего к названию села Рубцово прибавилось имя «Покровское». На момент Генерального межева-

ния (обмер всех земель в государстве. – Прим. ред.) в 1760-е годы в усадьбе имелись: каменный господский дом со службами, два сада регулярных, конский завод с «немецкими и аглицкими» лошадьми, мельница и маслобойня. От Нащокиних имение «на Малой Истрице» (сейчас река Малая Истра) перешло в собственность родов Змеевых и Голохвастовых, а в 1786 году единственным его собственником

стал Павел Иванович Голохвастов – «утрюмый, скupой, но чрезвычайно честный и деловой человек», «старинный столбовой и очень богатый русский барин».

Дворянский род Голохвастовых, несмотря на комичность фамильного имени (слово «голохваст» означает баxвала, хвастуна, пускающего пыль в глаза. – Прим. авт.), был известен с XIV века. По преданию, его родоначальники переселились в Москву из Литвы еще при Дмитрии Донском. Под какой фамилией они жили в Литве – неизвестно, высказывались предположения, что в Литву семейство могло попасть из Франции. Уже на рубеже XV–XVI веков Яков Голохвастов и его дети Борис, Александр и Владимир, служившие дипломатами при дворе Ивана III и его сына Василия III, имели большие вотчины в Рузском уезде.

Павел Иванович Голохвастов благоустроил усадьбу. При нем и его потомках, уже в XIX веке,

Фасад главного дома в усадьбе Покровское-Рубцово. Начало XX века

в гости часто наведывались родственники. Племянник жены Голохвастова, знаменитый публицист Александр Герцен, писал в мемуарах «Былое и думы», что его возили погостить в Покровское-Рубцово с младенчества: «Небольшое село из каких-нибудь двадцати или двадцати пяти дворов стояло в некотором расстоянии от довольно большого господского дома. С одной стороны был расчищенный и обнесенный решеткой полу-круглый луг, с другой – вид на запруженную речку <...> Дом <...> был очень хорош: высокие комнаты, большие окна и с обеих сторон сени вроде террас. Он был построен из отборных толстых бревен, ничем не покрытых ни снаружи, ни внутри, и только проконопаченных паклей и мхом. Стены эти пахли смолой, выступавшей там-сям янтарным потом».

Трепетная природа Покровского-Рубцова будоражила душу Герцена еще долгие годы. Прожив более пятнадцати лет в Лондоне, Герцен вспоминал «дубравный шум, беспрерывное жужжание мух, пчел, шмелей <...> и этот травяно-лесной запах, насыщенный растительными испарениями, листом, а не цветами... которого я так жадно искал и в Италии, и в Англии, и весной, и жарким летом и почти никогда не находил». И немудрено: запахи нашего детства остаются в самом детстве. Но тем, кто рос в Подмосковье, не надо разъяснять, о чем писал Герцен.

Дмитрий
Павлович
Голохвастов
(1796–1849)

Обложка сборника документов
«Акты, относящиеся до рода дворян
Голохвастовых», составленного
Дмитрием Павловичем
Голохвастовым. 1848 год

АНГЛОМАН И ЛУЧШИЙ ЧИНОВНИК

Павел Иванович Голохвастов умер в 1812 году: заболел, получив удар по голове от французского солдата, пытавшегося его ограбить во время осады Москвы войсками Наполеона.

В 1822 году его сын Дмитрий Павлович получил Покровское с окрестными деревнями и 254 души крестьян. Площадь имения составляла 660 десятин (719 гектаров). Из них 13 десятин было собственно под усадьбой – барским домом, хозяйственными постройками, фруктовым садом и огородами, 83 десятины под пашней, 29 – под сенокосами, 54 – под пастбищами и 400 – под лесами и кустарниками.

Дмитрий Павлович Голохвастов имел представительную наружность. По словам своего кузена Герцена, он был «блондин с британски-рыжеватым оттенком, с светло-серыми глазами, которые он любил щурить и которые говорили о невозмущаемом штиле души». Губернатор француз Маршаль считал его лучшим учеником, мать – лучшим сыном, дядя – лучшим племянником, а начальник – лучшим чиновником.

Человек он был, с одной стороны, вострый умом, интеллектуал – начинал государственную службу в Коллегии иностранных дел и закончил на высоком посту попечителя московского учебного округа. В свободное от службы время писательствовал – сочинял исторические опусы да баловался критическими статьями. Например, будучи действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете, он составил сборник документов под названием «Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых» (1848). Был им сделан в вышеупомянутом Обществе и затем издан доклад под названием «Домострой благовещенского попа Сильвестра».

Все, за что он брался, доводил до совершенства. Посетив Лондон и Париж, Дмитрий Павлович пришел к мысли, что российское житье-бытье неплохо бы окультурить. Деньги у Голохвастова имелись, и он начал техническую революцию со своей усадьбы. Классический стиль английских поместий с идеальными газонами, регулярными парками и атмосферой благоденствия стал путеводной звездой для Голохвастова. Современник

А.Л. Витберг.
Портрет
А.И. Герцена
с сыном
Александром.
1840 год

писал, что Дмитрий Павлович вернулся из-за границы «вооруженный планами девонширских ферм и корнвельского конского завода (английские графства Девоншир и Корнуолл славились образцовой постановкой агрокультуры. – Прим. авт.) в сопровождении английского берейтора и двух огромных породистых ньюфаундлендских собак, с длинной шерстью, с перепонками на лапах и одаренных невероятной глупостью. Морем плыли сеяльные и веяльные машины, необыкновенные плуги и модели всяких агрономических затей». Короче, хозяйство в Покровском-Рубцове быстро перевели на заграничный лад, и владелец показывал гостям поля, засеянные клевером, конский завод, сельскохозяйственные машины и водоподъемник на пруду. Соседи дивились, для них посещение Покровского-Рубцова стало своеобразным аттракционом, но следовать примеру Голохвастова никто не спешил.

ЛЮБИМЫЙ РЫСАК

Александр Герцен так характеризовал Голохвастова: «Дмитрий Павлович имел все те достоинства, которые высшее начальство ищет в человеке нашего века, без тех недостатков, за которые оно гонит его: образованье, хорошая фамилия, богатство, агрономия и не только отсутствие «завиаральных идей», но и вообще всяких происшествий в жизни. Голохвастов не имел ни одной любовной интриги, ни одного дуэля, не играл отроду в карты, ни разу не напивался допьяна, но часто по воскресеньям ездил к обедне, и не просто к обедне, а к обедне в домовую церковь князя Голицына. К этому надобно прибавить мастерской французский язык, округленные манеры и одну страсть, страсть совершенно невинную, – к лошадям».

В 1834 году Дмитрий Павлович стал вице-президентом Московского общества любителей конского бега. Хоть он и назывался «вице-», но фактически этим Обществом управлял, по-

Конь
Д.П. Голохвастова
по кличке Бычок.
Литография
середины XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тому что президентами, «согласно уставу», друг за другом были московские губернаторы, например Д.В. Голицын, А.Г. Щербатов, А.А. Закревский, С.Г. Страганов, П.А. Тучков, В.А. Долгоруков, чьи имена призваны были лишь обозначать высокий статус общественной организации, состоящей из богатых аристократов. Вице-президентом Общества Голохвастов стоял четырнадцать лет и заведовал всей хозяйственной деятельностью, включая организацию скачек и выработку правил. На ниве «рысистого спорта», как тогда изящно называли скачки, он прославился щедростью личных пожертвований денег на призовой фонд. Англомания Голохвастова достигала наивысшего градуса в обожании племенного скакуна по прозвищу Бычок: в бытность Голохвастова вице-президентом этот, по словам Герцена, «первейший рысак по бегу, красоте, мышцам и копытам не только Москвы, но и всей России», выигрывал многие скачки. Бычок на скачках 1837 года прошел дистанцию в 3 версты (3,2 километра) за 5 минут 45 секунд. В 1839 году Голохвастов исполнил свою мечту и купил Бычка у предыдущего владельца, Смесова. Впоследствии Бычок дал хорошее потомство и в специальных изданиях отмечалось, что «эта лошадь является родонаучником многих резвейших рысаков настоящего времени».

Дмитрий Павлович обожал Бычка. Англомания Голохвастова проявилась и в том, что, подобно английским помещикам, у которых на стенах висели изображения коров-медалисток и хряков-призеров местных сельскохозяйственных выставок, Дмитрий Павлович украсил свой кабинет в усадьбе портретами Бычка, писанными маслом и акварелью. Обратимся к с добренному иронией описанию Герценом этой галереи портретов выдающегося скакуна: «Бычок был представлен в разных моментах своей блестящей жизни: в стойле, где он провел свою юность, в поле – свободный, с небольшой уздечкой; наконец, заложенный едва видимой невесомой упряжью в крошечную коробочку на полозьях, и возле него кучер в бархатной шапке, в синем кафтане». В особой стеклянной витрине в кабинете Голохвастова стояли серебряные кубки работы знаменитой фирмы Сазикова, знаменовавшие успехи Бычка на скачках. С 1849 года хозяином усадьбы стал сын Дмитрия Павловича – Дмитрий. Он был звенигородским уездным предводителем дворянства. В 1890 году, после смерти Дмитрия Дмитриевича, усадьба стала хиреть. Частями ее стали сдавать в аренду. В 1891 году управляющий предлагал ее купить под психиатрическую больницу Московскому губернскому земству. Земство долго не могло решиться на покупку.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ки на Кокоревском подворье в Москве.

Зинаида стала столичной гранд-дамой. Предприниматель Павел Бурышкин в мемуарах «Москва купеческая» назвал ее «русским самородком», князь Щербатов считал женщиной «большого ума». Зинаида рано вышла замуж, став в 17 лет женой Сергея Викуловича Морозова. Брак этот был по сватовству, и яркой влюбленности у Зинаиды не было. И уже через два года она стала женой другого.

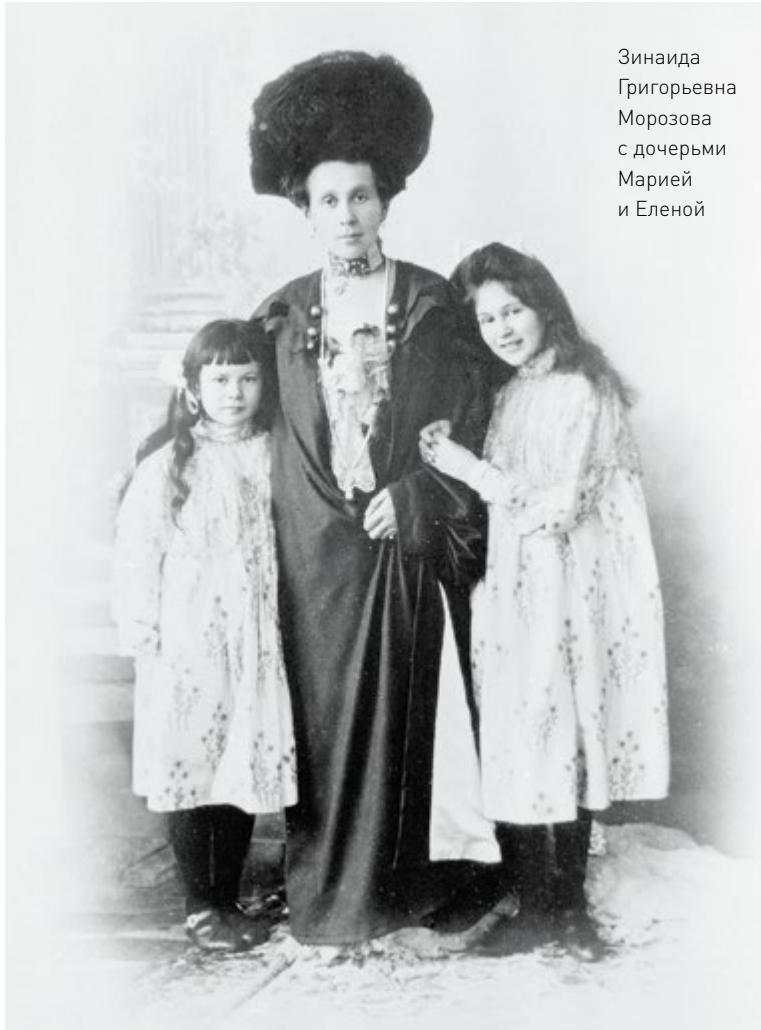
В 1886 году начался один из самых скандальных романов в старообрядческой среде. Он возник между Зинаидой и потомственным почетным гражданином, действительным студентом Императорского Московского университета Саввой Тимофеевичем Морозовым, дядей мужа Зинаиды, Сергея. Взаимное тяготение завязалось быстро, и вскоре Савва стал настаивать на разводе. В старости Зинаида Григорьевна писала в мемуарах: «Когда началась моя любовь к Савве Тимофеевичу, мы с Сер[геем] Викуловичем были в Крыму. Мне было 18 лет, и я, не будучи плаксивой, целые дни плакала и не знала: решаться ли мне на развод».

26 января 1887 года Зинаида Григорьевна развелась с Сергеем Морозовым. Весной 1888 года 26-летний Савва и 20-летняя Зинаида стали встречаться открыто и 24 июня заключили официальный брак.

В год покупки Покровского Зинаиде было 25 лет, и у нее было двое малышей – сын

с 1860-х годов торговал мануфактурным товаром в московском Китай-городе, в Зеркальном ряду. Местом постоянной прописки Ефима Зимина была знаменитая деревня Зуево, из которой вышло столько крупных московских текстильщиков, включая Морозовых. Отец Зинаиды, Григорий Ефимович, торговал продукцией семейной красильно-ткацкой фабри-

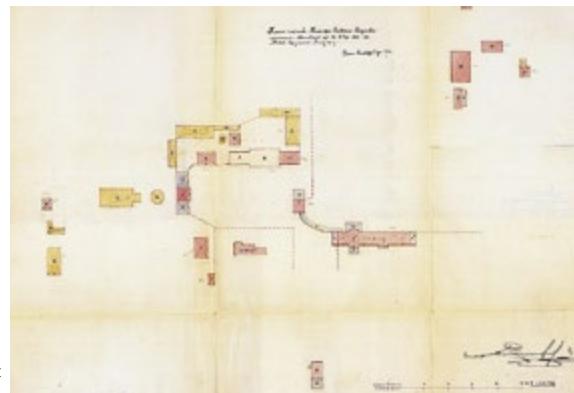
Дети
Морозовых –
Тимофей, Мария
и Елена –
в усадьбе
Покровское-
Рубцово.
Справа няня
Варвара. 1898 год

Зинаида
Григорьевна
Морозова
с дочерьми
Марией
и Еленой

План строений
в усадьбе
Покровское-
Рубцово

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тимофей трех с половиной лет и двухгодовалая дочка Маша. У молодой четы была дача на Киржаче, неподалеку от их орехово-зуевских фабрик, но она не вполне устраивала Зинаиду из-за удаленности и сырого климата. А поскольку в 1890-х годах продажа «оскудевающими» дворянами своих подмосковных имений приняла массовый характер, то Зинаида присмотрела для себя Покровское-Рубцово. Но купила она не все поместье целиком, а только территорию усадьбы – 47 гектаров без угодий. Пашню и сенокосы выкупили крестьяне, лесной массив кто-то еще – под дачи или на дрова...

Покровское-Рубцово предназначалось только для отдыха семьи. Помимо Покровского Зинаида вскоре обзавелась имением «Новый Мисхор» близ Ялты в Крыму, а когда дети выросли, отдала Покровское старшему сыну, Тимофею, а себе купила имение Горки, где после ранения в 1918 году поселился глава советского государства Владимир Ленин, поскольку усадьба была оборудована по последнему слову техники.

Савва
Тимофеевич
Морозов
с младшим
сыном, Саввой.
Покровское-
Рубцово.
Лето 1904 года.
Фотография
З.Г. Морозовой

ЧЕХОВ И МОРОЗОВЫ

Морозова, обладая художественным вкусом, мечтала об усадьбе, где могли бы собираться художники и литераторы. Видный исследователь истории купеческих усадеб Елена Савинова отмечала, что для Зинаиды Морозовой покупка Покровского-Рубцова помимо желания создать себе престижный круг общения имела и культурные мотивы. В мемуарах, написанных в 1930-х годах потерявшей абсолютно все имущество Морозовой, упоминается о разговоре со знаменитым русским государственным деятелем Сергеем Витте. Витте, назначенный министром финансов, приехал осмотреть фабрику Морозовых и завтракал в доме Саввы и Зинаиды. Зашел разговор о предках, и Зинаида сказала министру: «Я вот жалею, что у меня не было предков, из-за старинного имения и старых портретов, которые я страшно люблю, и меня всегда очень удивляла эта любовь. Я никогда не жила в таких имениях, только знала о них по литературе, но мне кажется, что моя «душа» когда-то там жила...» Зинаида оставила себе только усадебную часть прежнего поместья (литераторы считают, что именно наблюдения за покупкой Покровского-Рубцова вдохновили

ли Чехова на создание «Вишневого сада». – Прим. авт.). Она провела реконструкцию двухэтажного усадебного дома, выстроенного в конце XVIII века и находившегося посреди векового парка. Был сохранен «голохвастовский» фасад в стиле классицизма – с четырехколонным портиком. Но внутри дом следовало переделать с учетом новых требований техники, для чего в 1900 году был приглашен Франц Осипович Шехтель, ранее сделавший для Саввы и Зинаиды Морозовых проект англо-готического особняка на Спиридоновке. Шехтель сохранил в Покровском присущую дворянской классической усадьбе анфиладность комнат – все они были проходными. Одновременно, следуя канонам модерна, он каждую комнату проектировал как «отдельный мир».

В холле в оконных проемах были витражи с цветочным орнаментом. Этот же орнамент был использован в резных перилах и светильниках. Камин с майоликовыми вставками, низкие диваны, множество пальм и других тропических растений в кадках. На втором этаже была парадная гостиная, где гости могли расположиться на уютных низких диванах среди двух каминов, отделанных изразцами с растительным орнаментом. Стены и

Эскиз камина и лестницы
для гостиной в Покровском-
Рубцово. Архитектор
Ф.О. Шехтель. 1900 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пол были декорированы огромными коврами. Посреди зала под низким абажуром в форме кольца с плафонами в виде закрытых бутона молочного стекла стоял большой обеденный стол, за которым могло разместиться не менее 16 человек. В углу комнаты стоял рояль, и нередко устраивались музыкальные вечера с приезжавшими в гости музыкантами и артистами.

В усадьбу Морозовой приезжали погостить Чехов, Шаляпин, академик архитектуры Соловьев, художники Левитан, Поленов, Серов.

Антон Павлович Чехов гостил в усадьбе Покровское-Рубцово в июне 1903 года вместе с женой Ольгой Книппер. С четой Морозовых Антон Павлович был знаком, поскольку Савва Морозов финансировал строительство Московского Художественного театра в Камергерском переулке, а Чехов был основным автором этого театра. Отношения Чехова и Саввы Морозова в этот момент были ровными: Антон Павлович преодолел свою обиду на купца, возникшую еще в 1897 году, когда Савва Тимофеевич по просьбе Левитана послал Чехову 2 тысячи рублей на лечение, а ценящий свою независимость писатель, согласно легенде, вернул их обратно со словами: «Дай им (купцам). – Прим. авт.) волю, они купят всю интеллигенцию поштучно». Позже Чехов оценил бескорыстие и открытость Саввы

А.П. Чехов
с женой
О.Л. Книппер-
Чеховой.
1901 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Морозова и общался с ним уже без предубеждения.

В воспоминаниях Зинаиды Морозовой, записанных архивистом в 1940 году, говорится о том, что в свой приезд 1903 года Чехов был грустен и физически слаб из-за своей болезни – туберкулеза. Он мало гулял, больше оставался в доме. Любил сидеть в гостиной на широком диване с множеством подушек и вести разговоры. Морозова вспоминала, что в тот приезд Антон Павлович нередко повторял: «Если бы у меня был такой диван, я ничего бы не делал, а только сидел и думал». Утром они с хозяйкой вставали раньше всех и в семь утра, беседуя, пили кофе за ранним завтраком. Чехов также ходил с Саввой Тимофеевичем и его старшим сыном, Тимошем, ловить рыбу. В парке, сидя на лавке в тени деревьев, Чехов читал книги дочкам Морозовых. Грустное настроение в этот момент не покидало и хозяйку По-

кровского-Рубцова. Ее семейная гармония была разрушена после того, как в 1898 году в труппу Художественного театра, финансируемого мужем, перешла Мария Федоровна Андреева. Слепое увлечение Саввы Тимофеевича актрисой, беспрекословное удовлетворение ее амбиций положили конец счастью Морозовых. Зинаида Григорьевна тяжело переживала разлад с мужем. Она считала, что этот роман подорвал семейные отношения и душевное здоровье Саввы Тимофеевича. Андреева везде появлялась со своим возлюбленным Максимом Горьким, а чувствами Саввы безжалостно играла и «не брезгала» пользоваться его капиталами.

В период семейного кризиса Зинаида Морозова, для которой Покровское-Рубцово стало местом ее счастливой супружеской любви и рождения младших детей, искала в своей усадьбе прибежища. Из Парижа писала: «Я хочу в Покровское, только не в Москву».

В 1903 году детям Морозовых, Тимофею, Маше и Елене (Люлюте, как звали ее дома. – Прим. авт.), было 14, 12 и 8 лет. Когда Чехов посетил усадьбу, хозяйка ждала четвертого ребенка. Но даже рождение маленькой Савушки в конце июля 1903 года не вернуло благополучия в эту семью. Семейное равновесие окончательно рухнуло в 1905 году, когда Савву нашли мертвым в отеле в Каннах, куда Зинаида увезла его лечить от депрессии.

Причина смерти Саввы Морозова осталась тайной. Следствие не смогло установить, покончил ли купец жизнь самоубийством – были улики к тому, что Морозова по политическим мотивам застрелили соотечественники. Вернувшись из Франции и похоронив мужа, Зинаида Григорьевна приезжала в Покровское с детьми, но опустевшая без хозяина усадьба больше не приносила радости...

* Автор – доктор исторических наук.

Гостиная
в Покровском-
Рубцово,
выполненная
по проекту
архитектора
Ф.О. Шехтеля.
1905 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С. Соломко.
Апраксия
Королевична,
жена Владимира
Красное
Солнышко

И

СТОРИЯ ЛИТЕРАТУР-

НЫХ МИСТИФИКАЦИЙ И
ПОДДЕЛОК, ВИДИМО, ВЕ-

ДЕТ СВОЙ ОТСЧЕТ С МО-
МЕНТА ЗАРОЖДЕНИЯ САМОЙ ЛИ-
ТЕРАТУРЫ. УЖЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СОМНЕВАЛИСЬ В
ТОМ, ЧТО МНОГИЕ СЧАСТЛИВО «НАЙ-
ДЕННЫЕ» К ТОМУ ВРЕМЕНИ ПРОИЗ-
ВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ ДЕЙ-
СТИВЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАТ ПЕРУ
ГОМЕРА, ГЕРОДОТА, ЦИЦЕРОНА,
ПЛИНИЯ ИЛИ АРИСТОТЕЛЯ. В Но-
вое же время одним из самых
громких скандалов стала исто-
рия с публикацией «Фрагмен-
тов древней поэзии, собранных
в Горной Шотландии и переве-
денных с языка гэльского». Их
в 1760 году напечатал шотланд-
ский поэт Джеймс Макфер-
сон, выдав за песни, сочинен-
ные древним бардом Оссианом.
Они были переведены на основ-
ные европейские языки, в том
числе на русский. В 1762 году
Макферсон издал новую пор-
цию «песен»: «Фингал, древняя
эпическая поэма в шести кни-
гах, вместе с другими поэма-
ми, оставленными Оссианом,
сыном Фингала». А в 1763-м
свет увидела его же «Темора».
Поэмы принесли Макферсону
значительное состояние. И хотя
сомнения в их подлинности
возникли довольно быстро,
шотландец, избравшийся в бри-
танский парламент, умер в 1796
году признанным литератором
и был похоронен в Лондоне в
Вестминстерском аббатстве.

Сейчас поэмы Оссиана счита-
ются несомненной подделкой.
А имя Макферсона памятно
только историкам литературы.
Но на современников сочине-
ния шотландца произвели неиз-
гладимое впечатление.

Впрочем, не всем мистификаторам везло так, как Макферсону.
В 1770 году покончил с собой,
отравившись мышьяком, сем-
надцатилетний английский поэт
Томас Чаттертон. Талантливый
юноша пытался выдать свои
стихотворения за сочинения
монаха Томаса Роули, жившего
в XV столетии. Как водится, по-
сле его трагической кончины
современники спохватились и

ЛИПОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

«СМЕРTELНО ЯДОВИТО» НАДО
ПИСАТЬ НЕ ТОЛЬКО НА СКЛЯНКАХ
С ХИМИЧЕСКИМИ ПРЕПАРАТАМИ,
НО И НА НЕКОТОРЫХ КНИГАХ.
ОНИ СПОСОБНЫ ОТРАВИТЬ ДУШУ,
СЕРДЦЕ И УМ.

Вацлав Ганка
(1791–1861),
чешский
филолог и поэт

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

даже объявили Чаттертона «величайшим гением со времен Шекспира».

А крупнейшие литературные фальсификации XIX века – Крацедворская и Зеленогорская рукописи – были созданы чешским ученым Вацлавом Ганкой, который вдохновлялся, кстати, «Словом о полку Игореве». Как и один из любопытнейших мистификаторов XIX столетия, Александр Сулакадзе, известный многочисленными подделками археограф-любитель.

Впрочем, литературные мистификации в России были известны и до Сулакадзева. К примеру, в начале XVIII столетия появились два сочинения, направленные против старых обрядов и их приверженцев-старообрядцев, – «Соборное деяние на ере-

тика арменина, на мниха Мартина» и «Требник митрополита Феогноста». Вероятный автор первого – ростовский митрополит Дмитрий (Туптало). Однако подделки были так грубо сработаны, что староверам не стоило труда разоблачить их.

Создавая литературные подделки, мистификаторы руководствуются определенными идеями. Например, Макферсон и Ганка хотели напомнить о былой славе своих народов, покоренных завоевателями. Сулакадзе жаждал состарить и без того древнюю историю России. И только несчастный Чаттертон мечтал о писательской славе, а не о политической выгоде. А вот мистификатор Юрий Миролюбов, создавший подделку, отличающуюся необыкновенной живучестью, думал прежде всего о доказательстве исключительной древности русского народа, о его неоспоримом праве вселенского первородства.

Эта фальшивка, также испытавшая на себе несомненное влияние «Слова о полку Игореве», до сих пор издается, изучается и волнует неискушенные умы. Уже не одно десятилетие учёные борются с ней, но она по-прежнему находит читателей и почитателей.

ПОПЫТКИ ДИЛЕТАНТА

Речь идет о пресловутой Велесовой (Влесовой) книге – подложном древнерусском сочинении, якобы написанном новгородскими жрецами на деревянных дощечках.

Двести лет назад в Санкт-Петербурге жил Александр Сулакадзе (1771–1829), титулярный советник, неразборчивый коллекционер, заурядный писатель и большой оригинал. Одно время он исполнял секретарские обязанности у князя Алексея Куракина.

Чиновник увлекался историей, археографией, алхимией и белой магией. Неизвестно, каких успехов он достиг в последних двух науках, но первыми двумя Сулакадзе занимался по-дилетантски неискусно и неумело. Титулярный советник собирал разные диковинки, рукописные и печатные книги. Но портил старинные рукописи многочисленными поддельными приписками.

Непревзойденный знаток древней книжности Александр Востоков, видевший эти манускрипты, писал: «Покойный Сулакадзе, которого я знал лично, имел страсть собирать древние рукописи и вместе с тем портить их своими при-

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

писками и подделками, чтобы придать им большую древность».

Востокову вторил историк и археограф Павел Строев, вспоминавший о собрании Сулакадзе-ва: «Еще при жизни покойника я рассматривал книжные его сокровища... Подделки и приправки, впрочем, весьма неискусные, на большей части рукописей и теперь еще мне памятны».

Снабжая подлинные манускрипты вымышленными вкладными и владельческими записями, титулярный советник преследовал благородную цель. Он хотел вписать на страницы нашей истории то, чего, по его мнению, там недоставало, и расцветить то, что ему казалось бесцветным. Только что было найдено «Слово о полку Игореве». Казалось, ученых ждут новые открытия – сочинения более раннего, дохристианского, языческого периода русской истории. Руку протяни – и вот они! Но раритеты из глубины веков неохотно и неспешно шли ученым в руки. И Сулакадзев решил ускорить процесс, фальсифицируя недостающие произведения древней литературы.

Из-под его пера вышли две занимательные подделки – «Гимн

Бояна» и «Ответы новгородских жрецов», якобы написанные руническими письменами. Они заинтересовали знаменитого поэта Гавриила Державина, опубликовавшего фрагменты из них в «Чтениях в Беседе любителей русского слова».

Эти фальсификации, написанные в подражание Макферсону, прямым или косвенным образом повлияли на Велесову книгу. Особо следует отметить их язык – неуклюжую попытку изобразить нечто старославянское. Филолог Измаил Срезневский писал о Сулакадзеве: «В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий».

К примеру, «Гимн Бояна» – «Песнь, свидетельствующая бояновы прославления престарелому Славену и младому Умилу, и злому Волхву врагу» начинается так:

Метнѧ видоч косте зратавеъ
Ряду деля славенся стру
Оже мыль мнъ изгоив
Ладиме не переч послухъ.

Так Сулакадзев представлял себе древнерусский или праславянский язык: чем страннее, тем стариннее. По мнению титулярного советника, эта тарабарщина означает следующее:

Отличный самовидец сражений
Для ради престарелого Славена
И ты возлюбленный новопоселенец
Подлаживай, без противности
слушателям.

Сулакадзеву думалось, что случайный набор букв, непроизносимый и бессмысленный, должен означать нечто древнее и таинственное. «Очи вды кнен клу точи» – «Очи, источая слезы, как из-под камня льются».

Бессмысленно и содержание «Гимна Бояна». Изучавший его литературовед Юрий Лотман заметил: «Прежде всего бросается в глаза, что «Гимн» – произведение, не имеющее сюжета, а состоящее из отдельных отрывочных изречений. Такова, по распространенному в ту пору представлению, специфика древнего искусства».

КНИГОРЕКИ И доЩЬКИ

В XX веке таким же бессмысленным тарабарским языком написал свою Велесову книгу Юрий Миролюбов. Впрочем, не только содержание, но и форма роднит его детище с подделками титулярного советника.

Сулакадзев настолько увлекся фальсификациями и мистификациями, что даже составил перечень редких книг, не известных ни ученым, ни коллекционе-

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

рам, – «Книгорек, то есть каталог древним книгам, как письменным, так и печатным, из числа коих по суеверию многие были прокляты на соборах, а иные в копиях сожжены, хотя бы оные одной истории касались; большая часть оных писаны на пергамине, иные на кожах, на буковых досках, берестяных листах, на холсте толстом, напитанном составом, и другие».

В «Книгореке» неоднократно упоминаются вымыщленные книги на деревянных дощечках: 1) Синадик, или Синодик, на доске вырезанной, был в Нове городе в Софийском соборе... 5) Патриарси. Вся вырезана на буковых досках числом 45 и довольно мелко... 16) О Китоврасе, басни и кощуны... на буковых досках вырезано и связаны кольцами железными числом 143 доски».

«Книгорек» был опубликован в 1898 году и, несомненно, оказал влияние на «творческую мысль» Миролюбова. Поэтому неудивительно, что ученые, впервые столкнувшись с Велесовой книгой, приписали ее авторство Сулакадзеву.

Но ее создателем был Юрий Петрович Миролюбов (1892–1970), человек, проживший не простую и необычную жизнь.

ПРЕДСТАВЛЕННОМ ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сын священника, он не получил систематического образования – помешали войны и революции. Оказавшись в эмиграции, Миролюбов немало поездил по свету – побывал в Африке и в Индии.

С 1924 года Юрий Петрович жил в Брюсселе. В 1954 году вместе с женой переехал в США, в Сан-Франциско. Затем супруги решили вернуться в Европу. По до-

Юрий Петрович
Миролюбов,
русский
писатель-
эмигрант,
опубликовавший
Велесову книгу

роге в Старый Свет на пароходе Миролюбов заболел и умер. Юрию Петровичу по-разному приходилось зарабатывать на хлеб. Но сердечным делом, увлечением, согревавшим его душу, было писательство. Он являл собой тип писателя-графомана, недостаточно образованного, но страстно желающего поделиться своими навязчивыми идеями с читателями. А идеи Миролюбова сходствовали с убеждениями Сулакадзева: надо искусственно состарить русскую историю и доказать, что «славяно-русы... являются древнейшими людьми на земле».

Осуществлять эти идеи Юрий Петрович начал в ноябре 1953 года. Тогда в малотиражном журнале «Жар-птица», издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско, появилась заметка «Колоссальная историческая сенсация». В ней сообщалось о находке в Европе «старинных уник» – деревянных дощечек «с ценнейшими на них историческими письменами о Древней Руси».

Эти дощечки или «дощьки», как их называл Миролюбов, обнаружил не кто иной, как сам Юрий Петрович. По его словам, «уники» хранились в Брюсселе у художника Федора Артуровича Изенбека (1890–1941), бывшего полковника Белой гвардии.

Понимая, как трудно представить современному обществу поддельные древности, Миролюбов решил обезопасить себя, прикрывшись именем умершего знакомого. От лица Изенбека Юрий Петрович сочинил рассказ о происхождении «ко-лоссальной сенсации».

Якобы полковник нашел дощечки – то ли березовые, то ли буковые, то ли липовые – в 1919 году в разграбленном поместье где-то «на курском или орловском направлении». Поместье принадлежало некоей дворянской семье Задонских, Донских, Донцовских или Куракиных (напомним, секретарем князя Куракина был Сулакадзев. – Прим. авт.), точной фамилии Федор Артурович не помнил.

Выглядела находка следующим образом: «Дощьки были приблизительно одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения... Лак, их покрывавший, или же масло поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева».

Изенбек подобрал «уники» и постоянно возил с собой, полагая, что «это какая-либо старина». В Брюсселе дощечки увидел Миролюбов и снял копии с некоторых из них. После смерти Федора Артуровича в 1941 году «уники» бесследно пропали.

ЖИВУЧАЯ ПОДДЕЛКА

Содержание дощечек, названных позднее Велесовой (Влесовой) книгой, действительно оказалось «колossalной сенсацией»: на них своеобразным письмом, составленным из кириллицы, германского рунического алфавита и индийского письма деванагари, были записаны языческие гимны и древнейшая летопись славян.

Соавтором Миролюбова стал эмигрант Александр Александрович Куренков, один из издателей «Жар-птицы». Получая из Брюсселя «дощьки» Юрия Петровича, он по-своему «улучшал» их перед печатанием. Миролюбов не возражал против этого.

Публикация фальшивки в «Жар-птице» осталась бы незамеченной, если бы в 1957 году историк-любитель Сергей Яковлевич Парамонов не посвятил ей особый раздел в своей «Истории русов в неизвращенном виде». Тогда же Парамонов послал фотографию одной из дощечек, опубликованную в «Жар-птице», в Славянский комитет СССР, призывая специалистов признать важность изучения «уников». На письмо Парамонова ответила филолог и палеограф Лидия Жуковская. Ее статья «Поддельная докириллическая рукопись» была опубликована в 1960 году в журнале «Вопросы языкоznания». Изучив фотографию дощечки,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ф.А. Изенбек.
Портрет
Ю. Миролюбова.
1939 год

Жуковская пришла к выводу, что «данные языка не позволяют признать текст «дощечки», изображенной на фотографии, древним, а самый памятник – предшественником всех известных славянских древних рукописей. Не является «дощечка» также и более поздним памятником, написанным после распространения кириллицы у славян. Рассмотренный материал не является подлинным». Жуковская связала происхождение Велесовой книги с именем Сулакадзе.

Казалось бы, известный ученый неоспоримо доказала поддельность дощечек Миролюбова. В их истории поставлена точка. Диагноз объявлен. Но нет! Парамонов принял защищать «уники». Некоторые из его сочинений попали в СССР, и в 1970 году поэт и художник Игорь Кобзев впервые в советской печати заявил о подлинности Велесовой книги.

Так началась дискуссия, продолжающаяся до сих пор. Особое значение она получила после того, как к ней присоединились современные язычники, объявившие фальсификацию священным писанием наших предков.

Зашитники Велесовой книги заявляют, что она была написана новгородскими языческими жрецами в IX веке, но беспристрастный научный анализ обнаруживает в ней подделку, безыскусно сработанную в первой половине XX столетия Миролюбовым.

На то, что перед читателем фальшивка, указывает алфавит, которым написана Велесова книга. Юрий Петрович хотел придумать самобытную письменность, имеющую «арийское» происхождение, ведь, по его убеждению, «славяне должны были обладать, хотя бы в начале, своей письменностью».

Как и многие современники, Миролюбов считал «ариями» не только индийцев, но и древних германцев. Поэтому его алфавит – нелепая смесь индийского письма деванагари, германских рун и кириллицы.

Отличительной особенностью деванагари является верхняя горизонтальная черта, к которой прикреплены «свисающие» вниз буквы. Этому подражает письменность Велесовой книги: проведена черта, к которой «подвешены» кириллические буквы, уподобленные рунам. Миролюбов не предполагал, что деванагари относительно новая письменность, появившаяся после VIII столетия. Ей предшествовало письмо брахми, в свою очередь восходящее к арамейскому алфавиту.

Юрий Петрович не знал и того, что германские руны также не могут претендовать на особенную древность – они появились в I–II веках н.э. И являются не оригинальным «арийским» изобретением, а заимствованы у римлян или греков. Фальсификатор не учел и того, что славянская письменность – кириллица не могла появиться ранее IX столетия.

Не выдерживает критики и тарабарский язык Велесовой книги, составленный Миролюбовым из исковерканных украинских, польских и чешских слов. О нем филолог Олег Творогов писал: «Перед нами искусственный и крайне неумело сконструированный «язык», создатель которого руководствовался, видимо, лишь одним правилом: чем больше несурразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть».

Вот, например, как начинается текст на дощечке, фотографию

которой Парамонов присыпал в СССР и по первым словам которого фальшивка называется Велесовой (Влесовой) книгой: «Влескнигу сіу птщемо кіу ишемо у кіе ко есте прібезища сіла во ноі врмъно...»

Сулакадзев был бы доволен: чем страннее, тем стариннее. На ум сразу приходит знаменитое стихотворение футуриста Алексея Крученых: «Дыр бул щыл убъш шур...» Кстати, по уверению автора, в нем «больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина». Миролюбов был такого же мнения о своих трудах.

Чтобы подделку не изобличили, фальсификатор старался избегать всякой конкретности. Содержание Велесовой книги бессмысленно. Как и упоминавшийся «Гимн Бояня», она не имеет сюжета. Древние славяне беспрестанно переселяются с места на место и постоянно воюют с греками, римлянами, гуннами и готами. При этом, чтобы не попасть впросак, Миролюбов не называет по имени ни одного императора, вождя или полководца.

Таким образом, как заметил Творогов, «перед нами сочинение крайне примитивное, свидетельствующее не только об ограниченности знаний его созда-

теля, но и об отсутствии у него даже литературной фантазии... Трудно найти среди средневековых хроник и летописей даже самого низкого уровня произведение столь же убогое по мысли, с таким же отсутствием логики повествования, столь же бедное при обращении к конкретным фактам, столь же «безлюдное», столь лишенное топонимических ориентиров».

То же можно сказать и о религии Велесовой книги. По мысли Миролюбова, вера древних славян – это «испорченный временем, обстоятельствами, событиями и переменой местожительства ведизм». Читатель ожидает увидеть суровое язычество с оргиями и человеческими жертвоприношениями. Но религия Велесовой книги – это благостное недохристианство. Фальшивка напичкана именами славянских и ведических (индийских) богов, но все же ее богословие скорее монотеистическое, христианское, нежели политеистическое, языческое. Православный Миролюбов всячески старался приблизить сочиненную им религию к христианству. Его Древняя Русь поклоняется единому богу: «Могуч Сварог наш и не боги иные, а просто Сварог». Этому богу,

который «един и множествен», Русь приносит бескровные жертвы от плодов земных.

Филолог Анатолий Алексеев верно заметил о молитвословиях Велесовой книги: «Гимны по их благопристойному содержанию больше подходят для хоров гимназисток, чем для воинов и работогорговцев, прибивших щит на врата Царьграда, или для сельскохозяйственных тружеников «зоны рискованного земледелия», или для жителей лесов, занятых охотой и бортничеством».

Получается, что в русских сказках, где «огни горят горючие, котлы кипят кипучие, ножи точат булатные», где Баба-яга хочет зажарить и съесть Иванушку, где избушка на куриных ножках огорожена тыном из человеческих костей, язычества больше, чем в «языческой» Велесовой книге.

Но это не мешает фальшивке ежегодно издаваться, «изучаться» и «переводиться». Она кормит множество издателей, «волхвов» и «ученых». Вряд ли графоман Миролюбов, сочиняя в Брюсселе свои «дощечки», мог предположить, что в XXI веке найдутся люди, готовые ими обманываться сами и обманывать других. ●

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

ОПЫТ ЛОМОНОСОВА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

О ЛОМОНОСОВЕ ПИСАТЬ ТЯЖЕЛО: ВО-ПЕРВЫХ, XVIII ВЕК, В КОТОРЫЙ ОН ЖИЛ, УЖЕ НАСТОЛЬКО УДАЛЕН ОТ НАС, ЧТО ПОПРОСТУ ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ЛОМОНОСОВА ЖИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. ТЕМ БОЛЕЕ ЖИВЫМ ВЕЛИКИМ ЧЕЛОВЕКОМ, ЧТО ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ПО УМОЛЧАНИЮ ИЛИ ПРОВОЗГЛАШАЕТСЯ ПУБЛИЧНО В ДНИ ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВ. А ВО-ВТОРЫХ, МЫ ПОЛАГАЕМ, ЧТО ПОНИМАЕМ КОНТЕКСТ, В КОТОРОМ ОН РАЗВИВАЛСЯ, – НАУКУ. ВОТ ТОЛЬКО НИКАК НЕ МОЖЕМ ВЗЯТЬ В ТОЛК: А ЧТО В ЭТОЙ ОБЛАСТИ ОН СДЕЛАЛ ТАКОГО, ЗА ЧТО ЕГО ВЕЛИЧИЕ ОСТАЕТСЯ НЕОСПОРИМЫМ?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЧЕВИДНО, МЫ ПРОСТО ПЛОХО ПРЕДСТАВЛЯЕМ СЕБЕ, НАСКОЛЬКО НАУКА XVIII ВЕКА ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НАУКИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ, КРОМЕ ЗАКОНОВ НЬЮТОНОВСКОЙ МЕХАНИКИ, ЕЩЕ НЕ ОТКРЫТЫ, ПОЛОВИНА ХИМИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ НЕ ОБНАРУЖЕНА, НЕ ВПЛОНЕ ЯСНО, ЧТО ТАКОЕ ТЕПЛОТА, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, МАТЕРИЯ; ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЭЛЕМЕНТОВ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЧЕРЕЗ СТО С ЛИШНИМ ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА... НАУКА ЕДВА-ЕДВА ПРИЧАСТНА К РЕШЕНИЮ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ, ОНА ПРОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД ВСЛЕПУЮ, НА ОЩУПЬ... И ХОТЯ XVIII СТОЛЕТИЕ ПО ПРАВУ НАЗЫВАЮТ «ВЕКОМ ГЕНЕРИЕВ» – ИСААК НЬЮТОН, ГОТФРИД ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЕЙБНИЦ, ХРИСТИАН ВОЛЬФ, ЛЕОНАРД ЭЙЛЕР, БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН, ЖАН ЛЕРОН Д'АЛАМБЕР, – МЫ НАПРАСНО БУДЕМ ИСКАТЬ СРЕДИ НИХ ТВОРЦОВ ЗАХВАТЫВАЮЩИХ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ. ВРЕМЯ ОБОБЩЕНИЙ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО, ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОРЫВЫ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ, НАУКА ТОЛЬКО НАКАПЛИВАЕТ СИЛЫ ДЛЯ БРОСКА В XIX И XX ВЕКАХ...

Ломоносов учился у Вольфа, знал великого математика Эйлера, переписывался с Вольтером, одновременно с Бенджамином Франклном ставил опасные опыты по улавливанию атмосферного электричества... Однако что с того? Все ломоносовские занятия относятся к ведению истории науки и культуры и принадлежат далекому прошлому.

Тогда почему мы об этом говорим?

Почему мы говорим о Пушкине, о Толстом? Понятно, почему о Пушкине, о Толстом и о Ломоносове говорит государство: это его культурная валюта, его гуманистический багаж. Но вот Сергей Пчелкин, ведущий научный сотрудник НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева и страстный ломоносовед, несколько обостряет задачу, предполагая, что вопрос о Ломоносове задает не государство, а частное лицо. Раз можно любить Пушкина и Толстого и даже увлекаться ими, то точно так же можно увлечься и Ломо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Христиан Вольф (1679–1754), немецкий математик и философ, профессор математики и философии в Марбурге (1723–1740), где в числе его слушателей был Михаил Ломоносов

носовым. Ибо в том, как он жил, есть чем залюбоваться и получить ответ на вопрос: как жить? Другое дело, насколько опыт Ломоносова актуален и притягателен для людей, живущих сегодня. От чего мы отказываемся, если отбрасываем Ломоносова как старый хлам? Здесь вопрос не о «культурности», а об экзистенции. Ломоносов все время движется в поисковом формате, и, даже несмотря на кое-какие закономерности, открытые им, все это – не более чем стадии развития эксперимента, до pragmatischen результата ему, за редким исключением, далеко. Да и какую pragmatiku можно извлечь из того, что вы свободны и самостоятельны? Притягательны ли для вас свобода и самостоятельность? Ведь времена изменились. Когда-то Чехов написал издателю Суворину о своем понимании свободы: «По капле выдавливать из себя раба». Сегодня есть колоссальное искушение не мучиться, а сразу прорваться к результату: чего выдавливать? Все можно купить. Ну, если не свободу, то уж точно какой-нибудь гаджет, который заменит целый мир. И здесь происходит подлинный культурный разрыв с Пушкиным, с Толстым, с Чеховым, да и с Ломоносовым тоже. Все это сразу обессмысливается. Так что небесполезно обернуться и взглянуть на Ломоносова как на культурного героя, рыцаря без страха и упрека: он не позволяет происходящему утрачивать смысл. Он преследует смысл. Он преследует смысл, и делает это даже тогда, когда у него кончаются силы.

Интерьер кабинета ученого XVIII века в Музее М. В. Ломоносова

ЧЕЛОВЕК БАРОККО

Однажды на Васильевском острове близ академии Ломоносова решили ограбить три матроса. Однако он пришел в такое негодование, что одного уложил без чувств, другого с разбитым лицом обратил в бегство, а третьего решил проучить: снял с него куртку, камзол, штаны, связал узлом и привнес «добычу» домой. Недаром Пушкин замечает: «С ним шутить было накладно».

Ломоносов принадлежал удивительному времени – эпохе барокко. Сейчас от всей этой величественной ментальной конструкции остались лишь образцы архитектуры и прикладных искусств, однако в гораздо большей степени, чем стиль, барокко есть философия и мировоззрение переходного времени. То есть перехода из Средневековья в Новое время. Средневековые видят вопрос в соотношении бесконечно малого и бесконечно большого. Если человек – мельчайшая частица сотворенного мира, то может ли он понять бесконечное? Средневековые отвечают: «нет». Потому что ты часть творения, а не творец. А потом, на грани XVII и XVIII веков, происходит резкий поворот культуры, когда человек на тот же вопрос отвечает: «да». Ломоно-

сова нередко сравнивают с титанами Возрождения, но это неверно. Возрождение – это открытие перспективы развития нового, а в барокко – постоянная борьба черного и белого, старого и нового, высокого и низкого – и в культуре, и в личности. Ломоносов сам проходит весь культурный путь из Средневековья – своей поморской колыбели – к средневековой же, богословской учености в стенах Славяно-греко-латинской академии и по счастливому стечению обстоятельств в годы зрелой молодости выывается в кotle передовой в то время германской учености. «Человек барокко» все время живет в нем: до 1739 года он учится химии и горному делу у Христиана Вольфа в Марбурге, но при этом ему вменяется в обязанность «учиться естественной истории, физике, геометрии и тригонометрии, механике, гидраулике и гидротехнике». В результате за три года он получил порядочное образование, хотя жительство у вдовы пивовара не обходится без щедрых возлияний и ухаживаний за ее юной дочерью – Елизаветой Цильх, позднее ставшей его женой.

После Марбурга трое русских школяров отправляются в Саксонию, во Фрайберг, к горно-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

РУССКИЙ МИР.RU / ФЕВРАЛЬ / 2017

АНДРЕЙ СЕМАШКО

му советнику Иоганну Фридриху Генкелю, минералогу и химику, почетному члену Петербургской академии наук. Во Фрайберге Генкель построил одну из первых в Европе экспериментально-образовательных лабораторий для исследования минералов, руд и металлургических процессов. Здесь коренился главный интерес Ломоносова – минералогия. Правда, у прибывших в Саксонию русских студентов было и тайное задание: узнать секрет производства порцелина – фарфора, продававшегося тогда на вес золота. Ломоносова хранила сама судьба: он неожиданно и бурно расстался с Генкелем, чем, может быть, спас себя. Во всяком случае, в судьбе его несчастного товарища, Д.И. Виноградова, видится какая-то адская насмешка. Он остался у Генкеля. И узнал секрет изготовления фарфора. Спустя чуть более десяти лет он умер от белой горячки, прикованный цепью к печи для обжига порцелина

на казенном заводе Черкасова. Это был своего рода «ящик» – закрытое предприятие по разработке русского фарфора. По сравнению с ним Ломоносов отдался легче: решив уехать из Германии через Голландию, он где-то напился с прусскими солдатами и записался в прусскую армию. Но ему повезло. Он сумел сбежать из сборного пункта в крепости Везеля. В общем, пустяками отдался.

Фрагмент
экспозиции,
посвященной
М.В. Ломоносову

В музее собрана
большая
библиотека

ЛОМОНОСОВ И АКАДЕМИЯ

В 1724 году по распоряжению Петра I в Санкт-Петербурге учреждается Академия наук. В первоначальном составе академии было 11 профессоров (академиков) по специальностям: математике, астрономии с географией, механике, физике, анатомии, химии, ботанике, красноречию, древностям, истории и праву. На начальном этапе все ученые приглашались из-за рубежа, да и вообще, возраст первых академиков не превышал 30 лет. Петр еще при жизни разослал «экстракт» из своего проекта об учреждении в России Академии наук, предлагая европейским ученым вступать в русскую службу и обещая самые выгодные условия: высокий оклад, возможность полностью посвятить себя наукам... Однако прежде, чем проект получил реальное наполнение, прошли годы. Петр умер, становление академии пришлось на царствование Анны Иоанновны, а затем Елизаветы Петровны. Часть

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

академиков составила научный отряд Великой Сибирской экспедиции, другие оставались в Петербурге и занимались «ученым» обеспечением императорских забав – например, созданием «ледяного дома», описанного в одноименном романе Ивана Лажечникова. Все лекции и научные работы излагались на немецком языке или на латыни – международном языке тогдашней науки. Однако академии ни за десять, ни за двадцать лет так и не удалось пустить корни в русскую почву и заинтересовать наукой хотя бы верхушку аристократии. В городе Петра Кунсткамера – одно из его любимых детищ и важных подразделений академии – считалась местом, где собираются чернокнижники. Еще бы! В нижнем ее этаже помещался анатомический театр, а на верхней башне по ночам горел огонь: там «чернокнижники» проводили свои астрономические наблюдения... Лишь с возвращением Ломоносова из Германии положение стало меняться. И то – прошло несколько лет, прежде чем он, получив в 1745-м должность профессора химии, действительно смог влиять на ход дел в академии. В 1746 году Ломо-

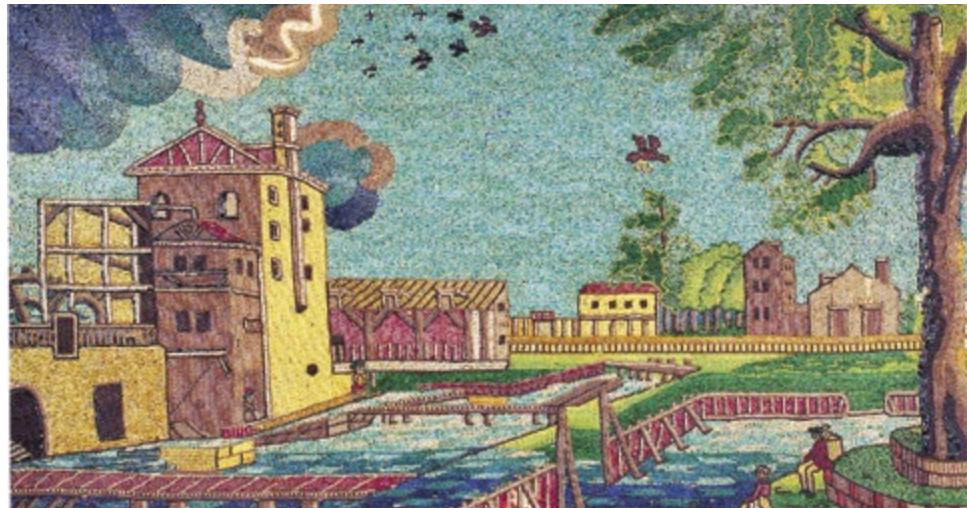
носов предложил президенту Академии наук, графу Кириллу Разумовскому, прочитать публичную лекцию по физике на русском языке. Это была первая публичная лекция в России, прочитанная не на латыни и не на немецком! Аудиторию составили представители десяти-пятнадцати аристократических фамилий, которые имели хоть какое-то представление о науке. Увы, таково было реальное положение вещей. Ломоносов понимает, что так дальше продолжаться не может: страну не поворотить в сторону Европы, если не вырастить себе смену, если не обратиться к исследованиям, которые были бы жизненно важными для развития государства. Принято говорить, что Ломоносов не столько изобрел, сколько сделал для развития науки. Нам кажется, что «развивать науку» – это, как в наши дни, бумажки какие-то подпisyывать. Нет. Тогда наука была еще так слаба, что и реорганизовываться, по сути, было нечего. Требовалось создавать: и вот, во всей России оказывается один только человек, который знает, как на мировом уровне обустроить научно-производственную химическую лабораторию, как у Генкеля: Михаил Ломоносов.

Проспект вниз по Неве-реке между Зимним дворцом и Академией наук. Гравюра Г.А. Качалова и Е.Г. Виноградова по рисунку М.И. Махаева. 1753 год

И он воссоздает лабораторию своего учителя на Васильевском острове: вычерчивает внутреннее устройство, выписывает оборудование, реактивы. Он же и лекции в ней читает, и опыты проводит, пытается наладить производство оптических стекол, но терпит неудачу и начинает работу по производству цветного стекла, вполне отдаваясь своей «физической химии». Попутно переводит учебники, в частности известную ему книгу немецкого ученого Л.Ф. Тюммига «Вольфянская экспериментальная физика». По этому учебнику и «Грамматике» Ломоносова занимался потом Пушкин. А то, что записки Ломоносова-химика кажутся написанными каким-то устаревшим языком и смахивают на писания алхимиков, объяснить легко: язык химии как науки оставался еще темным. Механика уже обрела в XVIII веке свой язык, а химия – еще нет. Периодическая система Менделеева, азбука химии, пока не изобретена.

Ломоносов кажется воплощением целеустремленности и силы, но его буквально разрывают на куски научные интересы и дела государственные. Он изучает атмосферу и, особенно, электрические процессы в ней, создает первый в мире прибор для измерения силы молнии, ударившей в громоотвод. Наблюдая за затмением Венеры, он случайно обнаруживает наличие у нее атмосферы. Долго и упорно работает с окрашиванием стекла и получает-таки «золотой рубин» – античную разработку, секрет которой разгадал, но унес с собой в могилу немецкий стеклодел XVII века Иоганн Кункель (для этого в стеклянный расплав добавлялось золото), и стекло прекрасного темно-синего цвета, получаемого добавлением оксида кобальта. В своей лаборатории вместе со студентами он провел более 4 тысяч опытов: исследования по технологии силикатов, по обоснованию теории растворов, по обжигу металлов и опробованию руд.

Сделано много, но Ломоносов понимает, что без постоянного притока научной молодежи Санкт-Петербургская академия засохнет. Нужно создать первый в России университет – и для этого он едет в Москву. На его плечи ложится поистине титаническая работа. Через несколько лет, когда Елизавета Петровна умерла, вступившая на престол Екатерина II пожелала непременно ехать на Мойку в дом к Ломоносову. И он, готовясь к встрече, набрасывает конспект – «Говорить с государыней», состоящий из 11 пунктов. Он пишет об опасностях, подстерегающих русскую науку, которая еще не вышла из младенческого состояния, и о том, что сделано. Он понимает, что наворочено много. Не сомневается в этом и императрица. А как с этим быть – неизвестно. Это тоже к вопросу о титане. Почему о титане? Потому что возвращение рая на Земле – что есть цель науки и всего ученого сообщества XVIII столетия – это смысл, который доступен только титану: удержание всего универсума. Кто бы еще из академиков-иностранцев отчаялся на такое дело? А он держит. Держит все: поэзию, науку, инженерные, организационные дела... И если всерьез говорить о том, что изобрел Ломоносов, – так это такой вот тип жизни с таким вот результатом... Это был ученый с государственным складом ума, прекрасно представляющий, что такая Россия, понимающий, что сильное государство может основываться только на передовых научных знаниях и производстве. Как писал Пушкин: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был нашим первым университетом». Ему одному удалось то, что не удалось всем немецким академикам, вместе взятым: привить науку в России.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Панно «Усадьба Усть-Рудица» (?).
Холст, бисер,
стеклярус,
вышивка.
Середина
XVIII века

ОБРЕСТИ САМОСТОЯНЬЕ

В 1753 году Ломоносов получил возле Ораниенбаума, в устье речки Рудицы, участок земли для строительства мануфактуры по производству цветного стекла. Позднее Усть-Рудицкая мануфактура Ломоносова прославилась как место, где были созданы его знаменитые «картины»-мозаики из стекла всех оттенков, которые только знает палитра художника. Но по замыслу Ломоносова это должен был быть завод, где производились бы стеклянные изделия, способные украсить самый изысканный стол и интерьер. Здесь организационные способности Ломоносова проявили себя в полной мере: он отдает распоряжения о строительстве стеклоплавильных печей, сам вычерчивает цеха завода, продумывает фазы производственного процесса, занимается проекти-

рованием оригинальных станков и инструментов.

Усть-Рудица нужна была Ломоносову как доходное предприятие, обеспечивающее его самостоятельность: недаром он был сыном помора, владевшего рыболовными тонями в Белом море. Самостоянье было важной деталью в его картине мира. Поначалу фабрика выпускала только бисер, стеклярус и мозаичные составы (смальты). Однако уже в 1757-м она начинает производить столовые сервизы, туалетные и письменные приборы – все из разноцветного стекла, по большей части бирюзового. Со временем было налажено производство более крупных изделий: дутых фигур, украшений для садов, литых столовых досок.

Сейчас немногие сохранившиеся изделия Ломоносовского стекольного завода давно ста-

В экспозиции
Музея
М. В. Ломоносова
представлены
образцы смальт,
изготовленных
на фабрике
в Усть-Рудице

АНДРЕЙ СЕМАШКО

В музее демонстрируются научные приборы и инструменты

Сейчас большинство ломоносовских мозаик находится в Эрмитаже. В Ораниенбауме были целые кабинеты, отделанные мозаикой в восточном стиле. Разумеется, заказчиками Ломоносова могли быть только богатые вельможи, их портреты в основном и составляют мозаичную галерею. Но было бы странно, если бы ученый работал для тех, кто не способен ни оценить, ни оплатить сделанную работу. Здесь мы опять приходим к тому, что самостоятельное Ломоносова началось с промыслов его отца. Сын добился несравненно большего. По происхождению Ломоносов был обычный черносошный крестьянин, однако его могучий научный и государственный темперамент поставил его на одну ступень с такими людьми, как граф Петр Шувалов – фактический глава государства при Елизавете Петровне, который, будучи подлинным ангелом-хранителем Ломоносова, позволял ему, хотя бы и в письменной форме, обращаться к себе на «ты»: «Неправо о вещах те думают, Шувалов, // Которые Стекло чутут ниже Минералов...» В 1751 году Ломоносов получил чин коллежского советника, дававший ему право на потомственное дворянство. «...Впервые в России крестьянин за свои научные достижения стал дворянином, – пишет ученый секретарь Ломоносовской комиссии СПБНЦ РАН Татьяна Моисеева. – Чин и дворянский статус, полученные Ломоносовым, отражали не только признание его самого правящей элитой, но и признание науки в русском обществе к середине XVIII века. В России стал появляться интерес к научным занятиям, появился круг европейски образованных людей, а в среде русской аристократии стали с уважением относиться к научным знаниям и поддерживать научные исследования, направленные на практические цели...». В XVIII столетии перейти из крестьян в дворянство было невозможно. Но Ломоносов сумел это сделать. Мы можем многое рас-

ли достоянием музеев. При этом я не говорю про мозаики, художник и реставратор Игорь Грабарь уже в XX веке оценил их как редкостные и драгоценные образцы искусства столь же кропотливого, сколь и выразительного: флорентийские мозаики являются единственным аналогом того, что удалось сделать Ломоносову при весьма ограниченных возможностях его художников-подмастерьев. Однако в свое время и их работа производила потрясающий эффект: «...граф Александр Сергеевич Строганов дал из своей отличной картинной галереи необыкновенный оригинал – голову [старика] Рубенса... ученику Ломоносова Мат.[вею] Васильеву. Этот под надзором русского живописца Ивана Бельско-

го сделал столь превосходную мозаику, что на расстоянии нескольких шагов ее принимали за оригинал...» Ломоносов и сам владел техникой мозаично-го набора.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Иванович Шувалов (1727–1797), государственный деятель, генерал-адъютант, первый куратор Московского университета

суждать о его научных и общественных заслугах, судить о них с восторгом или, напротив, придирчиво, но такой словесный прыжок говорит сам за себя...

«...В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. <...> – пишет о нем Александр Сергеевич Пушкин. – Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дрожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, «предстателю мус, высокому своему патрону», который вздумал было над ним пошутить. «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа моего Бога дураком быть не хочу». В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» – «Нет, – возразил гордо Ломоносов, – разве Академию от меня отставят». Ломоносов изобрел главное: понимание того, что есть жизнь науки, устроенная соответствующим образом, есть человек науки и его знания, его достоинство, есть в каком-то смысле слова интеллигент (само слово ввел в обиход в XIX веке Бобрикян), который должен работать не покладая рук, быть практиком и одновременно поэтом. И все это, вместе взятое, – оно и будет вашим счастьем.

Так от чего мы отказываемся, если отбрасываем Ломоносова как старый хлам? Не от собственного ли высокого призыва? И что остается на месте той пустоты, откуда Ломоносов выброшен? Это обычный вопрос, не обидный. Надо только честно ответить на него.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Зал заседаний
Петербургской
Академии наук
XVIII века

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И РАЦИОНАЛИЗАТОР

С Татьяной Михайловной Моисеевой, уникальным специалистом по Ломоносову, сидели мы в кафе на Невском, и я под конец разговора все допекал ее расспросами о том, что же изобрел Ломоносов. В контексте нашей беседы эти расспросы звучали наивно: Ломоносов научно разобрал очень многие и очень сложные вещи – например, верно (с оговорками, необходимыми для XVIII века) понял строение материи, природу света и цвета, явления, связанные с атмосферным электричеством, по-своему сформулировал закон сохранения массы и энергии... А тут – что изобрел да что изобрел? Будто лампу накаливания или фонограф Эдисона. Татьяна Михайловна поколебалась: «Видимо, он просто слишком опередил свое время...» Мы заговорили о том, почему тех, кто опережает свое время, потом никто не догоняет: у них, как правило, нет прямых последователей, учеников. Просто они начинают разговор на том языке науки, который для последующих исследователей выглядит все более архаичным. И те продолжают тему на ином, новом языке науки. Вспомнилось признание известного геолога и почвоведа Василия Докучаева

ва о том, как Владимир Вернадский, по заданию Московского университета разбирая произведения Ломоносова, доверительно сообщил ему, что Ломоносов давно уже изложил в своих сочинениях ту теорию, за защиту которой Докучаев получил докторскую степень. И изложил, надо признаться, шире и более обобщающим образом... Пример типичный... А с другой стороны, учеников у Ломоносова – весь Московский университет. Ломоносова, как ученого и как человека, не объедешь как памятник. О масштабе этой личности всплывает целый вихрь терминов, которые он втащил в русский язык и оставил после себя: атмосфера, микроскоп, минус, полюс, формула, периферия, горизонт, диаметр, радиус, пропорция, барометр, манометр, эклиптика, метеорология, оптика, вязкость, кристаллизация, материя, эфир, селитра, сулфема, поташ. Чуть короче список неологизмов: градусник, предложный (падеж), зажигательное (стекло), огнедышащие (горы), преломление (лучей), равновесие, горизонтальный, вертикальный, квадрат, кислота, удельный (вес), квасцы, сферический, электрический... Метеорология... Забавно, что, когда Ломоносов обнаружил на

А.И. Васильев.
М.В. Ломоносов –
отец русской
науки. 1950 год

Ломоносов построил оптический батоскоп, или «инструмент, которым бы много глубже видеть можно дно в реках и в море, нежели как видим просто».

Он создал горизонтоскоп – большой перископ с механизмом для горизонтального обзора местности, а также вискозиметр – оптический прибор для исследования вязкости жидких материй... Наверное, если как следует покопаться в трудах Ломоносова, можно найти следы каких-нибудь других его изобретений. Но они так и останутся нашими догадками, ибо из личных вещей Ломоносова всего-то и осталось, что тарелка, бокал, немецкий чайник Майсенского фарфорового завода да зрительная труба, сделанная по его проекту.

Может быть, кому-то покажется, что изобретений маловато. На что я возражу, что мы, слава богу, путешествуем пока в XVIII столетии, когда в науке очень слабо еще ощущался тот дух чистогана, который уже к концу XIX века потребовал безусловной практичности от научных открытий. Так что Ломоносов мог себя этим не утруждать, как не утруждало большинство ученых той поры. Он мыслил бескорыстно. Он был наблюдатель и испытатель природы. Вся фигура его обладает для меня необъяснимой привлекательностью: то был человек увлеченный, энергичный, страстный, умный, добрый. С таким, как говорилось в детстве, хочется водиться. Нельзя разбраться таким человеческим капиталом...

Ломоносов рано постарел, по-тучнел, здоровье изменило ему. И умер он в 1765 году в общем-то от обыкновенной весенней простуды. Ему было всего 54 года... Потрясенный этим известием, Семен Порошин, воспитатель десятилетнего Павла I, поспешил во дворец, чтобы сообщить наследнику российского престола о столь печальном событии.

– Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал, – бросил в ответ царевич... ●

личие атмосферы на Венере, занимался он метеорологией, а не астрономией – его интересовала возможность Венеры влиять на атмосферу Земли и провоцировать в ней разные явления. Точно так же, занимаясь метеорологией, он изобрел вертолет. Да, вертолет. Действующая модель была представлена в академии. Это был небольшой вертолет, который изобретатель снабдил двигателем из часовой пружины. «Как только пружина заводилась, [машина] поднималась в высоту...». Ломоносов свой вертолет называл аэродинамической («воздухобежной») машиной. Поэтому, наверное, не сразу он и вспомнился. А потом – функционально у Ломоносова вертолет слишком уж отличается от нашего. Это не транспортное средство и не военная авиатехника. Ему, собственно, эта аэродинамическая машина была нужна, чтобы доставить на нужную высоту градусник – замерить температуру в верхних слоях атмосферы... Оптик он был вдохновенный. Основатель научной школы физической оптики в СССР Сергей

Вавилов писал, что Ломоносов «был одним из самых передовых оптиков своего времени и, безусловно, первым русским творческим опто-механиком». Он создал более десятка принципиально новых оптических приборов. В том числе прибор для сгущения света, названный им «ночезрительной трубой», с помощью которой ночью в темноте можно было различать скалы и корабли. 13 мая 1756 года он демонстрировал ее на заседании академического собрания. Позднее по инициативе Ломоносова была снаряжена полярная экспедиция капитана Василия Чичагова, которой были даны три такие трубы, показавшие себя отлично. Жаль, Ломоносов об этом не узнал – умер.

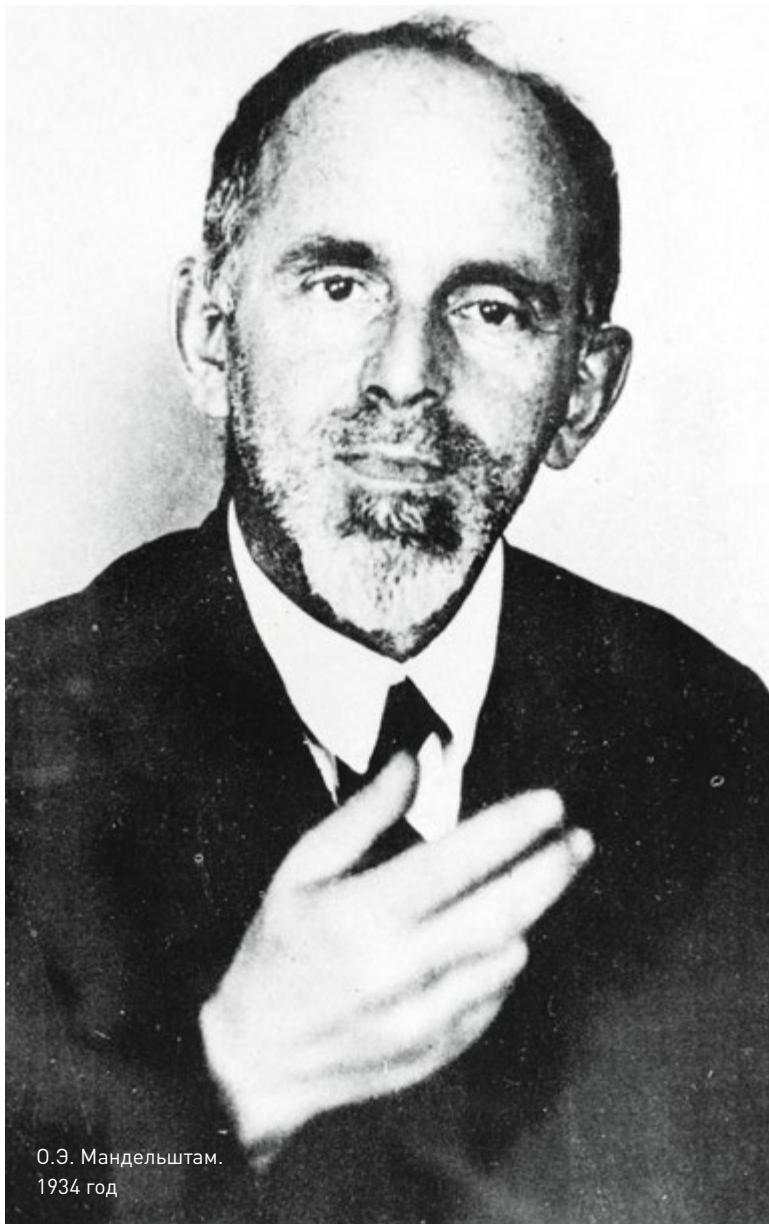
Он строил телескоп со своей системой линз и писал по этому поводу: «Я всегда лелеял желание, чтобы эти превосходные небесные орудия, коих изобретение составляет славу Ньютона и Грегори, не по размерам только, как это обычно происходило, возрастали, но получили и иные, почерпнутые из сокровищ оптики усовершенствования».

ИЗ ТЯЖЕСТИ НЕДОБРОЙ

АВТОР

АННА ГАМАЛОВА

ЖИВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПОЭЗИИ, ОН УМЕЛ СЛЫШАТЬ ПЕНЬЕ АОНИД, БИЕНИЕ КРОВИ В СОСУДАХ И СТУК РОКА В ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ; УМЕЛ ЧУВСТВОВАТЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН И СОЕДИНЯТЬ ИХ. НО ВСЕ ЭТИ УМЕНИЯ БЫЛИ РЕШИТЕЛЬНО НЕ НУЖНЫ В ЭПОХУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Будущий поэт появился на свет 3 (15) января 1891 года в Варшаве. Его отец, Эмиль (Хацкель) Мандельштам, учился в Берлине, изучал немецкую философию, знал и любил европейскую литературу. Он был перчаточником, купцом первой гильдии, что давало ему право жить в Петербурге, вне черты оседлости. Жена его, Флора Осиповна, была пианисткой, учительницей музыки. Она окончила русскую гимназию в Вильне, говорила по-русски, чистым и ясным литературным языком, хотя в разговоре с отцом иногда переходила на немецкий. В семье было трое мальчиков: старший, Осип, и младшие, Александр и Евгений. Отец в воспитании детей принимал мало участия. «Он часто бывал угрюм, замыкался в себе, почти не занимался детьми, в которых для матери был весь смысл существования», — писал Евгений Мандельштам. Дела отца шли плохо, и к 1917 году он разорился.

Оию учили музыке. Флора Осиповна часто водила детей на концерты и в Мариинский театр. Летом семья обычно жила на даче в Финляндии. Кроме того, детей возили в Ригу, где они отдыхали в Майоренгофе (Майори); в Латвии они на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Осип Мандельштам
с братом Александром.
1-я половина 1890-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Флора Вербловская. 1890-е годы

вещали родителей отца. Ортодоксальный иудейский мир этой семьи был детям непонятен и тягостен. Осипа притягивала русская культура, которую он, с детства влюбленный в ясность русской речи, в строгость и стройность имперского Петербурга, считал своей.

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПОЭЗИЯ

Тенишевское училище, учеником которого Осип Мандельштам стал в 8 лет, было одной из лучших школ в России. Его основала группа передовых педагогов, а финансировал известный меценат князь Тенишев. Здесь не было оценок, дневников, классных кондукторов. Зато были лаборатории, экскурсии, театральный зал, где проходили литературные чтения. Но Мандельштам в «Шуме времени» отзывался об училище

не особенно лестно, без радости вспоминая «наглядные методы», состоявшие в вивисекции лягушки или умерщвления мыши под стеклянным колпаком, и ручной труд, который ему, неловкому, давался плохо. В общество сверстников нервный и впечатлительный мальчик вписывался не слишком хорошо; в школе его звали «Гордой ламой».

Один из самых значимых людей в биографии юного Мандельштама – это учитель литературы Владимир Гиппиус, талантливый критик и одаренный педагог. Мандельштам посвятил ему целую главу в «Шуме времени», где говорит, что Гиппиус вместо литературы преподавал детям «гораздо более интересную науку – литературную злость»; литература была для него «единственным источником животного тепла»; он делился с учениками живым, лич-

Эмиль
Мандельштам.
1890-е годы

ным, страстным отношением к художественному слову.

Подростковый возраст Мандельштама пришелся на время Первой русской революции; вопросом чести и славы для мальчиков, рвущихся в новую жизнь, стало служение революции. Мандельштам сблизился с партией эсеров, стал заниматься революционной пропагандой. Пытался даже вместе с другом вступить в боевую организацию эсеров, но их не приняли как слишком юных. Родители, испуганные умонастроением своего мальчика, отправили его учиться в Париж.

С октября 1907 года Мандельштам учился на факультете словесности в Сорбонне – впрочем, учился не особенно хорошо, много прогуливал. Он увлекся новой литературой, зачитывался Бодлером и Верленом – и страсть к поэзии, пожалуй, вполне вытеснила в его душе увлечение революцией. В Париже он прожил несколько месяцев. Потом вместе с родными путешествовал по Европе: побывал в Швейцарии и Италии.

Вернувшись в Петербург, он стал появляться на собраниях в «башне» у Вячеслава Иванова – в своеобразной цитадели русского символизма. Читал у Иванова свои стихи; присутствующим они понравились, Иванов их хвалил.

Следующий учебный год Мандельштам провел в Гейдельбер-

Тенишевское
училище
в Санкт-
Петербурге
на Моховой
улице.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Владимир Васильевич Гиппиус
(1876–1941). Русский поэт,
литературовед. Конец 1890-х годов

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О. Мандельштам.
1907–1908 годы

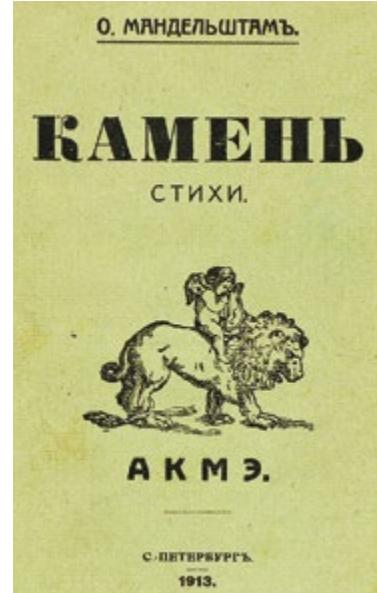
Проводы поэта Бенедикта Лившица в армию. Слева направо: Осип Мандельштам, Корней Чуковский, Бенедикт Лившиц и Юрий Анненков. 1914 год

ге, где изучал в университете романскую филологию, но особого усердия тоже не проявлял. Он снова ездил в Швейцарию и Италию. Время студенчества, когда определяются эстетические вкусы и оформляются философские воззрения, у Мандельштама связано с Европой. В его лирике, где до сих пор яснее всего звучала тема хрупкости, мимолетности существования, эфемерности живого в сравнении с ледяной вечностью, все чаще стала появляться мысль о человеческом мастерстве, преодолевающем время. Ключевой образ его стихов – это образ собора: рукотворного леса, сложного творения, которое возводит человеческий гений, преодолевая косность и грубость материала, приобщаясь к вечности. Уже тогда в его стихах прозвучало программное заявление: «Из тяжести недоброй // И я когда-нибудь прекрасное создам». 18-летний Мандельштам – уже состоявшийся незаурядный поэт.

ПРИНЦ В ИЗГНАНИИ

В мае 1911 года Мандельштам крестился у лютеранского пастора в Выборге. Внешняя сторона дела очевидна: решение было самым простым способом преодоления процентной нормы для евреев при поступлении в университет. Менее очевидна внутренняя сторона: выраженное тяготение Мандельштама к христианству. Лютеранство – куда менее простой, чем православие, менее очевидный, чем европейское католичество, выбор; он совмещает приверженность к европейской христианской традиции с отсутствием жесткой привязанности к ритуалу, конкретной общине.

Осенью 1911 года Мандельштам поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Тогда же Николай Гумилев и Сергей Городецкий основали литературное объединение «Цех поэтов», покинув «башню» Иванова. Мандельштам примкнул к «Цеху», где нашел литературных единомышленников. Нервный, смешной, вечно одинокий, он обрел доброжелательную среду и друзей на многие годы вперед. 1910-е годы – наверное, самое счастливое в его жизни время; его стихи брызгут счастьем, мир полон света и красок. Весной 1912 года отделение «Цеха поэтов» от символистов закрепилось не только созданием кружка, но и провозглашением собственной программы. В литературе появился акмеизм, требующий от поэзии предметности, ясности и точности. Ман-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги О. Мандельштама «Камень» (С.-Пб., «Акмэ», 1913)

дельштам в следующем году написал свой вариант декларации движения – «Утро акмеизма», основанный на архитектурных аналогиях: «Акмеизм – для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы. Зодчий говорит: я строю, – значит я прав». Заглавие первого сборника Мандельштама, вышедшего в 1913 году на отцовские деньги – «Камень»: по-акмеистически весомое и конкретное, но и по-символистски наложенное смыслами. Тоненькая книжечка тиражом в 600 экземпляров была раскуплена и удостоилась нескольких благожелательных рецензий.

Тесный кружок акмеистов – а их было всего шестеро – не отличался единством. Центробежная сила довольно скоро потянула членов союза прочь друг от друга; Мандельштам одно время даже думал примкнуть к футуристам, даже выступал вместе с ними, однако в конечном счете из этого союза ничего не вышло...

Когда началась Первая мировая война, окружение Мандельштама было захвачено патриотическим порывом. Гумилев

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ный брат». Мандельштам подхватывал ее лирические темы, отвечал – со страстью и паникой – на ее чувство; полгода разрывался между Москвой и Петербургом. Его частые визиты Цветаева называла «наездами и бегствами». Один из таких наездов кончился его внезапной вспышкой и стремительным отъездом.

Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими же ладонями моими
Пересыпаемый песок.

Этими строками заканчивается стихотворение об этой встрече; этим стихотворением заканчивается история любви – не первой и не последней.

Мандельштам с братом уехал в Коктебель к Волошину, но из Крыма братьев срочно вызвали в Москву: у матери случился инсульт. Они успели только к похоронам. Евгений Мандельштам вспоминал, что с ее смертью начался распад семьи. Сыновей, особенно Осипа, мучило острое чувство вины перед матерью. В 1917 году умерла бабушка, отец и сыновья разъехались по отдельным квартирам. Тогда же, в 1917 году, Мандельштам оставил попытки окончить университет.

В конце 1916 года он снова влюбился. Саломея Андроникова, грузинская княжна, была одной из самых красивых женщин в Петербурге. От влюбленности этой остались прекрасные стихи, в том числе знаменитая «Саломинка». С Саломеей он встречался в Крыму, где отдыхал в 1917 году. Может быть, эта влюбленность или ощущение больших перемен – что-то новое ворвалось в его стихи, открывая их небу и морю: так, обычный визит к художнику Судейкину в Алуште стал толчком к созданию волшебно-медлительных, насыщенных близостью моря и вечности строк стихотворения «Золотистого меда струя из бутылки текла...».

11 октября 1917 года Мандельштам выехал из Крыма в Петроград. Приехал уже к началу новой жизни.

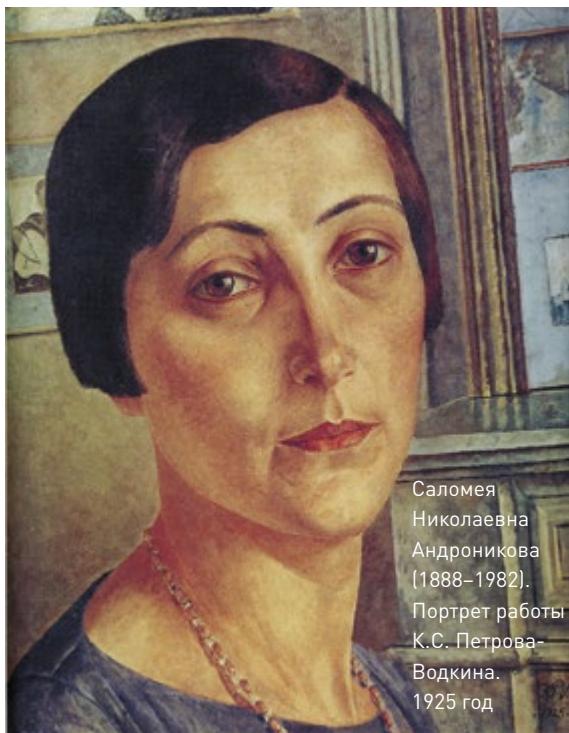
и Бенедикт Лившиц ушли на войну. Мандельштам идти на фронт не мог по причине астении сердца, но рвался в санитарные войска. Старший друг, Сергей Каблуков, категорически его отговаривал, понимая, что война и тонкая психика поэта мало совместимы. В декабре 1914 года Мандельштам все же уехал в Варшаву с намерением там служить, но уже через несколько дней вернулся. Затем он служил во Всероссийском союзе городов – организации, которая заботилась о раненых, беженцах и военнопленных. Он размышлял о судьбах Европы и России, зачитывался Константином Леонтьевым. Биограф Мандельштама Олег Лекманов находит в его стихах этого времени «политическую риторику в духе любимого им Тютчева» и «официозно-православные формулы»:

Разве Россия не белый рай
И не веселые наши сны?
Радуйся, ратник, не умриай:
Внуки и правнуки спасены!

Летом 1915 года Мандельштам с братом Александром поехал к Волошину в Коктебель, где познакомился с сестрами Цветаевыми. Анастасия Цветаева вспоминала, что братья были бедны, часто просили денег в долг. Осип брал деньги «надменно, как обедневший лорд». И замечала: «И была в нем

грация принца в изгнании. И была жалобность брошенного птенца». В самом начале января 1916 года Мандельштам встретился с Цветаевой в Петербурге на поэтическом вечере и через несколько недель приехал к ней в Москву. Так начался короткий и счастливый роман двух поэтов. Цветаева умела влюбляться в людей безоговорочно, требовательно, всецело: «Из рук моих нерукотворный град // Прими, мой странный, мой прекрас-

О.Э. Мандельштам (крайний справа)
на веранде дома Волошина в Коктебеле.
Июнь–июль 1916 года

Саломея
Николаевна
Андроникова
(1888–1982).
Портрет работы
К.С. Петрова-
Водкина.
1925 год

СКРИПУЧИЙ ПОВОРОТ РУЛЯ

Февральскую революцию Мандельштам приветствовал, хотя потом и отзывался о ней иронически; Октябрьской не принял. 15 ноября 1917 года в петроградской газете «Воля народа» появилось стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...» с пророческими строками:

И если для других
восторженный народ
Венки свивает золотые –
Благословить тебя
в далекий ад сойдет
Стопами легкими Россия.

Через некоторое время он стал приходить к осознанию неизбежности исторического перелома: «Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, // Скрипучий поворот руля...» Ему пришлось пойти на советскую службу: иначе было не прожить. Он стал заведовать Бюро печати в Центральной комиссии по разгрузке и эвакуации Петрограда, затем устроился в Наркомпрос – заведовать подотделом художественного развития учащихся в отделе реформы высшей школы, переехал вместе с Наркомпросом в Москву. Здесь сблизился с левыми эсерами, печатался в их изданиях. Но вскоре ему пришлось уехать после конфликта с эсером Блюмкиным: тот в пьяном виде хвастался, что может распоряжаться судьбами людей. Георгий Иванов сообщает, что Мандельштам вырвал из рук Блюмкина ордера на расстрелы и разорвал их. Блюмкин обещал мстить; Мандельштам уехал в Петроград, оправдываясь перед Наркомпросом тем, что болен истерией.

Он еще несколько месяцев разрывался между двумя столицами, а потом отправился в Харьков. Швейцарский исследователь и переводчик Ральф Дутли пишет, что Мандельштам «бежал равно и от голода, и от всеобъемлющего насилия». Поэт Рюрик Ивнев, встречавший его в Харькове, вспоминал: «Я никогда не встречал человека, который бы так, как Осип Мандельштам, одновременно и принимал бы

Надежда
Яковлевна
Мандельштам.
Конец 1920-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

комился с молодой художницей Надеждой Хазиной. Читал стихи только ей. «Мы легко и бездумно сошлись на первый день, и я упорно твердила, что с нас хватит и двух недель, лишь бы «без переживаний», – писала потом она. – Я не понимала разницы между мужем и случайным любовником... С тех пор мы больше не расставались... Он так не любил расставаться потому, что чувствовал, какой короткий нам отпущен срок, – он пролетел как миг». Анна Ахматова вспоминала: «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. <...> Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще, я ничего подобного в своей жизни не видела».

Вскоре Мандельштаму с братом пришлось уехать из Киева – сначала в Харьков, потом в Феодосию, где он вел бесприютное и полуголодное существование. Здесь поэта арестовала врангелевская контрразведка – по подозрению в большевистской деятельности. Через несколько дней его освободили. Едва Мандельштам прибыл в Батум, его снова арестовали; в обоих случаях за него вступались со братья по ремеслу. Затем он отправился в Тифлис, где гостил у поэтов Тициана Табидзе и Павла Яшвили; в октябре вернулся в Москву, столкнулся с Блюмкиным и, опасаясь мести, уехал в Петроград. В Петрограде ему выхлопотали комнату в знаменитом «Доме искусств» (ДИСК).

Катковский лицей в Москве у Крымского моста. С марта 1918 года здесь размещался Наркомпрос. Фото 1910-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СЛУЧАЙНОЕ ТЕПЛО

«Это была суровая и прекрасная зима 20–21 года. Последняя страдная зима Советской России, и я жалею о ней, вспоминаю о ней с нежностью. Я любил этот Невский, пустой и черный, как бочка, оживляемый только глазастыми автомобилями и редкими, редкими прохожими, взятыми на учет ночной пустыней. Тогда у Петербурга оставалась одна голова, одни нервы», — писал Мандельштам в очерке «Шуба». В мемуарах этого времени он — неприкаянный, голодный, отчаянно смешной, как водевильный, поэт; возвышенный чудак, совершенно неприспособленный к быту. В эти времена неприспособленность к быту означала невозможность выжить.

ДИСК стал для голодных деятелей искусств и общежитием, и столовой, и клубом, где регулярно проводили лекции и чтения. Мандельштам выступал с чтением своих стихов, которые позже вошли в сборник *Tristia* — он в 1922 году вышел в Берлине, сам поэт говорил, что «без воли и ведома автора». Стихи эти — итог его странствий, открытые миру, широкие, органичные и гармоничные как море — поразили современников: их учили наизусть и повторяли друг другу. Они плотны и текучи, как мор-

ская вода или хороший шелк — то торжественно-тяжеловесны, то пенно-легки. Туго скрученные сравнения и метафоры разворачиваются в зримые и осязаемые картины. Сейчас уже никто не сомневался: Мандельштам — мастер.

В марте 1921 года он уехал в Киев к Надежде Хазиной, которую успел потерять и снова найти: попросил общую знакомую разузнать ее новый адрес. Из Киева они уехали вместе и больше не расставались до самого его ареста. Они долго метались по голодной и нищей стране, ища, где осесть: «Киев — Москва — снова Киев — Петроград — Ростов — Кисловодск — Баку — Тифлис — Батум — Новороссийск — снова

Г. Чулков,
М. Петровых,
А. Ахматова,
О. Мандельштам.
1930-е годы

Ростов — Харьков — снова Киев — снова Петроград — снова Москва, — перечисляет Олег Лекманов. — Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной, надо полагать, двигала не столько тяга к перемене мест, сколько стремление зацепиться за жизнь, найти себя в кардинально меняющемся мире». В 1922 году в Киеве они официально зарегистрировали свой брак. Может быть — сознательно противопоставляя случайности и хаотичности мира крепкую, нерушимую человеческую связь.

Когда они вернулись в Москву, уже начал давать свои плоды НЭП. Он принес сытость, но для Мандельштама это была «случайная сытость, случайное тепло, нехорошее добро с чужого плеча». В Москве они получили комнату во флигеле Дома Герцена, где тогда было писательское общежитие. С работой не клеилось: поэтическая антология, за составление которой он взялся, не вышла; семинар по поэтике, которым он должен был руководить, развалился; редакции журналов, с которыми он пытался сотрудничать, вывели его из состава. Ему остались только переводы, которыми он занимался без всякой охоты. Среди его переводческого наследия выделяются разве что сонеты Петрарки, которые он переводил в 30-х, — виртуозная работа со словом, соловьиный свист.

Летом 1923 года Мандельштамы уехали в Крым, где он работал над «Шумом времени». От комнаты в Доме Герцена он в запальчивости отказался во время одного из конфликтов, которые случались у него с писательским сообществом. Кочевое существование между Крымом, Киевом, Москвой закончилось тем, что Мандельштамы переехали в Ленинград, где сняли две комнаты; именно в это время поэт, по предложению Самуила Маршака, стал писать детские стихи: частные издательства обнаружили, что они хорошо продаются.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги
О.Э. Мандельштама «Шум времени».
(Л., «Время», 1925)

ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ

В 1925 году в жизни Осипа Мандельштама появилась Ольга Ваксель. Красавица-актриса с лицом нервного и печального ребенка едва не развалила семью Мандельштамов: впечатлительный поэт увлекся не на шутку, Надежда Яковлевна всерьез собиралась от него уходить. Роман, о котором и Ольга Ваксель, и Надежда Мандельштам оставили воспоминания со взаимоисключающими версиями событий, закончился полным разрывом. В воспоминаниях Ольги Ваксель Мандельштам предстает слабым и лживым, запутавшимся и жалким человеком, которого она любила только как поэта.

Ваксель застрелилась в 1932 году. Скорбная нежность посвященного ее памяти стихотворения «Возможна ли женшине мертвей хвала» избавляет от необходимости комментировать ее воспоминания о Мандельштаме:

Я тяжкую память твою берегу –
Дичок, медвежонок, Миньона, –
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.

После разрыва с Ольгой Ваксель Мандельштам с женой, у которой обострился туберкулез, уехал в Детское Село (бывшее Царское Село); затем отправил Надежду Яковлевну в Ялту. Сам искал работу, много переводил. Поденная работа и сгущающееся, удушливое время все больше затрудняли работу над своими стихами, а состояние «не пишется» так же мучительно для поэта, как бессонница. Он взялся за прозу; так родилась «Египетская марка» с ее героем, лишенным дара слова.

Как бы тяжко ни было поэтическое молчание, внешне 1927 год был относительно удачным для Мандельштама: у него вышли три книги, он смог съездить с женой на юг. Возможно, дело в том, что к нему благоволил Николай Бухарин, член Политбюро ЦК партии. А вот со следующего года его положение ухудшилось: он и к обычной-то жизни был не очень приспособлен, а к существованию в безвоздушном пространстве – и вовсе нет. Год этот был отмечен колоссальным скандалом:

Ольга Ваксель.
1925 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мандельштаму незнакомых; дело их так мучило Мандельштама, что он послал Бухарину свою книгу с надписью: «В этой книге каждая строчка протестует против того, что вы хотите сделать». Это принципиально важно для него – смыкание этики с эстетикой: искусство несовместимо с моральным безобразием. «Четвертая проза» – книга страшная и пророческая, свидетельство наступающего времени, с коллективным страхом, переходящим в кровожадность, с террором, с ощущением беспрогнозности. Кажется, только тогда, когда он сформулировал все это вслух, он вернул себе пропавший поэтический голос.

В 1929 году против Мандельштама в «Литературной газете» выступил партийный критик Заславский; это практически означало для писателя отлучение от литературы и безденежье. Всего этого Мандельштаму пришлось хлебнуть сполна. Бухарин пробил для него командировку в Закавказье, и Мандельштам с женой уехал в Армению. Поездка продлилась несколько месяцев, результатом которых стал лирический цикл «Армения» и примыкающие к нему стихи. Голос вернулся, но стал совсем другим.

Если в сборнике *Tristia* его главным героем было море, то теперь это толпа – толпа спин, густая, черная, как застывшая кровь; вместо простора – духота зноного лета. Здесь лирический герой – чужак, свидетель, с ужасом наблюдающий за нисходящим человеком по «лестнице Ламарка», расчеловечиванием, превращением в массу, в усоногих, во что-то такое, чему нет названия – только «зеленая могила, красное дыханье, гибкий смех». Он все больше укрепляется сейчас в понимании своей поэтической миссии: отказ от компромиссов, предельная честность. Ворованный воздух. Поэт как пророк – в пушкинском еще понимании... Он облысел, отрастил бороду. Они с Надеждой Яковлевной уже не первый год мыкались по чужим квартирам и съемным углам. Свое жилье, крохотную комнатку в коммуналке, получили толь-

Обложка книги
Шарля Де
Костера «Тиль
Уленшпигель»
в переводе
с французского
О.Э. Мандель-
штама (М.-Л.,
«Земля и фабри-
ка», 1928)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ко в 1932 году. Писателям как раздали временную передышку: их перестали показательно сечь в печати, хватка на горле временно ослабла, партия собиралась поставить их на советскую платформу и превратить в инженеров человеческих душ. Бухарин выхлопотал Мандельштаму пенсию «за заслуги перед русской литературой». В 1933 году Мандельштамы получили двухкомнатную квартиру в Нащокинском переулке. Мандельштам чувствовал себя мучительно обязанным отрабатывать эту нежданную милость: «И я как дурак на гребенке обязан кому-то играть».

Но уже в 1933 году его «Путешествие в Армению» подверглось разносу в печати. «Разговор о Данте» не был принят к публикации. А вскоре Мандельштам написал: «Мы живем, под собою не чуя страны». Стихи эти стал читать знакомым, считая их общественно важными. Пастернак назвал их «актом самоубийства».

В мае 1934 года Мандельштам был арестован. Он пошел на контакт со следствием, назвал тех, кому читал стихи, давал показания. Ему не давали спать, держали свет в камере включенным. Он пытался покончить с собой, перерезав вены лезвием, которое прятал в каблучке, но ему помешали. Приговоры в 1934 году еще были относительно мягкими; Мандельштама приговорили к высылке в Чердынь на три года

и разрешили жене его сопровождать. Возможно, дело во вмешательстве Сталина, который, как известно, велел Мандельштама «изолировать, но сохранить». Общеизвестно, что Stalin звонил Пастернаку и настойчиво интересовался: «Но он – мастер?» Психическое состояние Мандельштама после тюремы было ужасающим: он бредил, опасался расстрела, в Чердыни снова пытался покончить с собой и выбросился из окна, но остался жив, только сломал руку. Приговор тем временем был пересмотрен, и ему разрешили выбрать город, где отбывать ссылку; он выбрал Воронеж. Здесь он написал почти четверть всего, что вообще написал за всю свою жизнь, в том числе страшные, пророческие «Стихи о неизвестном солдате» – обещание большой войны. Однажды, слушая по радио международные известия, Мандельштам сказал: «Будет как в «Солдате». Сквозной образ его воронежских стихов – земля, густой чернозем или сухая почва; так же густ его обновленный язык, в который вошли новые пласти; густо, тяжело дыхание – но и в нем, в одышливом воздухе открывается какая-то новая, отчаянная, последняя свобода: терять уже нечего. В какой-то момент он поддался оптимистической иллюзии – пытался начать сначала, «жить, дыша и большевея» – но все равно остался собой:

О.Э. Мандельштам в воронежском театре.
1935–1936 годы

Лишив меня морей,
разбега и разлета
И дав стопе упор
насильственной земли,
Чего добились вы?
Блестящего расчета:
Губ шевелящихся
отнять вы не могли.

Он был болен, почти неработоспособен; получил инвалидность. Мандельштама клеймили на собрании воронежской писательской организации; работы у него не было. Его письма знакомым писателям из ссылки – сплошной вопль отчаяния. «Никто из вас не знает, что делается со мной», – писал он Николаю Тихонову. И Чуковскому: «Я – тень. Меня нет. У меня есть только одно право – умереть».

После возвращения из Воронежа Мандельштам почти ничего не писал. Вскоре милиция потребовала, чтобы семья покинула Москву. Литфонд по хлопотам друзей-литераторов устроил его в дом отдыха. Там его и арестовали весной 1938 года. Причиной ареста послужило письмо первого секретаря Союза писателей Ставропольского наркому внутренних дел Ежову с требованием «решить вопрос об О. Мандельштаме», поскольку писатели слишком нервно обсуждают его дело. На этот раз ему дали пять лет лагерей, и в начале сентября 1938 года поэт отправился по этапу. В октябре он прибыл во Владивосток, в лагерь на Вторую речку.

Из воспоминаний заключенных известно, что он почти не ел – считал, что еда отравлена. Съедал пайку разом – вместо того, чтобы растягивать на весь день. Поменял пальто на горсть сахара, и заключенные собирали ему одежду, чтобы он не замерз. Было понятно, что в лагере ему не выжить.

В декабре 1938 года он заразился тифом и умер – просто упал в раздевалке после санобработки от вшей. На него повесили бирку, написали карандашом фамилию, статью и срок. Скинули в траншею за лагерем вместе с другими умершими и присыпали землей. Место захоронения неизвестно.

...Россия, Лета, Лорелей...

НА КРУГИ СВОЯ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ, ТАРЕЛКИ И КОРЧАГИ СНОВА ВОЗЯТ ПО СТРАНЕ, КАК ВСТАРЬ. БОЛЬШАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА-МАСТЕРСКАЯ «ВЗЯТ ОТ ЗЕМЛИ, ЯКО АДАМ», СОЗДАННАЯ В СОЛОВЕЦКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ, РАССКАЗЫВАЕТ О ТРАДИЦИЯХ ГОНЧАРСТВА РУССКОГО СЕВЕРА.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО ЕДВА НЕ ОКАЗАЛОСЬ ТАКИМ ЖЕ хрупким, как и сама глиняная посуда, и несколько десятилетий назад многими было объявлено умершим и музейным. Но нашлись люди, которые в разных уголках страны возрождают старинный промысел. Причем движет ими вовсе не недовольство качеством современной заводской посуды. Корреспондент журнала «Русский мир.ru» сравнил произведения старых и новых гончаров, побеседовал с признанными мастерами и детьми, которые из множества новейших увлечений выбрали старый как мир, измазанный глиной гончарный круг.

НИТОЧКА К ПРЕДКАМ

О том, что гончарство – один из древнейших промыслов в истории человечества, зародившихся еще в эпоху неолита, расскажет экспозиция любого археологического музея. Осколки глиняных кувшинов и плошек – самые частые находки во время раскопок, с каким бы древним культурным слоем ни работали археологи. Глиняной посудой пользовались еще в те древние времена, когда ели мясо животных, добытых копьем собственно-ручно.

На открытии выставки «Взят от земли, яко Адам» гостей угощают не мясом, а выпечкой и чаем, которые выложены на тарелки и налиты в крынки и кувшины работы старых мастеров. В такой посуде чай остается горячим на всем протяжении церемонии, а печенье отказывается черстветь и заветриваться. Впрочем, возможно, это только кажется тем посетителям, кто по-настоящему проникся любовью к ремеслу предков. На выставке можно познакомиться с процессом превращения земляной глины в рабочую, увидеть

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Обязательные инструменты гончара – губка, нитка и стеки

всевозможные гончарные круги и горны, а также десятки изделий старинных и современных мастеров. Разница бросается в глаза: произведения старых мастеров поражают красотой и изяществом, несмотря на простоту, утилитарность и скромность, а среди современных мастеров редко кто может победить соблазн творческого самовыражения. Один из авторов выставки, специалист Соловецкого музея-заповедника Елена Волкова, называет это самовыражение «поиском места традиционной керамики в современном технологичном мире». «Важно, чтобы традиции народного гончарства не только изучались, но и жили в отечественной культуре, – считает она. – И это – одна из целей нашего проекта».

Соловецкая выставка была изначально задумана не только как передвижной историко-этнографический музей, но и как мастерская. Во всех городах, где «Взят от земли, яко Адам» бросает якорь, для посетителей проводят мастер-классы лучшие местные гончары, которые творят с оглядкой на традицию. Авторы этого живого гончарного проекта, открывая выставки, особо отмечают, что гончарная история и технология – это лишь ниточка, держась за которую «мы пытаемся войти в мир наших предков, приобщиться к мудрости его устроения, задуматься об отношении к труду и быту, о непреходящих ценностях нашей жизни».

В народных притчах человек нередко уподоблялся горшку. Одним из слоганов выставки ее авторы выбрали изречение ста-

Современные гончары создают новое на основе традиции

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ринного соловецкого мастера, записанное на одном из глиняных сосудов: «Будь послушен Богу как глина горшечнику».

Еще всего лишь каких-то 100–150 лет назад на одном только Русском Севере насчитывались десятки гончарных центров. Как правило, они располагались возле богатых глиняных месторождений: особенности этого природного материала наряду с уникальностью мастеров конкретной местности придавали индивидуальность промыслу. Горшки, крынки, латки (латка – род продолговатой миски, употребляемой для жаренья, тушения. – Прим. ред.), кубышки, корчаги и многие другие гончарные изделия из северных деревень развозили по северо-западным и центральным регионам России. А с открытием Мариинской водной системы купцы с хрупким товаром добирались аж до Санкт-Петербурга и Поволжья. Названия северных поселков – Емецк, Ерга, Тимошелье, Сомово и другие – дали имена промыслам и среди торговцев и покупателей XVIII–XIX веков были известны не меньше Палеха и Хохломы. В сборниках архангельского фольклора, к примеру, можно встретить прибаутку о том, как гончар из Тимошелья, оказавшись в большом городе, расхвастался перед возлюбленной: мол, наше село богатое, в нем 33 завода работают. Девушка слышала о тимошельской посуде, поверила парню и согласилась стать его женой. И, лишь приехав в Тимошелье, увидела эти гончарные « заводы » – каждый размером не больше бани.

Древняя подготовка глины к работе роднила северных гончаров с южными виноделами. Привезя глину домой и избавив ее от камней, валяли в песке и мали ногами. Глину брали из одного места, но у каждого мастера была своя яма. К слову, эта традиция жива до сих пор – современные мастера нередко ездят за глиной за сотни километров и свою яму стараются укрыть от чужих глаз.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Выставка
Соловецкого
музея
рассказывает
о гончарных
промышленах
Русского Севера

Сегодня
глиняную посуду
чаще увидишь
на выставке,
чем на кухне

ИЗ ЗЕМЛИ ВОЗНИК, В ЗЕМЛЮ УШЕЛ

Как и многие другие традиционные промыслы, гончарство стало жертвой прогресса. Но уж слишком быстро исчезли гончары с лица нашей земли. За два три поколения ремесло захирело так, что внуки, а подчас и дети знаменитых мастеров не знали, с какой стороны подойти к гончарному кругу. Впрочем, первая серьезная атака на гончаров началась в ту пору, когда ширпотреб еще не был готов полностью захватить рынок посуды – после революции 1917 года. Советская власть смотре-

ла на гончаров, крепкий, зажиточный и весьма своеобразный класс, как на частных собственников, как на «чуждый и враждебный элемент». Многие были раскулачены.

Впрочем, пережившие гонения гончары в конце 20-х и в 30-е годы XX века были организованы в артели и колхозные ячейки. И работали относительно спокойно, пока не пришла другая губительная для промысла напасть – индустриализация. Молодежь из гончарных семей и «глиняных» поселков отправлялась в города, устраивалась на заводы, махнув рукой на ремесло своих династий. Профессия резко утратила престиж. И молодежи, которая должна была прийти на смену родителям, было легче справиться с безденежьем на заводе в городе, чем с насмешками в своем же селе.

«Мы беседовали с детьми гончаров, и они вспоминали, как родители буквально заставляли их садиться за гончарный круг, а они не подчинялись или занимались этим с неохотой, – рассказывает исследователь гончарных традиций Русского Севера Наталья Лопатенко. – Почему? Говорили, что профессия вышла из моды, пугала грязью, а заводской рабочий считался героем эпохи, да и городская жизнь манила».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Гончар Сергей Феньвеши вспоминал, как еще в годы перестройки встречал детей и внуков гончаров, изменивших профессии предков. «Один говорит – неохота, дескать, было в грязи пачкаться, – рассказывает гончар. – Я спрашиваю: «И кем же ты стал?» «Трактористом», – отвечает. То есть в мазуте пачкаться ему не претило».

Должно быть, неслучайно, спустя десятилетия возрождение гончарного ремесла началось именно в городах. Муж Натальи Лопатенко, череповецкий мастер и исследователь Сергей Лопатенко, в 70-е годы прошлого века разыскал в легендарном селе Ерге Вологодской области последних потомственных гончаров и сумел записать их рас-

Керамика возвращается в дома творчества и даже школы

Детский конкурс гончарного мастерства прошел в Череповце впервые за много лет

сказы на телекамеру. Сегодня его съемки служат учебными пособиями для многих гончарных студий и кружков.

До наших дней дошли сведения о тех гончарных центрах, которым повезло с музейщиками, коллекционерами, краеведами и пытливыми журналистами. Без них мы, возможно, не узнали бы о том, что тарелки соловецкого промысла часто украшали изображениями знаменитого монастыря, а посуду сомовского промысла (мастера жили на границе современных Вологодской и Архангельской областей. – Прим. авт.) легко отличают по белым, коричневым и зеленым пятнышкам, а также по орнаменту в виде волны. Емецкая посуда известна яркостью и узнаваемым рисунком, а мезенская – поражает глаз не цветом (в большинстве своем она черная), а изяществом форм.

Сегодня о северном гончарстве написаны энциклопедии, монографии и статьи, сняты фильмы и созданы выставки, открыты мастерские и отделения в художественных школах.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ГОНЧАР С МОТОРОМ

Ерге, расположенной в 40 километрах от Череповца, повезло. Некогда в селе и прилегающих деревнях, стоящих на древней белозерской дороге, в каждом втором дворе работал свой гончарный круг. В год здесь производилось до 5 тысяч единиц посуды. Ерговский промысел гремел на всю округу, а местных жителей, вне зависимости от профессии, вплоть до середины прошлого века по привычке называли горшечниками или свистулечниками. Но гончарная слава Ерги постепенно выдохлась. Ныне село Воскресенское (так сегодня называется Ерга. – Прим. авт.) живет городскими дачниками, и, кроме как на концертах местного фольклорного кружка, о гончарном могуществе предков здесь больше нигде не услышишь.

Выставочный стенд ерговского промысла несет фамилии четырех энтузиастов, которые сохраняют его традиции. Помимо упомянутых супругов Лопатенко это череповецкие мастера Александр Зварич и Сергей Феньвеши. От них мы узнали о том, что современный гончар, как и его далекий предок, добывает глину лопатой (продается готовая, но мастера называют ее ученической), готовит глиняную массу (топчет ее и сушит), лепит изделие на круге, обжигает его в печи и сушит. А отправляя горшок покупателю или на выставку, нередко, по ста-ринным гончарным правилам, обворачивает его для безопасности соломой. По большому счету, изменился лишь гончарный круг. Электродвигатель освободил гончару ноги (в древности существовали и ручные гончарные круги), но не затронул сути ремесла.

Александр Зварич – один из самых известных гончаров России, но и он до сих пор не нашел ответа на вопрос: где же место его горшкам и корчагам – в печи или в выставочном стеллаже? По словам мастера, к гончарству его потянула непонятная сила, а когда впер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Александр
Зварич
не боится
отключения
электричества –
может работать
и на старинном
ручном круге

вые размял в руке глиняный комочек, то решил навсегда изменить свою жизнь. Александр Зварич убежден в том, что в гончарстве, если оно настояще, любая самобытность и индивидуальность зиждется на традиции. Постигнуть простоту деревенского горшка – цель многих мастеров, но не всем этоается. «Это открытый мир, но он впускает в себя тех, кто отдаст всего себя и подключит душу к поиску», – говорит гончар.

Преемственность для Зварича не пустой звук, сын Кирилл пошел по стопам отца, продолжив гончарную династию. В мастерской их круги стоят рядом. «Папа меня не заставлял, но смог заинтересовать ремеслом еще в раннем детстве, – рассказывает младший Зварич. – Я сел за круг, и мне понравилось».

Другой знаменитый вологодский гончар, Сергей Феньвеши, ради точного следования традиции кардинально поменял жизнь и вернулся к корням – переехал в деревню и живет от гончарных заработков. Чернолощение глиняной посуды (традиционный кирилловский промысел) требует едва ли не

ежедневного соприкосновения с дымом. Да не с ласковым дымком, как от пригоревшей яичницы, а с натуральной черной копотью. Когда обжигать горшки и пахнуть как после пожара стало совсем невозможно, Феньвеши купил дом неподалеку от Кириллова. Зимой, когда его деревушку заносит снегом по наличники, изба гончара остается одной жилой в округе, а волчьи следы можно обнаружить в паре шагов от забора, Сергею Феньвеши творится лучше всего. «Деревня хороша тем, что шевелиться заставляет, – рассказывает гончар. – Дров наруби, печь затопи, воды принеси – без этого замерзнешь и оголодашь. Каким-то непонятным образом весь этот быт сказывается и на моих изделиях. Традиционны ли мои изделия? Думаю, да, хотя они и не похожи на другие. Я соединил лучшие черты разных северных промыслов и нашел свое. Продаю посуду туристам в Кириллове, тем и живу. Причем наши русские готовы больше брать и щедрее платить, чем иностранцы. Наверное, чувствуют что-то родное в этих горшочках».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ВСЕ В ТВОИХ РУКАХ

Сегодняшняя детвора, которая садится за гончарный круг, о гибели промысла не слышала и мыслями о возрождении гончарной традиции не озабочена. Это занятие им в удовольствие, а остальное не имеет значения. И на большинство вопросов журналиста юные гончары, недовольные тем, что их отвлекли и заставили остановить круг, отвечают с нескрываемым удивлением. «Почему увлекло гончарство в компьютерную эпоху? – Так ведь интересно». «Не пугает ли летящая во все стороны грязь? – Нужно быть аккуратнее, а руки можно вымыть». «Не смеются ли друзья над странным увлечением? – А чего смеяться? Завидуют».

Беседы с будущим русского гончарства корреспондент журнала

«Русский мир.ru» вел на межрегиональном детском конкурсе «Гончары Северо-Запада России», который впервые прошел в Череповце на базе местной художественной школы №1. Подобных конкурсов для юных гончаров, скульпторов и керамистов на Русском Севере не проводилось много лет. Благодаря директору школы Татьяне Смирновой всего за пять лет детское гончарство в городе и регионе сделало огромный шаг вперед. Из факультативной дисциплины «скульптура», которую посещали художники для общего развития, выросло большое отделение керамики – приобрели несколько гончарных кругов, пригласили маститых гончаров в преподаватели. Через гончарную мастерскую проходят все ученики школы, а око-

Скульптор
Александр
Шебунин
возглавил
жюри детского
конкурса

ло двадцати человек занимаются здесь постоянно.

«Что побудило нас развивать гончарное направление? Восторг перед глиной, – говорит Татьяна Смирнова. – Это удивительный материал, который греет руки и душу, как бы высокопарно это ни звучало. В керамике сильна традиция, но она очень интересна и как современное новаторское искусство. Возможности глины безграничны». По ее словам, интерес к гончарству большой, в школу приходят взрослые и дети, которые узнали о существовании учебной мастерской и просят пустить за круг попробовать, потому что давно тянет. Что это – проснувшиеся гены? Возможно. В 2014 году школа «набила руку», организовав конкурс «Гончары Вологодчины», а спустя два года он стал региональным, собрав почти сто участников от 10 до 18 лет из десяти регионов Северо-Запада и Центра России – от Архангельска до Ярославля. Конкурс решено проводить ежегодно. В рамках гончарного форума для преподавателей были организованы мастер-классы вологодских гончаров, которые вошли в жюри конкурса. По словам организаторов, количество израсходованной участниками глины измеряется сотнями килограммов. 13-летний гончар Егор Попов выглядит старше, возраст добавляют длинный фартук и не по годам серьезный вид во время работы. «Занимаюсь много чем, но гончарный круг привлекает меня больше всего, в буквальном смысле, – говорит он. – Я на школьном круге работаю, хотелось бы свой – но не купить, а сделать. Мне кажется, у настоящего гончара должен быть по-настоящему свой круг, то есть созданный под тебя. Кто-то говорит, что делать однообразные горшки скучно. Но я здесь однообразия не вижу. Можешь сделать простой стакан, а можешь кувшин невообразимой формы – настоящее произведение искусства. Все в твоих руках. В буквальном смысле».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В век цифровых
технологий
ручное
творчество
не теряет
актуальности

ХАТА НА ОБРЫВЕ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ТАМАНЬ – СТАНИЦА ГОСТЕПРИИМНАЯ. В АЭРОПОРТУ АНАПЫ Я ВЕЛ ГОРЯЧИЕ ПРЕНИЯ С ТАКСИСТАМИ О ПОЕЗДКЕ В ТАМАНЬ, КОГДА В НАШ СПОР ВМЕШАЛСЯ МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ ИЗ ЭТОЙ САМОЙ СТАНИЦЫ. И ПРЕДЛОЖИЛ ПОЕХАТЬ ВМЕСТЕ С НИМ.

П

О ДОРОГЕ ПАРЕНЬ рассказал, что в Тамани уже три месяца живет некий диджей из Казани. Дискотечный заводила планировал тур в Крым, но перед самой переправой на полуостров у него украли все деньги и документы. Пока суд да дело с восстановлением паспорта, диджей приютили в станице. Диджей так проникся местным гостеприимством, что провел в таманских клубах свои лучшие выступления, и уезжать ему нисколько не хочется. А вот Михаила Юрьевича Лермонтова в 1837 году Тамань встретила иначе...

ПОД КАМЫШОВОЙ КРЫШЕЙ

Прибыл я в старую казачью станицу 25 сентября, Лермонтов – 26 сентября. Можно сказать, увидел Тамань в то же время года, что и великий русский поэт. Еще тепло, но уже сильны дожди. Улицы здесь в основном земляные, в больших лужах купаются гуси и утки. Попадаются и старые низенькие хаты с черепичными крышами. Хотя центр Тамани больше похож на курортный городок: кафе, рестораны, «новоделы» в стиле ампир, песчаный пляж... Покровский храм – единственное сооружение станицы, которое по-прежнему стоит на сво-

ем месте со времен Лермонтова. Церковь эта весьма оригинальной архитектуры. Прямоугольная в плане и окруженная колоннадой, она больше напоминает античный храм. Этот своеобразный вид церковь приобрела после реставрации в 1911 году: реставраторы хотели придать храму исторический вид. Дело в том, что изначально построенный в 1793 году храм был очень мал, и для большей вместительности его окружили навесом на деревянных столбах. В 1911 году решили сделать понадежнее – поставили каменные колонны. Дом-музей Лермонтова хоть и построен в 1976 году, но там несравненно ярче ощущаешь XIX век, чем в храме. Музей представляет собой целое подворье кубанского казака, воссозданное во всех деталях. Правда, дом, где останавливался поэт, располагался на 100–200 метров западнее – там в 1976 году стоял морвокзал. Создатели музея решили вокзал не трогать и построили подворье рядом – также на краю крутого берега моря. В дом-музей ведет скрипучая калитка под колоритной аркой дикой кладки. Все как в повести «Тамань»: «Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее

Тамань имела статус города до 1849 года. Так сегодня выглядит станица со стороны Лысой горы

и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее...

Меж двух хат едва заметен низкий колодец, выложенный из булыжника; на дворе стоит бричка, летняя печка и чесало для камыша; у обрыва – старая лодка. Ветер полощет рыбакские сети. На другие сети, весла, кожаные поршни и прочий рабочий реквизит казака можно посмотреть в чулане большей хаты. В застененных соломой сенях висит

медный чайник, который в «Тамани» опрокинула «ундина», вызвав гнев лежащего на подстилке казака: «Экой бес-девка!» Странно смотрится только икона с рушником, которая висит в комнате на стене, а не в святом углу. «Так экспозиционнее», – объяснили сотрудники музея. За подворьем вдоль обрыва расположился литературный музей, рассказывающий о жизненном пути Лермонтова и особо – о его пребывании на Кубани...

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, основанный запорожскими казаками в 1793 году

Вид Тамани конца XIX века. На заднем плане – Покровская церковь

ВДОЛЬ «КОРДОННОЙ ЛИНИИ»

В Тамани поэт оказался во время своей первой ссылки на Кавказ, куда он был отправлен за стихотворение «Смерть поэта». Девять месяцев бессмысленных скитаний, непрерывной езды из стороны в сторону, три месяца лечения, считанные недели пребывания в войсках и, судя по всему, ни одного сражения – вот чем в реальности обернулась «военная командировка» для 22-летнего поэта. Выехав из Москвы 10 апреля 1837 года, Лермонтов проделал долгий путь до Ставрополя. Дорогой он заболел, и его определили в военный госпиталь. А затем для продолжения лечения отправили в Пятигорск. «Меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить», – писал поэт своему другу, литератору Святославу Раевскому. Есть большие сомнения в искренности написанного, но, как бы то ни было, к концу июля Лермонтов выздоровел. Однако вместо Тифлиса, где ему надлежало служить в Нижегородском кавалерийском полку, его перевели в Тамань, где он и провел остаток ссылки.

родском полку, его вдруг отправляют в Геленджик, в экспедиционный отряд...

Дорога шла вдоль «кордонной линии», тянущейся от Каспийского моря до Черного и ограждающей неспокойную Кавказскую область. Лермонтов ехал через Ставрополь, Кавказскую, Усть-Лабинское, Екатеринодар, Ольгинский редут, Темрюк. Ему пришлось заложить приличный крюк вокруг Таманского полуострова – прямых дорог через Крымск или Анапу тогда не существовало. Таким образом, 26 сентября 1837 года поэт въехал в Тамань.

«Самый скверный городишко из всех приморских городов России – так отзывался Лермонтов в повести «Тамань». – Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще в добавок меня хотели утопить». История, происшедшая с Печориным в Тамани в «Герое нашего времени», исключительно автобиографическая – сегодня у лермонтоведов в этом нет сомнений. Лермонтов приехал в город в девять часов вечера – в поздний час, как и Печорин. Поэт задержался в Тамани в ожидании почтового судна в Геленджик – так же, как и его герой. Оба ездили в Фанагорийскую крепость к коменданту...

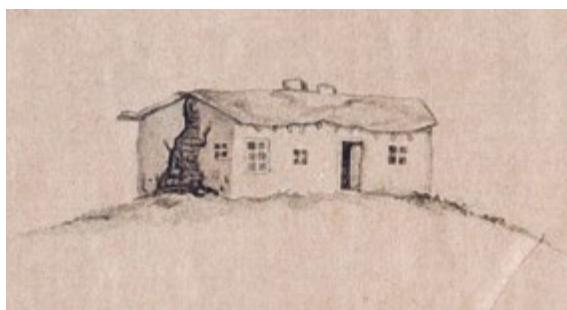
МЫСНИК И ЦАРИЦЫХА

Первый исследователь пребывания Лермонтова в Тамани, Павел Александрович Висковатый, писал в 1879 году, что здесь «поэт испытал странного рода столкновения с казачкой Царицыхой», в которой угадывается лихая «ундина» из повести «Тамань». В то время еще стояла хата, где останавливался поэт. На рисунке, сделанном местным историком Евгением Дмитриевичем Фелицыным, «хата Царицыхи» предстает почти такой же, как в описаниях Печорина. Правда, спустя сорок лет мазанка заметно обветшала и едва не разваливалась – удивительно, что она вообще уцелела после Крымской войны 1853–1856 годов.

В самом конце XIX века таманский краевед В.В. Соколов выяснил, что в 1837 году хата принадлежала казаку Федору Мыснику по прозвищу Царин-

Реконструкция подворья казака Федора Мыснико, где останавливался поэт

Рисунок «хаты Царицыхи», сделанный спустя 42 года после пребывания Лермонтова в Тамани

нык. Словом «царина» называли пастбища, а «цариннык» – скотовод, табунщик. Соответственно, Царицыха (правильнее – Цариннык) – прозвище женщины, быть может, жены, дочери, сестры Царинныка. Внук Федора Мыснико Герасим рассказывал краеведу следующее: «Кроме пастьбы в царине, дед занимался и рыбной ловлей, для чего имел у себя несколько баркасов. Этими баркасами за плату широко пользовались контрабандисты-татары, притон которых был тут же, под кручей, на берегу моря, где ныне дом наследников Барабашевых. Одна из дочерей Федора Мыснико жила тут же во дворе, в более новой хате, с приживалкой, старухой Червоной». Герасим Мысник рассказал также, что его мать в ссорах с отцом поносила родственников отца, особенно сестру, «которая жила незаконно с татарином, воровала и даже чуть не убила заехавшего к ним офицера».

БАРАХОВИЧ И МАРТЫНОВ

Из всех героев повести «Тамань» только один имеет имя – контрабандист Янко. Лермонтовы считают, что это не случайно: писатель хотел придать герою черты исторической личности. Среди наиболее вероятных прообразов контрабандиста называют Якова Бараховича. Выходец из казаков, бежавших в Османскую империю, Барахович промышлял контрабандой в Россию. Он вернулся на родину и в 1830-е годы служил есаулом Азовской казачьей флотилии, призванной бороться с турецкими контрабандистами. Яков Барахович дослужился до чина полковника, но оставил о себе лихую славу. Его подозревали в контрабандных действиях уже во время службы в России. Примечательно, что Янко в повести, хоть и носил татарскую шапку, «острижен был по-казакски».

Есть предположение, что Лермонтова отправили в Геленджик для скорейшего прощения и окончания ссылки: на боевых

рубежах было легче отличиться и проявить храбрость. К тому же в Геленджик в то время направлялся и Николай I, планировавший посетить экспедиционный корпус. Однако вместо поэта в Геленджике геройствовал Яков Барахович. Прибывшее к Геленджику императорское судно попало в шторм, и Николай I сутки не мог переправиться на берег из-за разыгравшейся стихии. Тогда якобы в море на баркасе вышел Барахович, который смог подвести баркас к кораблю и вызволить императора из штормового плена.

Ну а Михаил Юрьевич до Геленджика так и не доехал. Комендант Фанагорийской крепости сообщил Лермонтову, что Николай I отдал приказ распустить экспедиционный отряд на зимние каникулы. Согласно подорожной, Лермонтову следовало направиться в походный штаб в Ольгинском.

В Ольгинском поэт встретился со своим будущим соперником, Николаем Мартыновым, которому должен был передать пакет с письмами и деньгами от родных. «Триста рублей, которые вы мне послали через

Лермонтова, получил, — писал Мартынов отцу, — но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письме, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои». Стало быть, и эпизод с ограблением Печорина Лермонтов не выдумал.

Наконец, добравшись до Ставрополя, Лермонтов направляется в свой полк в Тифлис. Однако, пробыв там около двух недель, он был переведен в Гродненский гусарский полк с предписанием ехать в Москву.

Двор кубанского казака:
печка-кабыца,
чесало для
камыша, навес,
брючка

Представить еще земляной пол —
и вполне можно
почувствовать
убранство хаты
из повести
«Тамань»

У ФАНАГОРИЙСКОЙ КРЕПОСТИ

Во вторую ссылку на Кавказ поэт был отправлен за дуэль с сыном французского посла Эрнестом де Барантом в феврале 1840 года — в Тенгинский пехотный полк. На этот раз Лермонтов участвует в боях в Малой Чечне. За «расторопность, верность взгляда и пылкое мужество» его представляют к награде с переводом в гвардию. А дальше — путь в Анапу, вдоль той же «кордонной линии». И снова Тамань.

Декабрист Николай Лорер так вспоминал приезд Лермонтова: «Я жил тогда в Фанагорийской крепости в Черномории. В одно утро явился ко мне молодой человек в сюртуке нашего Тенгинского полка, рекомендовался поручиком Лермонтовым, переведенным из лейб-гусарского полка. Он привез мне из Петербурга от племянницы моей Александры Осиповны Смирновой письмо и книжку *Imitation de Jesus Christ* (французский перевод трактата «О подражании Христу» средневекового католического монаха Фомы Кемпийского. — **Прим. авт.**). Я тогда еще ничего не знал про Лермонтова, да и он в то время еще не печатал, кажется, ничего замечательного...»

Интересно, что они встретились в домике на обрыве, который в 1837 году Лермонтов наскоро зарисовал карандашом. Долгое время мазанка под камышовой крышей с этого рисунка считалась тем самым домиком контрабандистов. Однако таманские краеведы пришли к выводу, что очертания берега не соответствуют тем, что у подворья Мысника. К тому же за хатой на рисунке виднеется двугорбая Лысая гора — а такая перспектива открывается от Фанагорийской крепости.

О втором посещении поэтом Тамани стало известно не так давно, так же как о многих подробностях приезда Лермонтова в 1837 году. Все эти сведения — результат исследований таманских лермонтоведов, и прежде всего Валентины Григорьевны Малаховой, которая уже сорок лет работает в музее.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ ЛЕРМОНТОВЫМ

– Родилась я в Тарханах, а моя прапрапрабабка, Лукерья Шубенина, была кормилицей Лермонтова, – рассказывает Валентина Григорьевна о том, как Лермонтов появился в ее жизни. – Вероятно, это отчасти и определило мою судьбу. В нашей семье это знание передавали из поколения в поколение, но в советское время об этом почти не говорили. В Тарханах мы с детства были вовлечены в музейную жизнь. Само село Лермонтово – это один большой музей.

– *А почему о семейных корнях не говорили? Предки же ваши были не дворянских кровей?*

– Про дореволюционную жизнь вообще вспоминать было не принято. Да и о Великой Отечественной войне родители рас-

сказывали очень мало. Мне запомнилась только история, как отец перевозил в эвакуацию жен офицеров. А на самом деле и отец, и мать служили в разведке. Об этом я узнала совсем недавно – сын нашел в рассекреченных архивах упоминание о награждении отца медалью «За отвагу». Большинство же материалов по-прежнему засекречено. Родители умерли рано, когда мне было 12 с половиной лет. В июне 1965 года умерла мать, а через восемь месяцев – отец. Я осталась в доме одна. Никто из родственников не взял на себя ответственность, чтобы отправить меня учиться – скажем, в Пензу. Только дядя, который жил на Украине, забрал меня к себе. Три года жила я в Лисичанске, где в те времена активно строились химзаводы. Поэтому моя первая специальность была связана с химической промыш-

Экспозиция музея, рассказывающая о первой ссылке поэта на Кавказ

ленностью. А потом нас, молодых специалистов, под видом практики отправили в город Армянск строить очередной химический завод. Мне все это не нравилось, и я сбежала из Армянска в Тарханы. 15 мая 1970 года пошла на работу в музей экскурсоводом – с того времени я и начала серьезно заниматься Лермонтовым. Там же в Тарханах познакомилась с Владимиром Захаровым, и Лермонтов стал семейным делом.

– *А кто был инициатором создания дома-музея в Тамани?*

– Музей создан по инициативе партийных органов. Так мы должны были отвечать на этот вопрос во времена моей молодости. На самом деле местные жители давно просили власти увековечить память о поэте. Когда мы с мужем приехали работать в Тамань, прошло всего восемь месяцев с открытия музея. Экспозиция представляла собой две лавки, стол, сундук возле печи и стопки фотографий из фильма «Герой нашего времени» – вот, собственно, и все. Впрочем, нашелся в Тамани почитатель Лермонтова – тогдашний директор совхоза Николай Лукич Остапенко. Он и подарил нам два бетонных гаража, в которых мы сделали первую литературную экспозицию, а затем и вторую. Он же потом помогал и с установкой памятника Михаилу Лермонтову скульптора Исаака Бродского. Уверена, монумент в Тамани – один из лучших памятников поэту. А еще мы столкнулись с тем, что подворье было восстановлено с большими неточностями. Нам пришлось перелопатить массу литературы, посмотреть архивные документы, чтобы воссоздать двор черноморского казака именно в том виде, каким он был при посещении Лермонтовым. Ведь на Кубани облик каждой станицы сильно отличался друг от друга. А у нас тут и русская печь посреди двора, и колодец с журавлем – обстановка, характерная для Центральной России. На Кубани же исполь-

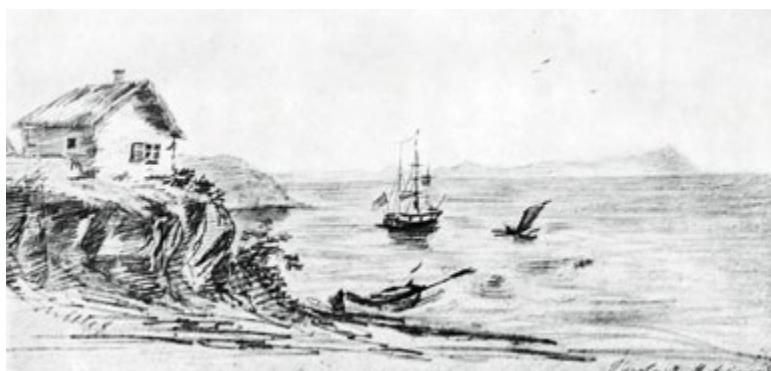

Рисунок хаты на обрыве, сделанный Лермонтовым в 1837 году из Фанагорийской крепости. Спустя три года в этой хате поэт встретился с декабристом Лорером

зовалась кабыца – своеобразная узкая печка. Пришлось нам и ограду из булыжника мастерить, чтобы она соответствовала лермонтовскому описанию.

– Что вы считаете главными достижениями музея?

– Экспозиция «Две поездки Лермонтова на Кубань» – пример качественной научно-исследовательской работы, проведенной в архивах. Когда мы составляли тематико-экспозиционный план, то согласовывали его в НИИ культуры в Москве – то есть с профессионалами-музейщиками. Экспонаты собирали по городам и весям многие годы – в экспедициях, задействуя личные связи. В результате выставочное пространство наполнилось уникальными артефактами, подлинными предметами первой трети XIX века. В фондах музея есть личные вещи народного артиста СССР Николая Мордвинова, чья работа над ролью Арбенина в «Маскараде» стала по-настоящему выдающейся. У нас собраны архивы крупнейших советских лермонтоведов – Виктора Мануйлова и Бориса Неймана. А еще, сразу по приезде в Тамань, мы разработали анкету с целью изучить влияние творчества Лермонтова на советских литераторов. Назвали проект «Лермонтовская книга». Нашу инициативу поддержали многие писатели и поэты: Чингиз Айтматов, Евгений Евтушенко, Юрий Бондарев, Всеволод Овчинников. Они присыпали заполненные анкеты и свои книги с дарственной надписью, делились своими мыслями о роли и значении Лермонтова в их жизни. Сейчас эта коллекция составляет более тысячи единиц хранения и содержит автографы лучших представителей советской литературы.

– Какие мероприятия проводит ваш музей и что особенного происходило в 2014 году, когда отмечалось 200-летие со дня рождения поэта?

Литературную экспозицию окружают декорации армейской походной жизни

Рисунки, письма, фотографии и подлинный безмен XIX века в экспозиции музея

– К юбилею все музеи Лермонтова получили финансирование, но не мы. В Пятигорске, например, музейщики пригласили реставраторов из Москвы и восстановили конюшню. А у нас по-прежнему нет специального здания для литературной экспозиции – так она и пребывает в бывшем гараже. Спасает лишь то, что сама экспозиция сделана очень креативно – в виде офицерской палатки, и за этой «декорацией» посетители просто не видят всех наших сложностей. Откровенно говоря, вниманием нас не балуют. Сотрудники музея помимо экскурсий, конечно, проводят литературные мероприятия, но очень камерные. Раньше у нас проходили большие научные

конференции, в которых участвовали исследователи Лермонтова со всей страны; проводили балы, литературные чтения, к нам приезжали Белла Ахмадулина, Андрей Дементьев, даже Александр Масляков привозил команду КВН. Тогда это был престиж в государственном масштабе, а сейчас все свели до местечкового уровня. Уже лет десять таких встреч не проводится. Нет бюджета, не хватает квалифицированных кадров, чтобы все это организовать на должном уровне, да и гостей размещать негде. Мы вновь стали «самым скверным городишком».

– Как вы оцениваете состояние нынешнего лермонтоведения?

– Я считаю, что хорошо можно заниматься только одним делом. У нас почему такая сумятица в головах – скажем, по поводу дуэли и смерти Лермонтова? Потому что пишут об этом случайные люди: какой-нибудь врач или бывший полковник. С одной стороны, они пробуждают в читателях интерес к судьбе поэта, с другой – популяризируют домыслы, искажают историю. А в научном лермонтоведении почти никого не осталось: Владимир Александрович Захаров да Оль-

га Валентиновна Миллер – по большому счету, больше никого. В Тарханском музее, конечно, очень хорошая плеяда специалистов – Петр Андреевич Фролов, например, но там своя специализация – тарханский материал. Каждый год они выпускают сборник «Тарханский вестник», где публикуется много интересных и новых исследований. Что касается Тамани, то интереснейшим материалом для исследования могла бы послужить черновая рукопись повести «Тамань», которая, по описанию Григоровича, была вся перемарана, полна вставок, наклеенных на отдельных бумажках. Последний раз этот автограф видел Лев Толстой в начале XX века. С тех пор о нем ничего не известно. Недавно мой сын по личной инициативе предпринял попытку посмотреть описи некоторых фондов в Москве, но пока тщетно. А ведь находка рукописи лермонтовской «Тамани» может стать литературной сенсацией.

– Белинский назвал Кавказ «поэтической родиной» Лермонтова. А какова роль Кубани в творчестве поэта?

– Лермонтов хоть и назвал Тамань «скверным городишком», здесь появился сюжет повести

«Тамань», которую тот же Белинский считал жемчужиной русской прозы. В Оксфорде студенты изучают русский язык по тексту повести «Тамань». А живописное наследие Лермонтова? Из своей первой ссылки на Кавказ он писал другу Святославу Раевскому: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию». Часть картин навеяны образами Кубани. К примеру, знаменитая работа «Воспоминание о Кавказе». Владимир Захаров считает, что на ней изображено устье реки Лабы на Кубани. Мы знаем:

Картина
Лермонтова
«Воспоминание
о Кавказе»
написана,
как считает
лермонтовед
Владимир
Захаров,
на Кубани

в Усть-Лабинске Лермонтов был; а вот названия картин даны произвольно, и не самим поэтом.

– Почему же Лермонтов считал Тамань «самым скверным»? Весьма странная оценка, если учсть, что последние недели поэт провел на болотистых разливах Кубани, где, как вспоминали современники, кишили комары и мошки, а земли населяли невежественные казаки, гоняющие табуны лошадей.

– Долгие десятилетия мы пытались найти оправдание словам Лермонтова – и не так давно нашли. В краснодарском архиве содержатся сведения о небытом урагане, обрушившемся на Тамань за год до приезда поэта – в 1836 году. «Черная буря» занесла не только посевы местных казаков, но даже их дома. Боясь повторения бедствия, казаки расселились вглубь полуострова. До того Тамань была заштатным городом с населением в 2 тысячи человек. А во время приезда Лермонтова здесь проживало всего 287 человек. И голод был: по архивным данным, в 1837 году таманцы только на треть смогли обеспечить себя продуктами.

– Ну и вопрос, который невозможно не задать лермонтоведу: *кого вы считаете героем нашего времени?*

– Быть может, это прозвучит пафосно, но герои нашего времени – люди, работающие в музеях. Знаменитый ученый-искусствовед Илья Зильберштейн сказал, что «музейщики – последние святые на Руси». Я, пожалуй, соглашусь с ним. Все эти люди по-настоящему преданы делу. Наши сотрудники – кого ни возьми – пришли из разных сфер: кто из школы, кто из филологии. Их всех объединил музей. Случайные люди если и попадают к нам, то не задерживаются. А те, кто работает в музее, уже никуда отсюда не уходят, включая обслуживающий персонал. За все времена, наверное, у нас только пару раз дворники менялись. Есть какая-то магия в музее – я в это верю.

ТАЙНЫ ДОМА КАРАМЗИНЫХ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВЫСТАВКУ «КАРАМЗИН НА ВСЕ ВРЕМЕНА» В УЛЬЯНОВСКОМ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ-МУЗЕЕ И.А. ГОНЧАРОВА ЗАВЕРШАЕТ ВНУШИТЕЛЬНЫЙ СТОЛ-БЮРО С РАЗЛОЖЕННЫМИ НА НЕМ ЛИСТКАМИ БУМАГИ. НА НИХ – ЦИТАТЫ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АВТОРА «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО». ПОСЕТИТЕЛИ МОГУТ ВЫБРАТЬ И ВЗЯТЬ НА ПАМЯТЬ ЛЮБУЮ ПОНРАВИВШУЮСЯ. НА ТОМ ЖЕ СТОЛЕ – КНИГА ДЛЯ ЗАПИСЕЙ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ, В КОТОРОЙ ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЕ ПОСЛЕДНИЙ, РАЗМАШИСТЫЙ РОСЧЕРК. ПРИСМОТРЕВШИСЬ, ЗАМЕЧАЕШЬ, ЧТО ПОЧЕРК СТРАННЫМ ОБРАЗОМ НАПОМИНАЕТ ПОЧЕРК САМОГО НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА!

Э

ТОТ, ОДИН ИЗ САМЫХ ЦЕННЫХ ЭКСПОНАТОВ ВЫСТАВКИ ПОЯВИЛСЯ ЗДЕСЬ НЕДАВНО. ЗАПИСЬ В КНИГЕ ДЛЯ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ ОСТАВИЛ ФЕДОР БОГОРОДСКИЙ – ПОТОМОК РОДА КАРАМЗИНЫХ.

«МЫ ДО СИХ ПОР НЕ МОЖЕМ ДО КОНЦА РАЗОБРАТЬСЯ, ЧТО ОН НАМ НАПИСАЛ, – ШУТЯТ СОТРУДНИКИ МУЗЕЯ. – ПРИЗНАТЬСЯ, И ПОЧЕРК КАРАМЗИНА ТАКОЙ ЖЕ НЕРАЗБОРЧИВЫЙ. ВПРОЧЕМ, ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ И САМ ПОХОЖ НА ИСТОРИОГРАФА. ВЫЛИТЫЙ ПРОСТО».

Федор Богородский, живущий в столице Урутвая Монтевидео, прямой потомок старшего брата историографа – Василия Михайловича Карамзина. В Ульяновск он прибыл в качестве почетного гостя Карамзинской ассамблеи, посвященной 250-летнему юбилею литератора и историографа. Здесь Федор Богородский стал настоящей звездой. Он успел пообщаться с сотрудниками и завсегдатаями главной областной библиотеки,

Кульминацией Всероссийской Карамзинской ассамблеи стало Большое историческое собрание

Федор
Богородский
на фоне портрета
Н.М. Карамзина
в зале
Симбирского
Дворянского
собрания, ныне
Ульяновский
Дворец книги

во время посещения города в 1833 году. Но в 1967-м дом снесли из-за сооружения ленинской мемориальной зоны.

В конце XVIII века этот построил отец историографа – Михаил Егорович. Достался он по наследству старшему брату Николая Михайловича, Василию, как и имение Карамзинка (оно же Знаменское), расположеннное недалеко от города. От имения, к сожалению, тоже ничего не осталось. Храм из Карамзинки был перенесен в Ульяновск, а останки Василия Михайловича Карамзина и его внебрачной дочери Ольги Ниротморцевой ныне покоятся в Покровском некрополе города.

Туристы нередко принимают за дом Карамзиных либо особняк Гончаровых, либо дом Языковых (кстати, именно братья Языковы стали инициаторами создания библиотеки имени Н.М. Карамзина. – Прим. авт.).

ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ

С 1990 года в историческом здании бывшего Дворянского собрания Симбирска, где сейчас расположена Ульяновская областная научная библиотека, действует мемориальная экспозиция «Карамзинская общественная библиотека». Здесь хранятся книги, которыми пользовался еще Николай Михайлович.

А в Ульяновском литературном музее «Дом Языковых» в дни ассамблей тоже открывалась выставка – обновленная экспозиция «Карамзин и Симбирский край». Федор Богородский осмотрел и ее, задержавшись у стендов с личными вещами из рода Карамзиных. Эти реликвии музею в конце 1980-х годов передала московский искусствовед Софья Васильевна Разумовская – прямой потомок Василия Михайловича, супруга известного советского художника Федора Богородского. Боа из перьев страуса, шкатулки, пудреницы. Это все, что смогли выпросить у нее когда-то жительницы Ульяновска Лариса Ершова и Елена Беспалова. Прибывший из Ургута внук

встретиться со студентами Ульяновского госуниверситета, посетить все выставки, связанные с Карамзиным, принять участие в гашении почтовой марки с изображением историографа и выступить на Большом историческом собрании, которое закрыло Карамзинскую ассамблею, прошедшем в Ленинском мемориальном комплексе.

О том, как похож Богородский на знаменитого предка, шепчутся и приехавшие на ассамблею сотрудницы музея из Калининграда. Преодолев смущение, они подарили гостю из Ургута выпущенные в Калининграде открытки с иллюстрациями к

«Письмам русского путешественника», на одной из которых изображенна встреча Карамзина с философом Кантом в Кёнигсберге. Девушки фотографируются с Богородским, берут у него автограф и, словно извиняясь, говорят: «В Калининграде нет реликвий, связанных с Карамзиным, а интерес к нему есть». Впрочем, в самом Ульяновске (бывшем Симбирске. – Прим. авт.) реликвий, связанных с Карамзиным, тоже мало. Даже дом Карамзиных не сохранился. А стоял он на оживленной площади у начала Большой Саратовской улицы. Считается, что именно его зарисовал Пушкин

Софии Васильевны Федор Богородский взволновал Елену Беспалову сообщением: «Вы не все у бабушки забрали!» Оказывается, в семье до сих пор хранятся керамические куклы, которыми играли несколько поколений маленьких Карамзиных... И порадовал, пообещав передать кукол в дар музею.

Все личные вещи под стеклом витрины хорошо знакомы Федору с детства. Но помимо них бабушка показывала внуку письма Василия Михайловича. Рассказал Федор Богородский и о том, как Софья Васильевна показывала ему орден, украшавший грудь самого историографа. Правда, не из тех, что на портретах. Непарадный...

«В семье Василия Михайловича любили вышивать бисером все, начиная с самого хозяина и заканчивая мамой Софьи Васильевны. В доме сохранились шкатулки, наполненные неиспользованным бисером. А совсем недавно в тюбиках из-под краски мы нашли золотые монеты времен Карамзина. Они передавались по наследству и прятались на черный день», — рассказал Федор, глядываясь в вещи, хорошо знакомые ему с детства.

Сотрудники музея «Дом Языковых» не упустили случая нарядить гостя в дорожный плащ и треуголку, усадить в карету и сделать несколько фотографий. Все присутствующие в один голос стали твердить о сходстве Богородского со знаменитым историографом, чьи портреты висят вокруг. Но Федор считает это игрой воображения: «Вот родной брат моей бабушки, Владимир Разумовский, был очень похож на Николая Михайловича Карамзина. Об этом сходстве много говорилось. Он был репрессирован в советское время, но реабилитирован в конце 1930-х годов. Когда я разбирал архив после смерти бабушки, то нашел его фотографию. Мы все очень поразились его сходству с Николаем Михайловичем. А на кого я похож? На всех знаменитых предков понемногу».

Торжественная церемония вручения премии в области региональной историографии прошла в рамках Всероссийской Карамзинской ассамблеи

ПОТОМКИ РОДА

Долгое время главой рода Карамзиных считалась бабушка Федора, Софья Васильевна, после ее смерти — Дмитрий Федорович Богородский, а с весны прошлого года эти обязанности перешли к их внуку и сыну, Федору Дмитриевичу Богородскому. Для того чтобы представить свой род на Карамзинской ассамблее, он прибыл в Ульяновск из-за океана. Для него это уже третий визит на родину предков. Его предыдущая поездка состоялась в 2012 году. Тогда он посетил все карамзинские места, был в Покровском некрополе, где захоронены Василий Михайлович

и Ольга Ниротморцева, отстоял службу в храме Благовещения Пресвятой Богородицы — том самом, который был перенесен в Ульяновск из Карамзинки.

Когда город готовился к юбилею знаменитого историографа, Федора в Ургуте разыскала учений секретарь Ульяновской областной научной библиотеки, председатель правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия Ольга Даранова. А губернатор пригласил его на международный культурный форум в сентябре 2016-го и сказал, что ульяновцы рады будут его видеть и на мероприятиях, посвященных

Автограф потомка рода Карамзиных на первых страницах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина будет бережно храниться в библиотеке Ульяновского госуниверситета

Теперь имя Карамзина разлетится по всему миру! Федор Богородский принял участие в гашении марки на конверте «Н.М. Карамзин», выпущенной тиражом 500 тысяч экземпляров

юбилею Карамзина. «Мы ему подарили книгу «Каталог библиотеки Карамзиных». В этот раз дарим книгу переписки Николая и Василия Карамзиных и каталоготовыставки Ольги Рачковской «В поисках Карамзина», посвященной швейцарскому маршруту автора книги «Письма русского путешественника», – рассказывает Ольга Даранова.

«У нас в доме в Монтевидео работает домохозяйка Сильвия. Каждый раз, когда я привожу из России двадцать килограммов книг, она громко ругается и называет их «сборщиками пыли», – смеется Федор, – но от подарков я не отказываюсь. Бумажные книги в Уругвае дорогие».

Прабабка Федора Богородского, Юлия Антониновна Залесова, была прямым потомком по женской линии Василия Михайловича Карамзина, старшего брата историографа. Мужем Юлии Антониновны стал известный русский хирург Василий Иванович Разумовский. Он был организатором и первым ректором Саратовского император-

ского университета, ректором Тбилисского госуниверситета и первым ректором Бакинского госуниверситета.

Федору было 6 лет, когда Софья Васильевна Разумовская объявила ему, что он – потомок Василия Михайловича Карамзина. Бабушку часто навещали сотрудники музеев и архивисты, но они, правда, больше интересовались ее мужем – художником Богородским, и отцом – хирургом Разумовским. Федор помнит, что из богатого архива бабушки, который занимал отдельную комнату, ему больше всего не нравилась черно-белая фотография памятника на могиле Василия Михайловича Карамзина в имении Знаменское.

Он с детства запомнил слова, выбитые на памятнике Ольгой Ниротморцевой: «В ужасный для меня день 24 апреля 1827 года в 2 часа по полуночи пресеклась драгоценнейшая жизнь мудрого старца Василия Михайловича Карамзина...» Семейные реликвии заполняли множество картон-

ных ящиков и полок. Играясь с ними внуку она не позволяла, но кое-что показывала. Были среди них и ветхие рукописные листы, описывающие встречи предков с российскими императорами.

Софья Васильевна, говорившая на двенадцати языках, учila внука правильно одеваться, правильно себя вести, управляться с любым количеством приборов за столом. Сейчас, когда Федор учит тому же своего сына, то обязательно говорит ему, что сам научился всему от своей бабушки...

В доме хранился восьмитомник «Истории государства Российского», изданный еще до революции. А потом появился reprintный, 1989 года издания, большого формата. Софье Васильевне его подарила музейный работник из Ульяновска Лариса Юрьевна Ершова. Они состояли в переписке, после того как познакомились в 1960-е годы: Софья Васильевна тогда приезжала в Поволжье с выставкой картин своего мужа.

Софья Васильевна не так уж много рассказывала внуку о Карамзинах. Гораздо чаще Софья Васильевна вспоминала о встречах с художниками или с Максимом Горьким. Особой гордости за принадлежность к роду Карамзинах в семье не замечалось. Но Федор помнит: когда он не в меру шалил в детстве, то Софья Васильевна грозила ему пальчиком и говорила: «Ты потомок рода Карамзинах. Не забывай об этом!» В шестом классе Федор написал школьное сочинение о семье, в котором рассказал о своем предке – Николае Михайловиче Карамзине. Его родителей вызвали в школу и пожурили, сказав: вот, мол, у мальчика замечательный дед, Федор Богородский, автор картины «Братишка», в которой воплощен образ революционного матрёса. Пусть о нем пишет. А о Карамзине – не надо.

После смерти Софьи Васильевны главой рода стал ее сын – Дмитрий Федорович Богородский, художник-постановщик, сценограф, театральный художник, академик Академии киноискусства Российской Федерации. Интерес к жизни Николая Михайловича Карамзина он стал проявлять в последние годы жизни. Даже побывал в Ульяновске, посетил место захоронения Екатерины Петровны Карамзиной (в девичестве Пазухиной, матери Василия и Николая Карамзинах. – Прим. авт.) в селе Засарье. Со своим племянником Андреем Разумовским обсуждал возможность снять фильм о российском историографе. «Жизнь Карамзина сейчас актуальна и интересна, – объясняет Федор. – Он, к примеру, присутствовал на заседаниях французского Конвента. Его вера в самодержавие как лучший способ управления Россией – результат того, что он насмотрелся революционных ужасов в Париже. Идея снять фильм появилась в семье за год до объявления Года Карамзина. Ведь ни одного художественного фильма о Николае Михайловиче нет».

Любовь к музыке в роду Карамзинах не угасла. В своем доме в Монтевидео Федор часто собирает на вечера русскую диаспору, где исполняются старины романсы. В Ульяновске он тоже присел за инструмент

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Федор Богородский помнит, как Софья Васильевна говорила, что все прямые потомки Николая Михайловича погибли в бурных событиях XX века. А вот потомок Василия Михайловича Карамзина является не только Федор, но и живущая в США Сюзанн Луэль, происходящая от внебрачной дочери В.М. Карамзина Ольги Ниротморцевой. После Николая Михайловича никто из представителей рода Карамзинах не связывал свою судьбу с историческими изысканиями. Правда, Федор говорит, что, возможно, когда-нибудь напишет историю 500-летнего рода Карамзинах. А пока он рассказывает о предках своему 9-летнему сыну Александру. Как-то сыну в школе задали домашнее задание – рассказать о своей семье. Федор стал объяснять Александру, кем были его предки, а тот никак понять не может: как же такое может быть? Уругвай как государство существует двести лет, одноклассники историю своей семьи знают максимум за последние полвека. А тут пятьсот лет! Сочинение Александр отнес в школу. После этого молчал он недели две, а потом стал задавать вопросы. И задает их до сих пор.

Сына Федор учит говорить на русском языке. По вечерам читает ему вслух по две-три строфы из «Евгения Онегина». А когда ребенок долго не засыпает, то наигрывает ему на рояле русские романсы на стихи Жуковского. Вообще, у Федора правило – дома говорить только по-русски.

На его двухэтажном доме в центре Монтевидео совсем недавно появилась табличка «Дом Карамзинах». Уже лет десять здесь, на первом этаже, проходят творческие вечера с участием потомков представителей первой русской эмиграции. Некоторым из них под 90 лет! В вечерах принимают участие гости из России, музыканты, художники. Литературный салон Карамзина в начале XIX века был одним из немногих в России, где говорили только на русском. Следует этой традиции и Федор: в его уругвайском доме все беседы ведутся только на родном языке. «В рамках проекта «Русская культура», который я организую в Южной Америке, в музеях Монтевидео прошли выставки работ Василия Бубнова, Валерии Шапошниковой, Екатерины Бубновой и Алисы Бубновой-Цициановой. А концерт фортепианной музыки русских композиторов в

Федор с полным правом может теперь рассказывать своим друзьям в Уругвае, что даже в самые морозные дни памятнику прославленному русскому литератору, историографу, реформатору русского языка Н.М. Карамзину одно из самых посещаемых мест Ульяновска

исполнении пианистки Мариной Николаевой привлек самое большое внимание. Впервые в Латинской Америке прошла демонстрация российского фильма «Три женщины Достоевского». В его создании принимал участие мой двоюродный брат Андрей Разумовский», – рассказывает Богородский.

К сожалению, произведения Карамзина на испанский не переведены и в Уругвае его не знают. Лишь некоторым известна «Бедная Лиза», переведенная, кстати, не с русского, а с английского языка. Федор мечтает о том, чтобы произведения Николая Михайловича были больше известны испаноязычным читателям. И считает, что это вполне выполнимая задача: ведь интерес к России и ее истории в странах Южной Америки большой.

«Огромный архив Софьи Васильевны, который находится в ее московской квартире,

до сих пор до конца не разобран, – делится семейнойтайной Федор. – А бабушка берегла все до последней пуговицы! И мы сами не знаем, что у нее там припрятано. У меня для тщательной работы с архивом нет ни времени, ни возможности, так как живу в другой стране. Жду, когда вырастет сын, будет помощником».

А еще Федор Богородский собирается привезти в Ульяновск сына, чтобы показать ему карамзинские места. И он уже знает, куда они пойдут в первую очередь: в храм Благовещения Пресвятой Богородицы, что в Засвияжском районе Ульяновска. Когда-то эта деревянная церковь стояла над склепом Василия Михайловича Карамзина в его имении Карамзинка. Ее перенесли в Ульяновск в 1990-е годы. Вместо одного купола у храма теперь пять позолоченных. И внутри он выглядит, конечно, намно-

го богаче, чем раньше. По сути, от того, старого храма остался только остов, бревна, которые и не разглядишь под новой обшивкой. Но для Федора это не важно...

Прихожане этого храма – простые люди. Многие из них о Карамзине, скорее всего, даже и не слышали. Но для Федора и это не важно.

Покупая свечи в церковной лавке, Богородский поинтересовался, есть ли здесь открытки или книги об истории храма. Таких нет. «А зачем вам?» – спросила в ответ церковница. То, что Богородский – потомок Карамзиных, женщине за прилавком все равно. Федора это ничуть не обижает. Он приехал сюда не для саморекламы.

Присутствие на утренней службе в храме, в котором десятилетиями молились его предки, – вот что стало для него самым важным во время нынешнего пребывания в Ульяновске. ●

Коллаж Олега Бородина

ПЫЛЕСОС «РАКЕТА»

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ПРИБЕГАЕШЬ ИЗ ШКОЛЫ И С ПОРОГА КРИЧИШЬ ВЕСЕЛО: «БАБУШКА, СУПУ!» КРИЧИШЬ НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ГОЛОДНЫЙ, НО И ЧТОБЫ ЛИШНИЙ РАЗ УСЛЫШАТЬ ОБЫЧНЫЙ ОТВЕТ: «ХУПУ, ХУПУ... УЖЕ ГОРЯЧИЙ. МОЙ РУКИ-ТО».

БАБУШКА НАСТЯ ГОВОРЯТ интересно. Многие буквы не произносит. Или меняет на другие. Не суп, например, а хуп. Не футбол, а хвутбол. Не вкус-

но, а укусно. Моего приятеля Пронкина называет Бронькиным или Бронькой. Смешно. Да и Пронька не обижается. Вечерами и ранним утром я вижу ее зубы в стакане с водой.

Что-то розовое и белое. Бр-р-р... А стакан обычный, граненый. Днем он стоит пустой – на тумбочке у ее кровати.

А под кроватью – трехлитровые банки с грибом, прозрачным таким, сладковатым, противным. Она его пьет из большой желтой чашки, угощает и нас, но мне лично не очень нравится. Бр-р-р.

– Пользительно! – уверяет бабушка. – Попей грибку.

Это словцо прочно вошло в семейный обиход. Причем в ироническом смысле.

Когда давали на ночь ложку обязательного рыбьего жира, я спрашивал: «А разве это полезительно? Ведь я уже сплю».

Бабушка Настя – мама моего папы. И это тоже интересно. Папа такой большой, взрослый,

ловкий – он управляет огромным портовым краном, грузит, к примеру, песок или уголь с баржи на самосвал или в коричневый железнодорожный вагон и уходит иногда зимой в ночную смену – в телогрейке, теплой шапке, варежках-рукавицах, сапогах – а тут, с нами в комнате, живет его мама.

Она зовет его Сашей.

Бабушка мало говорит. Любит сидеть у окна целыми часами. Не обращая на нас с сестренкой никакого внимания. Но все равно – мы ее любим.

Она редко сердится. И не пристает с разными глупостями. Живет себе с нами, но как-то сама по себе. И мы это чувствуем очень остро. У нее всегда задумчивое, спокойное, почти неподвижное выражение лица.

У нее есть два платья. Одно – на каждый день, а другое – на праздники или когда гости придут. Или это совсем даже не платье, а халат?

Иногда она уходит от нас к подружке Васёне. То на день, то на два, а то и на неделю. Неведомая нам Васёна, из соседней деревни, что под Вязьмой, теперь тоже москвичка. Дорогу перейти – и вот они уже вспоминают былое. Так мне казалось тогда.

Бабушка Настя отличается короткими и резкими приговорами. Если слушает наш многоголосый спор – а поспорить-пошуметь мы все любим, – то неожиданно и четко бросает кому-то, чаще всего папе: «Правильно – твое».

Это высшее одобрение, это резюме, если хотите. Это выбор позиции. И как складно звучит! «Правильно – твое». Лучше не скажешь. Мы по сию пору этим выражением пользуемся.

Сестренку мою часто зовет Масленкой.

– Почему Лида – Масленка?
– Известно почему. Маслице любит, сметанку, творог. Вообще покушать... Как же не Масленка?

Наблюдая, как я, первоклашка, налагаю за праздничным столом на перец, чеснок, соль, лук,

горчицу, изрекает вдруг к полному неудовольствию мамы: «Любит горькое и соленое – пьяница будет».

Если я балуюсь, бабушка коротко реагирует: «Неслух».

И все это говорится без восклицания, без желания привлечь, оказаться в центре внимания, без всякой злобы, а вроде как про себя – такие общие житейские размышления по поводу и без.

Даже на такую заурядную вещь, как расстройство желудка, у бабушки Нasti нашлись удивительные слова.

– Как с гвоздя! – будто и одобрительно говорила нам бабушка, поглядывая на горшок. И мы хохочем.

Ну, как сказать лучше? И как рассмешить при таких грустноватых обстоятельствах?

А теперь уже я иной раз комментирую внуку: «Как с гвоздя!» И он, поправляя штанишки, звонко смеется.

Расспрашивать ее о прошлом, пустое дело... Бабушке Насте не нравится вспоминать, точнее, говорить вслух о прошлом. По крайней мере, с нами.

– Бабушка, а твоя мама умерла?
– Умерла, а как же... Пришла с поля, присела у дома на завалинке. Что-то я устала, говорит. Ну и померла тут.

– Бабушка, а ты вот в Петрограде работала, в прислугах. Как это было-то?

– Давно было. Не в прислугах, а в услужении. Поженились в 1915 году. Муж-то, Николай Васильевич, на Первую мировую вскоре ушел... Ну и скучно без него в деревне. Я и не вспомню ничего. Город большой очень, Питер-то, ветреный. Не понравилось.

– А революция?
– Какая революция? Поезда плохо ходили. Костры на улицах жгли. Больше не помню.
– Бабушка, а вот когда немцы в сорок первом в вашу деревню пришли, они что там делали?
– А ничего не делали. Приехали на своих лисапедах, натарахтели. Молодежь всю в полон,

в свою Германию, забрали. Ваську моего тоже взяли, а он по дороге убег, полицай знакомый был, взял да и отвернулся. А потом уж погиб в Красной армии Вася. Похоронная мне пришла. А Саша, папка ваш, еще мальчик был, не тронули. И Сережка еще меньше. И Галя только вот родилась.

– А немцы?

– А что немцы? Приехали: курей забрали, корову, у кого была – увезли, лошадей там, по-росят. Да и уехали. Что им у нас делать-то? Грязь одна кругом.

– Страшно было?

– Боязно.

У папы в паспорте день рождения записан – 2 января.

– Бабушка, а когда наш папа родился?

– Саша, что ли? Летом.

– А как наш папа оказался в Москве?

– Да вот после войны. Голодно было. Езжай, говорю, Саша, в Москву, а то ведь не выживем. Ну, он и собрался. Выучился. Молодец. Корову мы тогда продали...

От нее мы узнаем после долгих расспросов, что в деревне до войны было две фамилии – Смирновы и Васильевы. До войны бабушка, ее муж и старшие дети были записаны Смирновыми. Перед приходом немцев все колхозные документы были уничтожены. Приказ такой был.

После войны вся семья была записана под новой фамилией – Васильевы. Кажется, никто и не возражал.

Ведь половина деревни носила фамилию Смирновы, половина – Васильевы. Как и до войны. У бабушки Нasti детей шестеро, пятеро сыновей и последняя, самая младшая, дочь. Трое старших погибли на войне. Муж скончался после войны от ран. Мастер был на все руки. Плотник. К тому же грамотный. Считать и писать умел. Видный мужчина.

Сама бабушка Настя читала с трудом. А писать совсем

не умела. Вместо росписи за принесенную почтальоном пенсию ставила крестик. Книжек у нее совсем не было. Ни молитвенных, никаких...

Ладони у бабушки Насти большие, крепкие, широкие, пальцы держать шариковую ручку и карандаш совсем не приучены. Она высокая и не толстая. Почти всегда ходит в платочке.

— Бабушка, — сказал я, уже школьник, — давай я тебя расписываться научу.

— Давай, — к моему удивлению, согласилась бабушка. — Только чернилами.

И я научил ее выводить нашу фамилию в нужной графе один раз в месяц. Недели две занятых потребовалось, не больше. Бабушке нравилось макать перо в пузырек и ждать, пока лишние чернила свалятся, откапают, сползут вниз.

Расписываться бабушке оставалось еще четыре месяца. Однажды в марте пришел из школы, а папа зачем-то дома. Умываетя, а глаза красные... Что такое?

— Понимаешь, у меня... мама... бабушка твоя умерла. Увезли уже.

Зато, думаю, теперь мы с сестрой одни в комнате жить будем. Не надо выходить, пока бабушка переодевается.

Как-то быстро все произошло. И не болела она, и врачей у нас в доме никаких не было. И даже скорая помощь не пригодилась. Пришел я из школы — а бабушки нет. И уже совсем-совсем никогда не будет.

Пылесос «Ракета» появился у нас внезапно. Так же внезапно, как телевизор «Рекорд».

Телевизор бабушка терпела, пылесос недолюбливала.

— Выключи его! — с редким для нее нажимом говорила она. — Я веником подмету, чисто будет.

— Моя очередь убирать, — возражал я, второклассник. — По графику я дежурный. После пылесоса я еще везде шваброй пропру с мокрой тряпкой, как мама велела. А веник — не надо... Пылесос мне очень нравился. Черно-синий, шустрый, на

резиновых колесиках, он ловко поворачивал за тобой на длинном шнуре и ласково рычал по квартире.

— Выключи, выключи, голова от него болит, — повторяла бабушка.

А если я не слушался, продолжал пылесосить, то она уходила во двор и долго сидела на лавочке, спиною к окнам. Напротив, через дорогу, стояла белая лошадь, привозившая в детский сад большие бидоны с молоком. Бабушка смотрела на лошадь, а лошадь, мне казалось, смотрела на бабушку.

Готовить бабушка совсем не любила. Однажды сварила суп в маленькой синей кастрюльке. Кастрюля стояла на подоконнике. Я снял крышку и отпрянул — в мутной серой густоватой жидкости плавали сардельки, луковица, картошка, соленые огурцы, колбаса. Бр-р...

Мама рассказывает:

— Взяли мы бабушку Настю в Москву из жалости. Летом пятьдесят девятого года поехали к ней. Зимой поженились, а летом поехали. Папа хотел мне свою родину показать, с мамой своей познакомить. До Вязьмы на поезде ехали, там до Касни ходил поезд рабочий, одноклассика. Касня — село большое, там папа в школе учился. От Касни пешком шли — двенадцать километров. Я уже беременная тобой была. Пошли и пришли...

Такой бедности я еще не видела в жизни. Жила бабушка Насти одна. Работала в колхозе. Дом крыт соломой. Одна комната, через перегородку хлев. Мухи. Полчища мух! Грязь ужающая. Конечно, запах... Из мебели — стол, лавка, кровать. Ну и печка. Ни света в доме, ни воды.

Жалко мне ее стало. Давай, говорю, Саша, маму твою к себе заберем, ну что она тут одна, в грязи этой... И через год бабушка приехала. В Москве ее долго прописывать не хотели. Потом все же прописали, офор-

мили пенсию. Жили мы тогда в бараке. Ну, ты, наверное, не помнишь бараки?

Бараки я помню не очень, я помню сверкающий на солнце желтый песок на берегу Москвы-реки и тени от длинных темных домиков в один этаж — это и есть бараки. Жарко и почему-то весело. Пахнет водой... Сколько мне тогда было?

Сейчас на этом месте стоят кирпичные гаражи. В них обитают важные дяди со своими машинами. Песок вот куда-то подевался. Река на месте.

Я люблю сидеть у окна. Смотреть на реку, на людей, на автобусы, на деревья. Жена ворчит изредка: «Что ты там такого нового увидел?»

А мне нравится. Сижу, курю и смотрю в окошко. Жаль, вид на речку сузился. Слева построили дом, справа очередной народный гараж. Но все-таки кое-что разглядеть можно...

Сижу так и вспоминаю бабушку Настю. И папины ответы про школу. Такие короткие, почти без деталей.

— Каждый день надо было идти двенадцать километров туда и потом двенадцать обратно?

— Ну да. Соберемся в деревне и все вместе идем. Учиться-то надо.

— А зимой?

— Зимой на лыжах ходили. Если сильный мороз или наметет снегу очень — пропускали денек-другой. Или если помощь наша дома нужна. А как же... Работы хватало разной.

Нам с сестрой жалко папу, он представляется нам кем-то вроде Филиппа из рассказа графа Льва Николаевича Толстого.

Нам-то с Лидой до школы — десять минут, через дорогу, мимо кинотеатра по косой, а там через двор — направо...

Но папа о школе в Касне вспоминает хоть кратко, но весело. Уточняет даже:

— Трудность была в обувке, а не в дороге. Хорошо ходить, когда обувь есть. Я лет в тринадцать уже умел себе сапоги сшить.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

Если кожа подходящая попадалась. Свиная, к примеру. Ну, может, они и не очень видовые были, но зато крепкие, идешь себе, красота... Сапоги поскрипывают.

Я в той деревне никогда не был, да и нет ее, наверное, теперь, но картинки те вижу четко, словно сам рос на берегу речки Вазузы, ходил в школу до Касни, а однажды осенью, по маминому совету, ушел от голода – учиться и работать в Москву.

Учили в ремесленном училище на фрезеровщика или на крановщика. Папа крановщи-

ка выбрал. И общежитие при училище было. И стипендия. И столовая. И распределение – в Южный речной порт, самый большой в Москве. Он еще строился, достраивался после войны. И ведь не так давно все это случилось... Каких-то семьдесят лет назад.

Бабушка Настя пережила две войны с немцами. Немцы убивали ее сыновей. Сыновья убивали немцев. А вот ее внучка и правнучка живут с относительно недавних пор в маленьком городке благополучной Германии и носят фамилию Миллер.

Вроде бы всем довольны. По крайней мере, давно не пишут. Не звонят. И в гости не едут. Наверное, получили уже вид на жительство или как это там у них называется... И если бы сохранились удивительные анкеты с вопросом, есть ли у вас родственники за границей, пришлось бы нам отвечать – есть.

А пылесос я со временем разлюбил... Ну его, шумный. Как жена начнет пылесосить, я стараюсь сбежать. В магазин там... Или в библиотеку. Я полы мокрой тряпкой мою. И подметаю веником. Нормально выходит. ☺

КОЛЯДА В УТЕРЯННОЙ ДЕРЕВНЕ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

ЗАМИРА УСМАНОВА

ДЕРЕВНЯ СО СМЕШНЫМ НАЗВАНИЕМ «ЗАСОСЬЕ» ОБЫЧНО ПРАКТИЧЕСКИ БЕЗЛЮДНА – КАК И МНОГИЕ ДРУГИЕ ТАКИЕ ЖЕ ЗАБРОШЕННЫЕ ДЕРЕВНИ ПО ВСЕЙ РОССИИ. НО В ЭТОТ ЯНВАРСКИЙ ДЕНЬ ОНА ОЖИЛА: БАБЫ С КОРОМЫСЛАМИ, ПЕРЕГОВАРИВАЯСЬ ДРУГ С ДРУГОМ, ПОНЕСЛИ ДОМОЙ ВЕДРА С КОЛОДЕЗНОЙ ВОДОЙ, ПО ЕДИНСТВЕННОЙ УЛИЦЕ ЗАСОСЬЯ ОТ ИЗБЫ К ИЗБЕ ХОДИЛИ РЯЖЕНЫЕ С ГАРМОНЬЮ, ГУСЛЯМИ И ТРЕЩОТКАМИ, У АМБАРА ДЫМИЛ САМОВАР И ПЕЛИ КОЛЯДКИ ДЕТИ.

СЛАНЦЕВСКИЙ РАЙОН Ленинградской области, 150 километров от Петербурга. По дороге, вдоль которой выстроились одиннадцать оставшихся в деревне домов, машины проезжают редко. Те, кто едет в Кингисепп или Ивангород, сюда не заезжают, да и дорога в Засосье

до этого года была грунтовой, асфальт положили только этим летом. Но те редкие автомобили, которые все-таки проезжали мимо деревни, тормозили, а водители с удивлением оглядывались по сторонам.

– Тут что, кино снимают, что ли? – приоткрыл окно один из автомобилистов. – Что происходит?

Удивляться было чему. В Засосье, где на зиму из местных остаются четыре человека, вдруг «загуляла» вся улица, возле изб толпился народ, у амбара водили хороводы и жгли костер. Да и люди все выглядели как в кино: женщины повязали головы яркими шерстяными платками, все в валенках, длинных юбках и теплых шубейках. Мужчины с гармонью и балалайками. Колодезный журавль, у которого выстроилась очередь из девушек с ведрами. Автомобилистам «местные» с удовольствием объясняли, что никакие они не местные, а приехали со всей Ленинградской области и из Петербурга, чтобы поучаствовать в Больших святочных гуляньях. Идея устроить во время Святок настоящие старорусские гулянья посетила группу энтузиастов во главе с Любовью Смирновой – любительницей этнических праздников, занимающейся реконструкцией русских национальных традиций.

– Понимаете, очень мало людей знают о настоящей русской культуре, – рассказывает она. – Это обычно либо «развесистая клюква» и китч, либо какие-то якобы «сакральные» знания, которые некие «гуру» дают за деньги. Святочные, или масленичные, гулянья – не новость, их каждый год проводят в городских парках, но

хотелось, чтобы все было честно, по-настоящему, с реальным погружением в атмосферу русской деревни. Ведь именно в таких «настоящих», а не придуманных декорациях можно не только познакомиться с обычаями и традициями своих предков, но и на себе почувствовать, как они жили, как веселились. Зайти в жилые старинные избы, построенные сто или двести лет назад, погреться у русской печки, погладить хозяйственного кота, спящего на подушках... Конечно, недостаточно только наличия самой деревни, ее надо еще и «оживить». Поэтому на фестиваль мы

пригласили несколько фольклорных коллективов из Ленинградской области и Петербурга. Но они сегодня – не артисты, которые выступают со сцены, они такие же участники святочных гуляний, как и все остальные. Большинство гостей, приехавших из города, ничего толком не знают про традиции святочных гуляний, никогда в жизни не колядовали, а о гаданиях на суженого читали только в сказках. Поэтому им нужна помощь фольклористов, которые расскажут, споют, научат, развеселят и окунут в атмосферу славянского зимнего праздника.

С КОРОМЫСЛОМ НАПЕРЕГОНКИ

Семейный клуб «Свояси» приехал в Засосье из районного центра Сланцы. Еще не все гости успели доехать до места, а неугомонные бабушки и дедушки стали ходить по улице, распевая колядки и народные песни, водя за собой переодетых «козу», «медведя» и «лошадь».

– Погодите, еще рано! Мы еще не начали! – пытались остановить их организаторы, но потом махнули рукой. – Вообще-то все правильно, это ведь настоящие деревенские гулянья, тут каждый делает то, чего душа просит. Чтобы гости не мерзли, возле амбара «Свояси» вместе с фольклорным ансамблем «Бережа» устроили хороводы, да не простые, а со всякими фигурами, когда одна лента из танцующих проходит сквозь другую, потом большой хоровод распадается на три маленьких, которые, как матрешки, располагаются внутри друг друга.

– Хороводы водить – это искусство, – объясняют знатоки. – Правда, почти забытое. А раньше все деревенские девки и парни, да и детишки, умели водить настоящие хороводы. Для девушек придумали другой способ согреться – набирать воду в ведра и ходить с коромыслом наперегонки, не проливая ни капли. Не каждая городская гостья с первого раза справится с колодезным журавлем, достав полное ведро воды со льдом, а уж «надеть» на себя коромысло – искусство похлеще, чем хоровод водить.

– Правым плечом к коромыслу, присядь, руку положи ближе к ведру! – командует Анастасия Сарыкова. Она специалист по ношению коромысла. – Теперь вставай, но ногами, а не поясницей. Копчик втяни, попу не отклячивай!

Девушки, большинство из которых коромысло видели только в музее, выпрямлялись и неуверенно шли, расплескивая воду. «Ох, а ведра-то нелегкие!», «А как спина распрямляется!» «А почему у меня ведра качаются?»

– По тому, как проворно и красиво девушка несла коромысло, в старину проверяли ее здоровье и хозяйственность, – объясняет Анастасия. – Перед свадьбой обязательно отправляли девушку за водой, чтобы посмотреть на ее мастерство. Я уже три года учу городских женщин носить коромысло – ведь это красиво, расправляет осанку, у женщины меняется походка – становится медленной и плавной. Мне привезли несколько экземпляров коромысел из Старой Руссы в Новгородской области, им всем уже не менее полувека. Они хранятся у меня дома, как-то у нас у всего квартала отключили электричество и водоснабжение, так мы с мамой взяли по коромыслу и пошли с нашего девятого этажа к колонке! Люди смотрели нам вслед и удивлялись, откуда мы такие взялись.

«А НЕ ДАШЬ КОЛЯДУ, ОБОРВЕТСЯ ИНТЕРНЕТ!»

Главная часть святочных гуляний – это, конечно, колядки. Все гости разбились на несколько команд и под предводительством фольклорных коллективов отправились по избам. Поскольку про колядование (иногда еще говорят – щедрование) большинство гостей только в книжках читали, был проведен небольшой святочный ликбез.

– В древности считалось, что в виде ряженых к дому приходят наши предки, – объяснили в ансамбле «Бережа». – В Свяtkи истончается ткань между мирами, и умершие люди могут навестить своих потомков. Поэтому ряженых одаривали лучшими дарами, самым вкусным, что было в доме, – чтобы не обидеть своих предков. По этой же причине колядующие наряжались, надевали маски животных, например козы, лошади, медведя. В медведя наряжались крепкие парни, таким образом как бы «отдавая» на время свои тела предкам. А затем купались в проруби, «смывая» с себя их присутствие. С колядками да прибаутками процессии колядующих двинулись по главной улице Засосья. «Кого мишка-то обнимет, та девка замуж выйдет», – пели бабушки, а переодетый «мишка» обнимал всех девчонок подряд. «Если баба уже замужем, то разбогатеет», – объясняли бабушки. «Идет коляда, отворяй ворота!», «Коляда идет, жениха ведет!», «Кто не даст пирога, тому козья нога!» Одними из тех, кто принимал колядующих, стала семья Ксении

Галактионовой – они с мужем вышли на порог своей избы и встречали толпу ряженых.

– Первый раз в жизни ко мне пришли колядующие, – признается Ксения. – Их было так много, что они заполнили весь двор. Впереди четверо малышей, держащих одну корзинку, которую им дали под коляду. Море сияющих глаз и улыбок, детские ладошки, сложенные лодочкой в ожидании конфеты, летящие на наши головы зерна, песни с желанием достатка и здоровья – именно так человек с русской душой должен встречать Новый год, а вовсе не с миской оливье перед телевизором. Нам желали урожайного года и благополучия, мужу особенно понравилась колядка про «12 коров и 13 бычков», ведь это его мечта. Некоторые колядки были, кстати, вполне современными: что-то вроде «а не дашь коляду, обрвется Интернет!».

РАСКУЛАЧИВАНИЕ, РЕПРЕССИИ, НЕМЦЫ

Ксения Галактионова не случайно считает себя местной, хотя приезжает в Засосье пока только на выходные – здесь веками в родовом доме жила ее семья.

– Наша деревня впервые упоминается в 1680 году, – рассказывает она. – Хотя вообще-то здесь люди и раньше жили, есть могильник, датированный XI веком. Название нашей деревни – кстати, в слове «Засосье» ударение ставится на первый слог, – скорее всего, означает «за сосновыми» – неподалеку есть сосновый лес. Хотя есть и другие версии: якобы где-то здесь в болоте засосало лошадь

Петра I, когда он возвращался из Нарвы. И еще одно предположение: местные парни так страстно умели целоваться взасос, что всю деревню так и прозвали.

Даже если такие умения у местных молодцов и были, то теперь они навсегда утеряны, да и молодых парней в деревне давно уже нет.

– До революции, в начале 1900-х годов, здесь было 50 дворов, около 500 человек, – рассказывает Ксения. – Несколько домов, построенных еще в XIX веке, сохранилось по сей день – строили тогда добротно. Каменный амбар, возле которого сегодня гости пьют чай из са-

мовара, еще старше, в свое время мой прадед считал, что его нет смысла ремонтировать, сам скоро развалится. Прадеда уже тридцать лет нет в живых, а амбар все стоит.. Деревня была зажиточной, местные держали скотину, были пасеки, многие имели свое дело в Петербурге. Например, наш прадед имел извозчикский промысел, занимался грузоперевозками на лошадях. Он был богатым человеком, у нас есть документ от нотариуса, датированный 1916 годом, где написано, что наш дед купил здесь в округе 20 десятин земли.

После 1917 года все изменилось. В 30-е годы началась коллективизация, у жителей Засосье отобрали скотину, организовали колхоз. Это стало первым ударом по преуспевающей деревне.

– Многие уехали еще тогда, поняв, что дальше будет хуже, – говорит Наталья Виллен-Рется, сестра Ксении. – В 1937 году половину деревенских мужчин репрессировали – как бывших кулаков. Их увезли на Север, а в деревне остались только женщины с малыми детьми. Потом война, в Засосье пришли немцы. Мой дядя Леня, ко-

торый тогда был мальчишкой, рассказывал, как все жители деревни убежали в лес от немцев и жили там какое-то время. Но потом поняли, что те не будут никого расстреливать, и постепенно вернулись в свои дома. А в 1944 году в нашей избе был штаб танковой дивизии – советские войска вели бои за Нарву. Вдоль улицы стояли танки, а дядя Леня, сидя на печке, присутствовал при обсуждениях и

«разборах полетов». Он потом рассказывал, как его удивляло, что героев, воевавших за победу, распекали их начальники.

После войны некоторые из репрессированных в 1937 году мужчин вернулись домой, но большинство семей разъехалось, деревня постепенно опустела. Засосье вообще хотели ликвидировать, но ее спасло то, что здесь разместили леспромхоз, поселили рабочих.

Но уже к 70-м годам молодежь уехала в город, а жить в захолустной деревне остались одни бабушки.

— Мы с Ксенией каждое лето жили в Засосье у бабушки, но потом выросли, семья, дети, работа... Приезжать стали все реже, — говорит Наталья. — В деревне никого не осталось. Летом еще приезжают в свои родовые дома дачники, а зимой тут пустынно.

«ПРИЕХАЛИ ВСТАВИТЬ СТЕКЛА — И ОСТАЛИСЬ НАВСЕГДА»

В 2012 году Наталья с мужем Олегом приехали в Засосье из Петербурга — проведать дом, в котором каждую зиму хулиганы выбивали стекла. И неожиданно приняли решение остаться тут жить.

— Душевно здесь, — пытается объяснить свою мотивацию Наталья, в прошлом — владелец успешного

туристического бизнеса. — Это же мои родные пенаты.

Засосье — настоящая глухомань, хоть и не очень далеко от Петербурга. Здесь нет почты, нет магазинов (ближайший — за 7 километров в соседнем селе), из благ цивилизации — только электричество. Сохранилась автобусная остановка: Наталья еще помнит, как в детстве в Засосье дважды в день по грунтовой дороге приезжал рейсовый автобус. Но уже двадцать лет автобусы сюда не ходят. На главной и единственной улице работает один фонарь — как ни бился Олег, муж Натальи и староста деревни, второй фонарь пока так и не установили. Мобильная связь есть. В окрестных деревнях народу тоже мало, но среди тех, кто есть, много пьющих.

— В 2014 году завели хозяйство. Сейчас у нас четыре коровы, бычок, двадцать коз, свиньи, куры, бараны, — перечисляет Наталья. — Для меня фермерство было неизведанным опытом, поэтому достали довоенные бабушкины книжки по животноводству, пришлось досконально изучать, как правильно за животными ухаживать, как их содержать, кормить. Помню, когда нам первую козу привезли, мы всей семьей ее доить пошли. Муж за рога держит, еще кто-то зубы заговаривает, а я дою. Страшно было! Но потом принародились, азарт появился, стали расширяться, приобрели новых животных. Молоко, яйца, мясо едим сами, что-то продаем в соседние деревни, муж сестры возит заказы в Питер.

— Если содержать животных как следует, хорошо их кормить и следить за их здоровьем, то не разбогатеешь, — признается Олег Виллен-Рется, муж Натальи. — Но нам хватает, у нас все есть. Жители соседних деревень даже завидуют — мол, приехали тут городские «неумехи» и за три года стали лучшим хозяйством в округе! Но сами работать не хотят. Нужен был нам работник — за животными ухаживать. Чтоб малопьющий и скотину любил. С трудом нашел.

**МУЗЕЙ УТЕРЯННЫХ
ДЕРЕВЕНЬ**

Но Наталье и Олегу показалось мало просто переехать в опустевшую деревню – им хочется возродить былую жизнь в Засосье, привлечь сюда другие семьи, туристов. Сами супруги переехали в новый дом, а в своей родовой избе создали Музей утерянных деревень – небольшой музей, где они рассказывают об истории своей деревни, показывают ее быт в дореволюционное и советское время.

– У нас сохранились старинные предметы быта, документы и фотографии, – говорит Наталья. – Узнав о нашем музее, со всей России люди стали присыпать нам письма о своих «утерянных» деревнях, где в последние годы тоже прекратилась жизнь. С фотографиями и рассказами. Уже на целую книгу хватит! Мне кажется, наш скромный музей напоминает людям об их корнях, о том, что у них были бабушки, было детство среди коров и стогов сена, с русской печкой и колодцем.

Музей утерянных деревень – это еще не все. При входе во двор дома, где живет Ксения и ее семья, стоит статуя. Женщина с двумя детьми глядит вдаль. Памятник называется «Нюра» и входит в мемориал «Невиновные», созданный Ксенией и Натальей.

– Памятник установили в 2016 году, – рассказывает Ксения. – Прообразом его стала наша прабабушка Анна Галактионова, Нюра, которая осталась в 1937 году с двумя детьми совсем одна, после того как деда репрессировали. У меня, кстати, двойное имя – Анна-Ксения, Анна – в честь прабабушки.

– Нюра – это собирательный образ русской женщины, оставшейся без кормильца, которого раскулачили и увезли на Север, – добавляет Наталья. – Этот каток прошелся по всем здешним деревням. В нашем музее есть фотография 1947 года, там сняты все жители деревни За-

сосье. Там нет ни одного мужчины! Хотя как раз через несколько месяцев после этой фотографии наш прадед вернулся из-под Воркуты. Говорят, он выжил именно потому, что был крестьянином и легче переносил тяготы лагерей. Хотя Яков Судаков, наш сосед, так и не вернулся: его родные рассказали нам, что во время войны перед наступлением немцев руководство лагеря, опасаясь бунтов и побегов, просто расстреляло всех заключенных. Создавая мемориал «Невиновные», семья Галактионовых просто хотела собрать информацию о жителях Засосья, репрессированных передвойной. Появились Книга Памяти, куда вносятся забытые имена местных жителей, памятник, поклонный крест.

– К нам многие обращаются, не только из соседних деревень, но и со всей России, просят внести их родственников в Книгу Памяти, – говорит

Наталья. – А в Интернете несколько человек написали, что «Нюра» – это памятник именно их бабушке, которую тоже так звали и у которой тоже было двое детей. Мы сами не ожидали, что наше небольшое семей-

ное «расследование» выльется в такой большой общероссийский проект! Возвращаться в городскую жизнь Наталья и Олег не собираются. Да и Ксения с мужем тоже хотят переехать в За-

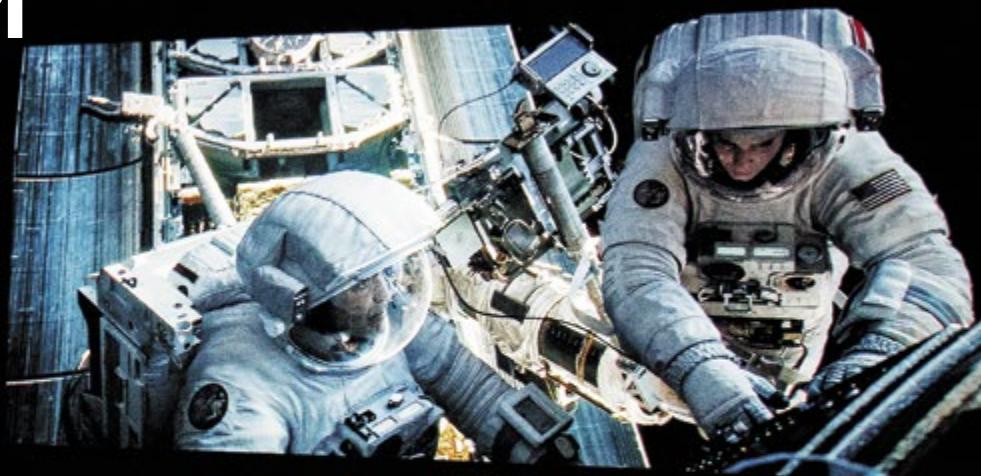
сосье насовсем и всей семьей заниматься фермой и музеем, возрождать деревню. Один из путей развития – привлечение туристов. Говорят, многие звонят и пишут, готовы летом приезжать, чтобы окунуться в «деревенскую романтику» – возиться со скотиной, косить сено и носить воду из колодца. Пока им негде остановиться – ни в Засосье, ни в соседних деревнях нет гостиниц или гостевых домов. Семья Галактионовых уже об этом задумывается.

– Я в городе находиться уже не могу, хотя сам ленинградец, – говорит Олег. – Мне там дышать нечем, сил нет, все бесит. А здесь все иначе, сил много, хотя на ферме дел хватает – с 6 утра до 11 вечера на ногах, крутишься по хозяйству.

– Здесь совсем другая жизнь, другие ценности, – улыбается Наталья. – В городе идешь по улице и думаешь, как бы в Интернет зайти, какой бы новый телефон купить. А здесь идешь и думаешь – как бы мне козе веников наломать!

Когда стемнело, в Засосье разожгли огромный костер – для всех гостей, которым на один день удалось побывать в стариинной русской деревне и почувствовать свои корни, вспомнив, как отмечали Святки наши предки. А у самого Засосья тоже был большой праздник – впервые за много десятилетий эта «утерянная» деревня смогла обрасти себя и «ожить». Пусть все-го на один день. ☺

СОЗДАТЕЛИ ИЛЛЮЗИЙ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

...КОГДА-ТО ЗДЕСЬ, У ПОДНОЖИЯ ВОРОБЬЕВЫХ ГОР, НАХОДИЛАСЬ СКРОМНАЯ СЛОБОДА ПОТЫЛИХА, ЖИТЕЛИ КОТОРОЙ РАБОТАЛИ ПО НАЙМУ НА РАСПОЛОЖЕННЫХ НЕПОДАЛЕКУ ПЛАТОЧНЫХ И СУКОННОЙ ФАБРИКЕ – «ПОТЫЛИЛИ», КАК ГОВОРИЛИ ТОГДА.

В СЕ ИЗМЕНИЛОСЬ В 1927 году, когда близ слободки решили построить киностудию полного производственного цикла, создав ее на основе объединенных еще в 1923 году Первой и Третьей фабрик Госкино (постановление Совнаркома о создании Государственного комитета по кинематографии вышло

19 декабря 1922 года. – Прим. авт.). До национализации эти фабрики являлись знаменитыми киноателье Александра Ханжонкова и Иосифа Ермольева. Деревенские дома и бараки снесли, а на их месте выстроили огромные съемочные павильоны. Многие жители слободы устроились работать на новую студию.

Не стоит удивляться тому, что в стране, в которой только что отгремела Гражданская война, новая власть озабочилась созданием большой киностудии. Сила кинематографа, тогда еще Великого немого, была хорошо известна политикам. В том числе и в России, где уже в 1911 году вышел один из первых в мире полнометражных фильмов – «Оборона Севастополя» («Воскресший Севастополь»), снятый Александром Ханжонковым и Василием Гончаровым. На съемку картины режиссеры получили разрешение у императора Николая II, по его распоряжению были предоставлены войска для массовки, оружие и консультанты – историки и офицеры. Для съемок батальных сцен в Крыму впервые в мире

использовались сразу два киноаппарата. Успех картины в прокате превзошел все ожидания... Неслучайно глава новой советской власти Владимир Ленин очень интересовался киноиндустрией и верно оценивал ее потенциал, утверждая, «что из всех искусств для нас важнейшим является кино».

Этого «завета Ильи» советская власть придерживалась неукоснительно. Поэтому немудрено, что довольно быстро столичная киностудия разрослась до колossalных размеров и стала одной из главных визитных карточек страны.

Сегодня «Мосфильм» занимает почти 35 гектаров – он превратился в настоящий город внутри Москвы: тут есть свои улицы и площади, названные в честь великих режиссеров, декорации под открытым небом и даже яблоневый сад, который после выхода в 1948 году фильма «Мичурин» («Жизнь в цвету») начал высаживать сценарист и режиссер картины Александр Довженко.

В 1990-х годах знаменитый киноконцерн, как и вся страна, переживал тяжелые времена: студия разваливалась, а убытки нарастили как снежный ком. Однако сегодня обновленный и перестроенный «Мосфильм» оснащен не хуже, чем европейские и даже голливудские киностудии. Гордится он и своей командой профессионалов, многие из которых работают здесь десятилетиями...

Территорию киностудии украшают памятники известным режиссерам. Один из них посвящен Сергею Бондарчуку

Тот самый «мерседес-бенц»
Штирлица –
у этого дворники
прикрепляются
сверху

ДВА АВТОМОБИЛЯ ДЛЯ ШТИРЛИЦА

Есть на огромной «фабрике иллюзий» и свой музей, под крышей которого собраны многие из вещей и «актеров», когда-то снимавшихся в фильмах легендарной киностудии. Впрочем, многие из экспонатов используются на съемках и в наше время. Вот, например, огромная коллекция ретроавтомобилей, каждый из которых, между прочим, на ходу и в любой момент готов к съемкам. «Послужной список»

такого «актера» на колесах краусается у каждого экспоната, поэтому выяснить, в какой картине он снимался, не составит труда.

То, как редкие и дорогие автомобили попадают в музей – отдельная история. Старенький трофеинный немецкий мотоцикл, например, долго простоявал в чьем-то гараже – забытый, сломанный и заброшенный. Его нашли, отремонтировали и отправили на съемки. Шикарный лакированный

Неповоротливый «Фердинанд» из фильма «Место встречи изменить нельзя»

Такой броневичок
на современной войне
едва ли спасет...

ЗИС прибыл из кремлевского гаража самого маршала Малиновского – и на своей заслуженной пенсии теперь тоже снимается в кино. Бордовый «бьюик кабриолет», говорят, принадлежал последнему императору Китая, Пу И, – нашли автомобиль где-то в Якутии и везли особо ценный экземпляр через всю страну! А «мерседесовец», за рулем которых в забвенном сериале «Семнадцать мгновений весны» сидел Штирлиц, на самом деле было два – и это легко заметить в фильме: у одного автомобиля держатели для дворников рас-

положены сверху, а у второго – снизу.

На своих родных каучуковых колесах стоит немецкий «Магирус», разменявший уже вторую сотню лет! Он – счастливое исключение, поскольку многие машины появляются на киностудии в таком состоянии, что без качественной починки им не обойтись: случалось, приходила лишь одна крупная деталь, к примеру кузов, и уникальные мастера «Мосфильма» заново создавали автомобиль.

Немало у киностудии и военной техники, вот только на самой Мосфильмовской улице

Музейная
экспозиция
карет
«Мосфильма»

Несколько
единиц военной
техники
встречают прямо
у главного входа
на территорию
киноконцерна

танки и пушки можно пересчитать по пальцам: оказывается, для хранения крупногабаритной техники и оружия в подмосковном Алабино построен специальный полигон – там находится 6,5 тысячи наименований! Соседней Кубинке он, конечно, уступает, тем не менее выглядит очень впечатляюще. А вот декораций в музее «Мосфильма», к удивлению, не так уж и много. Казалось бы, после каждого фильма должно оставаться что-то примечательное, но нет – большая часть разбирается и утилизируется. Огромная работа художников-постановщиков и декораторов сохраняется только на экране. Есть, правда, и исключения: в музее можно увидеть небольшой уголок декораций из фильма Эльдара Рязанова «Андерсон. Жизнь без любви», за которые получили «Нику», некоторые предметы сельского быта, использовавшиеся еще в советских фильмах, а также реквизит нескольких сцен из картины Карена Шахназарова «Яды, или Всемирная история отравлений» – к примеру, чрево быка, в котором принимал кровавые ванны Чезаре Борджа. Это, конечно, всего лишь мультик, настоящее животное, тоже мелькнувшее в кадрах фильма, не пострадало, хотя на съемочной площадке и дежурили снайперы со снотворным.

Улица старой Москвы упирается в красивый особняк, который уже успел побывать и барской усадьбой, и больницей, и даже Институтом благородных девиц!

ПЕНОПЛАСТОВЫЕ МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ

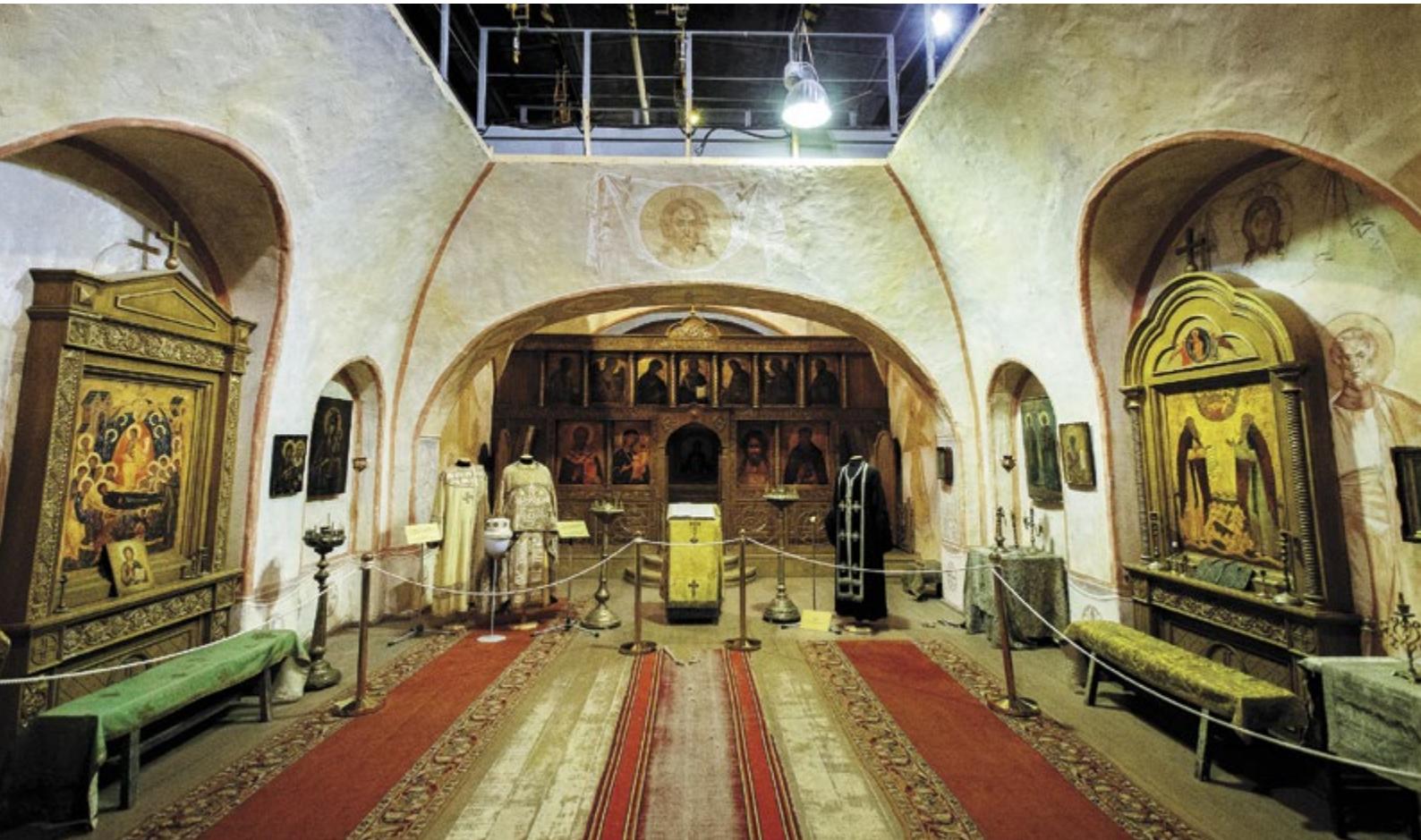
Наиболее зрелищным аттракционом для гостей музея киностудии стала декорация дореволюционных Петербурга и Москвы. Старую Москву построили для фильма Карена Шахназарова «Всадник по имени Смерть», вышедшего на экраны в 2004 году, однако конструкция оказалась настолько удачной, что ее решили не разбирать, как обычно, а продолжать использовать в съемках. Пластиково-пенопластовые улицы потом частенько появлялись в кадрах других фильмов: в «Соньке Золотой Ручке», «Бедной Насте», «Институте благородных девиц», даже в «Сволочах! Узнать одни и те же декорации в разных фильмах сложно: меняются вывески и украшения фасадов, что-то перекрашивается, по-другому ставится свет... А осенью 2016 года для фильма К. Шахназарова «Анна Каренина» половину комплекса перестроили в дореволюцион-

Пенопластовую улицу-декорацию не сразу отличишь от настоящей

ный Петербург, и теперь на одной площадке соседствуют сразу две пенопластовые столицы. Здания Петербурга выглядят величественно, атланты склоняются под тяжестью колонн; старая Москва, какой уже не найти в современной столице, привлекает самобытностью и колоритом – даже и не скажешь, что вот тут – соломенные домики поросенка Ниф-Нифа... Легкие коробки зданий, полые внутри, реальные сцены можно снимать только в одном из кафе, а в остальных случаях актеры всего лишь прогуливаются (или проезжают в экипажах) по ненастоящим улочкам, ведут беседы, открывают двери – и больше ничего. При правильном освещении и ракурсе зритель не догадается, что все это – только иллюзия.

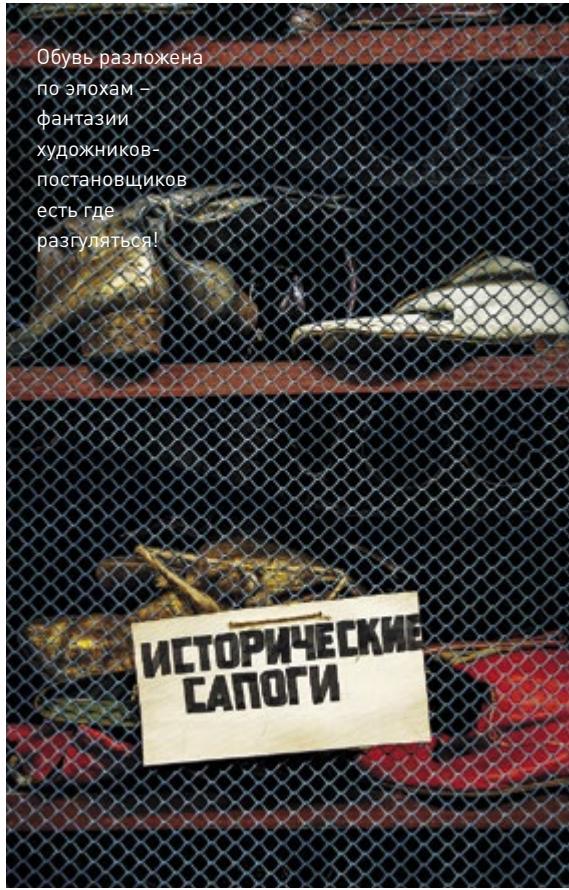
Крупные декорации, как правило, создают из недорогих материалов, чтобы и ломать было не жалко, и бюджет картины не разрастался до астрономических сумм. Сложные элементы

(например, резьбу по дереву) вырезают на станках, «кирпичную кладку» печатают на пленке, фанере или пенопласте, ее нужно будет только вручную расписать. Здесь художники и соревнуются в талантах: у кого получится натуральноее прописать, к примеру, «паркетную кладку» или узоры на «мраморе» в отделке. Ведь не так уж редко приходится создавать объекты, в которые не попадешь: залы Кремля, кают-компании известных кораблей, разрушенныевойной города.

Используют в съемках и всевозможные декоративные уловки, например муляжи животных. Если на сельском пейзаже вдалеке видна лошадь, не всегда она оказывается настоящей, возможно, ассистенты просто поставили гипсовую фигуру якобы пасущегося животного. А порой в кадре появляются точные макеты, скажем, известных соборов или же кораблей – их снимают крупным планом, добавляют с помощью компьютерной

Обувь разложена
по эпохам –
фантазии
художников-
постановщиков
есть где
разгуляться!

А этот павильон превратили
в небольшую церковь

графики двигающихся людей, и кажется, что объект действительно сняли с воздуха! А в самом маленьком павильоне «Мосфильма» появилась даже... церковь, вот только ее с виду мощные стены можно проткнуть пальцем. Росписи стен здесь сделаны «под Феофана Грека», иконостас состоит из копий работ известных русских иконописцев. В итоге получилось настолько правдоподобно, что, говорят, порой люди начинают молиться, когда входят в этот «храм». Однако купольной части здесь нет, ее приклеивают уже при монтаже, вместо этого над потолком установлены съемочная техника и осветительные приборы. В настоящей церкви так не развернешься, она не вместит всю съемочную группу, вот и приходится экспериментировать с декорациями.

Знаменитая шуба
Ивана Васильевича Грозного

ОДНА ШУБА ДЛЯ ДВУХ ИВАНОВ ГРОЗНЫХ

Точно так же для фильмов с нуля отстраивают квартиры. Привычные жилища слишком малы для съемок, поэтому в павильонах создают целые интерьеры. Перед началом любых съемок рисуют чертеж или строят макет площадки – так намного проще понять, как лучше расставить ак-

теров, камеры и декорации, где какие сцены снимать.

При необходимости предметы интерьера можно подобрать здесь же на студии, «Мосфильм» из своих коллекций может спокойно укомплектовать не один десяток квартир. На его огромных складах можно найти все – от лампочки до домашней библиотеки (только книг там не

Некоторые
костюмы
проиллюстри-
рованы своими
самыми извест-
ными «ролями»
в кино

будет – одни корешки). Ни в одном музее быта или мемориальной квартире нет такого количества экспонатов: на битком набитых складах одних лишь пустых бутылок два стеллажа! А люстр, плафонов и ночников больше, чем в большом магазине. Большинство этих вещей – советских времен: что-то дарят люди, а что-то нашлось на блошиных рынках и развалих. Художники-постановщики приходят на склад, выбирают нужные вещи и пишут на них заявки с просьбой разрешить использовать реквизит в конкретной картине.

Интересно погулять и по огромным костюмерным киностудиям, где можно узнать наряд из фильма, который видел еще в далеком детстве. Самые запоминающиеся и яркие костюмы выставлены на манекенах в нескольких небольших залах, взять напрокат их нельзя, художники теперь могут лишь искать вдохновения, глядя на «легенды из ткани». Здесь, как правило, выставляются костюмы из сказок или исторических картин. И здесь же вам расскажут, что, к примеру, и Сергей Эйзен-

Здесь для
съемок можно
выбрать люстру
или светильник
на любой вкус

Слепки лиц известных актеров, которым на киностудии накладывали пластический грим

штейн, и Леонид Гайдай для своих фильмов использовали одну и ту же шубу Ивана Грозного! А вот и костюмы из ленты Сергея Бондарчука «Война и мир», стоящие целые состояния: дворянские наряды из дорогих тканей вышиты золотыми нитями. Но особенно трудно шить женские платья XIX – начала XX века: эскизы сложны, а каждая из многочисленных складок и драпировок укладывается вручную.

Раньше художники по костюмам перед съемками читали сценарий, подолгу работали в библиотеках, знакомясь с историческими материалами по эпохе, делали эскизы и ждали их утверждения у режиссера картины – лишь после этого костюмеры начинали шить одежду. Теперь же, во времена продюсерского кино, когда каждый рубль на счету, на качество зачастую глаза закрывают, отчего историки и специалисты нередко находят в фильмах ошибки. Впрочем, на киностудии есть несколько огромных залов с костюмами,

На складах «Мосфильма» можно найти все, что угодно

которые можно использовать повторно, главное, чтобы они подошли по размеру. В огромных складских помещениях с сортировкой по годам и эпохам висят бесчисленные мундиры, военная форма всевозможных стран, каски и шлемы, женские платья, обувь... Что-то может показаться выцветшим, но это не так: костюмы представлены в своем изначальном виде, просто то, что мы видели на экранах, было снято на пленку с ее особой передачей цветов и оттенков. Современные же цифровые камеры передают цвета точно. Для кино шьется удобная одежда, в которой легко двигаться, удешевляются костюмы не за счет кроя или недоработок фасона, а благодаря ткани – опять же, она должна хорошо смотреться в кадре, при этом вместо очень дорогой парчи или шелка можно использовать что-то более доступное. А вот военная форма, начиная с времен Второй мировой, и вовсе оригинальная – зачем шить что-то по эскизам, если можно взять готовое?

Сегодня пленочные камеры уступают место цифровым и все чаще становятся экспонатами музея

ВРЕМЯ ИННОВАЦИЙ

Сегодня, по словам генерального директора киноконцерна «Мосфильм» Карена Шахназарова, около 70 процентов продукции студии – телевизионный контент. Сериалы становятся все востребованнее, а полнометражным фильмам отводится роль аттракциона для кинотеатров. Режиссеры предпочитают снимать на цифровые камеры: так намного удобнее хранить отснятый материал и редактировать его в современных программах. Зритель быстро привыкает к улучшению качества картинки и через некоторое время начинает воспринимать все это уже как данность.

То же самое происходит и со звуком. Одна из главных побед «Мосфильма» за прошедший, 2016-й, объявленный Годом кино, – открытие современной студии перезаписи Dolby Atmos Premier, первой в России такого уровня, пришедшего на смену привычному формату 5.1. Пока еще мало кинотеатров поддерживают новый формат звукопередачи, поэтому руководство киноконцерна год раздумывало, стоит ли менять оборудование. Но все же решилось. Используя Dolby Atmos, звукорежиссер (даже два – в студии оборудовано парное рабочее место. – Прим. авт.) состав-

Украшения для съемок, даже если это корона Российской империи, не делают из драгоценных камней – используются искусственные стразы, которые отражают, а не поглощают свет и лучше смотрятся в кадре. К тому же они и обходятся гораздо дешевле.

На чем действительно не экономят, так это на пластическом гриме, если он нужен для фильма. Специальные силиконовые накладки для лица используются только один раз, и уже на следующий съемочный день грим

нужно наносить снова. Такие маски изготавливают индивидуально для каждого актера по гипсовым слепкам лица: гипс наносят на охлаждающий раствор на основе силикона. Через полчаса слепок снимается, и уже на такой болванке готовятся все возможные маски, точно повторяющие контуры лица модели. На «Мосфильме» хранится целая коллекция слепков лиц известных российских и советских актеров, которые остались после съемок.

Доспехи и шлемы воинов прошлых эпох

Изящное платье Людмилы Гурченко сегодня – предмет гордости костюмерных «Мосфильма»

ляет 3D-карту звукового пространства и сам решает, из какого источника будет исходить звук – тот, в свою очередь, получается объемнее и мощнее. На Западе новинка уже прижилась, посмотрим, насколько высоко оценят Dolby Atmos российские зрители.

КАК СТАРОЕ СТАНОВИТСЯ НОВЫМ

Еще один повод для гордости – реставрация кинонаследия России. «Мосфильм» из более чем 1600 снятых здесь фильмов выделил около 500 картин мирового значения, которые обяза-

тельно нужно реставрировать. Вот только процесс этот невероятно сложный и затратный, а качественная работа над одним фильмом может длиться несколько лет.

Старые пленки (даже при правильном хранении) со временем начинают портиться, уже через десять-пятнадцать лет из-за физико-химических процессов на них появляются дефекты, склейки кадров становятся труднопроходимыми. А ведь следующие поколения тоже хотят видеть именно задуманную режиссером картину – без помех и проказ времени.

Пульт студии
перезаписи
последнего
поколения

Для этого материалы отбирают и преобразуют аналоговое изображение и звук в цифровой формат: пленку размягчают, очищают от пыли и прогоняют через сканер. Затем изображение выравнивают по цвету и отправляют художникам – наступает самый трудоемкий и ответственный процесс: с каждого кадра удаляют склейки пленки, грязь и появившиеся дефекты. Что-то, конечно, можно загрузить с соседних кадров, но порой недостающие детали приходится прорисовывать. Затем к изображению добавляют отредактированный звук без шумов, записывают на носители – и старые фильмы играют по-новому! Результат, безусловно, очевиден: уже можно посмотреть обновленные картины «Александр Невский» и «Иван Грозный», за которые, кстати, реставраторы получили призы Каннского фестиваля в программе «Каннская классика» (последний фильм с триумфом показали еще и в Лине). Отредактированы и некоторые фильмы Андрея Тарковского – снятые не столь давно, но полюбившиеся за рубежом. Сейчас на очереди – легендарная картина Сергея Бондарчука «Война и мир».

Получить профессию реставратора или художника декораций вне «Мосфильма», чтобы потом работать в киноконцерне, сложно. Высококлассных технических специалистов на студии очень мало, и большинство из них обучались здесь же, поступив по конкурсу на специальные бесплатные курсы при киностудии. К слову сказать, «Мосфильм» – это почти всегда всерьез и надолго: говорят, он отпускает людей с очень большой неохотой. Если кто на киностудию и попал, вполне возможно, он останется работать здесь на всю свою жизнь. У тех же жителей слободки Потылиха на «Мосфильме» сейчас работают уже дети и внуки. И это неудивительно: трудно устоять перед соблазном создания собственными руками мира иллюзий...

Генеральный
директор
«Мосфильма»
Карен
Шахназаров

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru